

АЛЬМАНАХ

**Славяно-греко-латинского кабинета
Приволжского федерального округа**

**“Thesaurus scientiarum et virtutum.
Сокровищница знаний и добродетелей”**

Выпуск I

**Нижний Новгород
2008**

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГОУ ВПО НГЛУ

УДК [373.51:(811.124+811.14'02)]+908 (470.341)
ББК 80.4+81.45
А 571

Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. «Thesaurus scientiarum et virtutum. Сокровищница знаний и добродетелей» Выпуск I. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова, 2008 – 94 с.

ISBN

Предлагаемый вниманию читателей 1-й выпуск Альманаха «Thesaurus scientiarum et virtutum. Сокровищница знаний и добродетелей» посвящен открытию Славяно-греко-латинского кабинета в Приволжском федеральном округе.

Альманах содержит концепцию учебной, научно-методической и просветительской работы Славяно-греко-латинского кабинета, выступления участников презентации кабинета и другие материалы, раскрывающие содержание классического гимназического образования.

Редакционная коллегия:

Г.П.Рябов, ректор НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, профессор (ответственный редактор), О.Ю. Бараева., канд.пед.наук., В.М.Строгеецкий, д.и.н., профессор, Л.П.Клименко., д.филол.н., профессор, Е.В.Соболева., доцент, Хазина А.В., к.и.н., доцент, Л.В.Софронова., к.и.н., доцент, М.П. Самойлова, к.и.н., доцент (ответственный секретарь).

@ Издательство ГОУ ВПО НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2008

ISBN

В НОМЕРЕ:

МЕНЕДЖМЕНТ В ОБРАЗОВАНИИ:**Презентация славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа**

Ю. А. ШИЧАЛИН, доктор философских наук,
профессор Свято-Тихоновского православного университета 5

Г. П. РЯБОВ, ректор Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, профессор 5

В. М. СТРОГЕЦКИЙ, заведующий кафедрой культурологии,
истории и древних языков Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова,
доктор исторических наук, профессор 7

Л. П. КЛИМЕНКО, профессор Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук 8

М. П. САМОЙЛОВА, доцент Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова,
кандидат исторических наук 10

Е. В. СОБОЛЕВА, доцент Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова 10

ГЕОРГИЙ, Архиепископ Нижегородский и Арзамасский 11

А. В. КОНОВАЛОВ, полномочный представитель Президента
Российской Федерации в Приволжском федеральном округе 11

**Ассоциация православных общеобразовательных учреждений
(гимназий) Приволжского федерального округа 12**

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ:

А. В. ХАЗИНА. Опыт Преподавания древнегреческого языка в НГПУ 15

Т. Д. МАРКОВА. Церковнославянский язык как хранитель русских
нравственных ориентиров 16

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ:

Е. В. СОБОЛЕВА. Традиции преподавания и изучения латинского языка
в Нижегородской Духовной семинарии 23

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВО:

М. П. САМОЙЛОВА. Античность в русской педагогической традиции
XVII века 26

РИМСКОЕ ПРАВО:

М. П. МОРЕВ. К вопросу о роли «внеправовых» источников в изучении римского права 31

А. Н. ЛУШИН. Значение изучения источников римского права в современном образовании российских юристов 34

ДРЕВНЕРУССКАЯ ИСТОРИЯ:

А. А. КУЗНЕЦОВ. Городец от основания до 1238 г. 39

А. И. ГОРЬКАВЫЙ. Александр Невский как политический деятель 45

Р. А. СОКОЛОВ. «Уже зашло солнце земли Суздальской...»: к вопросу о взаимоотношениях Александра Невского и митрополита Кирилла 51

А. Ю. ВЫБОРНОВ, Н. А. БОГОРОДИЦКАЯ. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX – начале XX века 57

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ:

Э. Б. АКИМОВ. Несколько мыслей о поэтике православного канона 64

ПЕРЕВОДЫ, АННОТАЦИИ, РЕЦЕНЗИИ:

Л. В. СОФРОНОВА. Методические рекомендации Эразма Роттердамского о приемах чтения и толкования классических авторов (перевод и комментарий) 68

ТВОРЧЕСТВО:

Д. А. БОРШНЯКОВ. Фрагмент спектакля «Что такое хорошо, или вечные вопросы о главном» 75

Я. В. КАУРОВ. Поэтическое творчество 77

А. Ю. ТРЕМАСОВ. Поэтическое творчество 82

ПЕРСОНАЛИИ:

Юрий Анатольевич ШИЧАЛИН 91

Презентация Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа

Презентация Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа состоялась 31 октября 2007 года на кафедре культурологи, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. В первом выпуске альманаха опубликованы выступления учредителей кабинета и почетных гостей презентации.

Ю.А. Шичалин, доктор философских наук, профессор Свято-Тихоновского православного университета

Процесс возрождения возможен только там, где взаимодействуют теория и практика. Нам нужны способные люди – и для Церкви, и для государства. Но откуда их брать, если у нас нет классических гимназий, которые, помимо прочего, являются

инструментом выделения в любом народе особо выдающихся детей. Конечно, хорошо помогать немощным, слабым, больным, сиротам, как во всяком нормальном обществе. Но забывать способных, даровитых детей, которых так мало, которые могут всерьез осваивать огромную, насыщенную программу классической гимназии, – непростительная вещь. Объединение усилий светского вуза и школ, которые опекает Церковь, – великое благо. И если структура классической гимназии войдет в систему нашего образования, от этого выиграют все, ведь здесь отрабатываются самые лучшие методики. Не говоря о воспитательной роли хорошего образования: чтобы его получить, нельзя быть разболтанным, расхлябанным,

безнравственным человеком, не имеющим корней и цели. На Западе жалуются, что классическое образование падает, но когда «Эколь нормаль» – самую престижную школу Парижа – реформировали, классические студии получили наилучшие помещения и оснащение. И никто там не закрывает классические элитарные школы, которых у нас, к сожалению, нет! Это вопрос государственной безопасности: у нас нет институции, которая сознательно, целенаправленно работает на то, чтобы лучшие представители народа здесь получали лучшее образование и место работы.

Г.П.Рябов, ректор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, член комитета экспертов ЮНЕСКО и МОТ по образованию, Почетный гражданин Нижнего Новгорода

Идея создания такой структуры, как представляемый сегодня Славяно-греко-латинский кабинет, вынашивалась давно в умах и сердцах представителей органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, научного корпуса – благодаря которым проект получил и поддержку аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации, и Общественного Совета по развитию институтов гражданского общества Приволжского федерального округа.

Мировые интеграционные процессы и глобализация образования ставят перед нами новые проблемы: проблемы сохранения и развития национальной и культурной

идентичности, проблемы сосуществования в полиэтнических и полиязыковых ареалах, проблемы воспитания толерантности.

Именно поэтому одной из главных задач системы образования является не только передача студентам и школьникам широкого спектра знаний, но и воспитание высокого уровня культуры и духовности, ценностного ядра личности – и, в конечном счете, общества. История мировых цивилизаций свидетельствует, что общество способно претерпеть любой материальный урон и воссоздать себя, если уцелело его основное, ценностное ядро. И напротив, разрушение этого ядра порождает удивительное бессилие, духовную деградацию – даже в условиях изобилия материальных благ. Идея неразрывного единства образования и воспитания (а в некоторых западных языках это одно и то же слово) не нова, она признавалась во всех цивилизованных обществах, во все времена.

И сегодня, в эпоху всеобщей глобализации, осознание поликультурной и поликонфессиональной картины мира, воспитание толерантности закладывается в первую очередь системой образования. Именно образование призвано сыграть вполне определенную роль в решении универсальной задачи: помочь понять мир и понять другого, с тем, чтобы лучше понять самого себя. Более того, глобальное, поликультурное образование позволяет определить роль и место родной культуры в системе развития мировых цивилизаций, позволяет понять, что родная культура представляет собой только небольшую составную часть взаимозависимого мира.

Учитывая это, можно с полным основанием утверждать, что возрождение классического образования – это путь к созданию самых благоприятных условий для народного просвещения и формирования интеллектуально мыслящих и духовно-нравственных личностей.

Совершенно очевидно, что классическое образование невозможно без овладения культурным наследием прошлого (включая наследие античной культуры), без возрождения в гимназиях и на гуманитарных факультетах университетов изучения древних языков – славянского, греческого и латинского, являющихся фундаментом многих современных языков. Создание славяно-греко-латинских кабинетов – один из шагов на пути к такому возрождению.

Создание такого Кабинета на базе НГЛУ им. Н.А. Добролюбова не случайно. В нашем университете сложился признанный не только в нашей стране, но и за рубежом

высокий уровень лингвистической подготовки. В составе кафедры культурологии, истории и древних языков работают квалифицированные специалисты в области античной культуры древнегреческого и латинского языков. У нас уже есть опыт подготовки учителей по античной культуре и древним языкам.

К сожалению, в связи с отсутствием в стране классической системы образования востребованность таких специалистов для светских школ и гимназий

крайне невысока. Однако за последнее время наметились некоторые положительные тенденции благодаря тому, что русская Православная Церковь быстрее, чем светская школа, осознала необходимость возрождения классической системы образования. Классические православные гимназии стали создаваться в разных регионах страны. А для них потребовались педагогические кадры и учебно-методическое обеспечение. Например, в Москве уже более 10 лет функционирует греко-латинский кабинет Юрия Анатольевича Шичалина, и на его базе работает православная классическая гимназия. Подобные греко-латинские кабинеты действуют в Московской Духовной Академии и Семинарии. Не отстает от Москвы и Нижегородская епархия. По благословению Архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия в Н.Новгороде и области открылись восемь православных классических гимназий.

В задачи Кабинета входит создание условий для возрождения классического образования на основе знания древних языков и античной философии, истории и культуры через подготовку педагогических и методических кадров; формирование универсальной образовательной базы для использования современных учебных и методических пособий Нижегородских вузов, а также издательств Московского, Санкт-Петербургского, Казанского и Саратовского университетов, всеми заинтересованными лицами: абитуриентами, студентами, аспирантами, преподавателями светских и конфессиональных учебных заведений; разработка проекта государственного стандарта и учебного плана для классической гимназии и образовательной программы, необходимой для присвоения квалификации «Преподаватель классической гимназии».

Основные направления деятельности Славяно-греко-латинского кабинета включают:

- научно-методическую деятельность;
- информационно-аналитическую работу;
- издательскую деятельность;
- популяризацию классического образования, античной истории и культуры.

Предполагается, что открываемый сегодня Славяно-греко-латинский кабинет объединит научные и учебно-методические силы многих специалистов светских и православных учебных заведений Нижнего Новгорода и других городов Приволжского федерального округа. К участию в проекте приглашены преподаватели, аспиранты и студенты светских и конфессиональных образовательных учреждений Приволжского федерального округа, специализирующие на изучении языков, культуры и искусств, а также широкий круг лиц, заинтересованных в получении дополнительного образования и в доступе к библиотечному и методическому фонду.

В.М. Строгеецкий, заведующий кафедрой культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, доктор исторических наук, профессор

Время все расставляет по своим местам, и сегодня мы с полной уверенностью можем сказать, что всему, чем была велика Россия до октября 1917 г., мы обязаны классической системе образования, без которой не было бы ни золотого, ни серебряного века российской культуры.

Центрами классического образования в России до начала XIX в. были немногие тогда духовные семинарии и Славяно-греко-латинская Академия. Среди этих семинарий, которые были в

Москве и Санкт-Петербурге, важное место занимала Нижегородская Духовная Семинария. Во главе ее был епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин (в миру Дм. Семенов - Руднев). В 1783 -1794 г.г. он возглавлял Нижегородскую Епархию и был ректором Семинарии.

Осуществляя подготовку православных пастырей, Дамаскин руководствовался идеей о том, что «спасение общества заключается в просвещении разума и развитии нравственного чувства».

Это были именно те цели, реализация которых осуществляется с помощью классического образования.

Возникновение светского классического образования в России началось с Петровских преобразований (Петровская Академия наук и художеств и первые светские гимназии), с открытия Московского императорского университета при Елизавете, с Екатерининских реформ о губернских и земских училищах, а также Академии русского языка.

Окончательно же светское классическое образование в России сложилось в начале XIX века при Александре I. С этого времени классическое образование в России, духовное и светское, параллельно развивались, переживая периоды упадка и подъема. Вся история российского образования, начиная с 30-х г.г. XIX в. - это борьба классицистов и реалистов.

Реалисты стремились отказаться от классического образования, от изучения классических древних языков, античной истории и литературы и выступали за создание единой общеобразовательной школы с утилитарным подходом к обучению, требуя сделать его простым, легким, доступным для всех и дающим уже на школьной скамье навыки для будущих реальных профессий, в которых заинтересовано общество.

Классицисты, опираясь на разработанные в начале XIX в. Положение и Устав о классических и реальных гимназиях, доказывали, что древние языки и математика являются важнейшими предметами в гимназиях, ибо первые (т.е. древние языки) представляют собой надежнейшее основание учености и способ к возвышенному укреплению духовных сил юношества; математика же является предметом, способствующим ясности в мыслях, проницательности и силе размышления.

Споры между классицистами и реалистами, продолжавшиеся до правления Николая II, могли завершиться компромиссом благодаря предложенной Министром Народного просвещения Игнатьевым в 1915 году реформе образования.

Однако эта реформа уже в силу объективных причин не состоялась, с 1918 года классическое образование было ликвидировано – возникла единая общеобразовательная средняя школа, пронизанная материализмом, и атеистической идеологией. После распада СССР и отказа от марксистско-ленинской идеологии перед средней школой возникла и существует до сих пор серьезная нравственная проблема.

Сегодня важно, чтобы общество и Православная Церковь продолжали развивать направление, которое уже сейчас представлено православными духовными гимназиями, по крайней мере, в нашем округе. Совершенствовать учебные планы этих гимназий в духе классического образования и призван создаваемый Славяно-греко-латинский кабинет. Для серьезной работы Кабинета необходима нормативно-правовая и документальная база, а также создание научно-методического совета. Необходимо выявить потребности светских и православных классических гимназий ПФО в подготовке и переподготовке специалистов по древним языкам и церковно-славянскому языку, осуществить мониторинг качества преподавания, а также учебников и учебных пособий. Важно провести научно-практический семинар по унификации и совершенствованию учебных планов православных классических гимназий, которые сейчас различаются. Инициаторы создания Кабинета, его участники должны будут всей своей деятельностью доказывать, что религиозно-духовные и гуманистические ценности неразделимы.

Л.П.Клименко, профессор Нижегородского государственного университета им.Н.И.Лобачевского, доктор филологических наук

Для Славяно-греко-латинского кабинета славянское направление научно-методической работы является традиционным, т.к. продолжает опыт подобной работы

в дореволюционное время. Это направление определяется задачами подготовки преподавательских кадров для педагогической работы в православных гимназиях, в учебной программе которых церковнославянскому языку, наряду с греческим и латинским, отводится место профильной дисциплины.

Приоритетное положение церковнославянского языка в кругу других классических языков объясняется той ролью, которую он играет в духовной и культурной жизни русского социума, начиная с X века, когда Киевская Русь была раз и навсегда приобщена к христианству, к христианской культуре в целом и вошла в ойкумену *Slavia Orthodoxa*.

Хорошее знание церковнославянского языка и практическое владение им для понимания и перевода на русский язык священных текстов необходимо и обучающим, и обучаемым, прежде всего потому, что церковнославянский язык является в настоящее время, как и в прошлые времена, языком Православного Богослужения, языком молитвы и Богомыслия. Для этих целей он был создан Равноапостольными Кириллом и Мефодием.

Грамматический строй старославянского языка был близок к строю праславянского, и, следовательно, древнегреческого языка. Однако по мере эволюции языка восточных славян, в ходе которой перестроилась его морфологическая система, старославянский язык значительно разошелся с ним. И даже его отчасти русифицированная редакция в виде церковнославянского языка значительно отличается как от исходного состояния, так и от современного русского языка.

Синтаксическая организация старославянского и церковнославянского языка, сохраняя основные модели простого и сложного предложения, по-прежнему удерживает особенности греческого синтаксиса, вошедшие в него в момент создания этого языка. Что касается лексического состава православного языка, в нем сохраняется множество слов, общих по форме с русскими словами, но имеющих иное значение (например, живот - «жизнь», исполнить - «наполнит», «дополнить»), а также слов, утраченных в русском языке (напр. зело, абис, камо, колиждо и др.). Все перечисленные особенности требуют наиболее пристального внимания и тщательного изучения для понимания церковнославянского текста.

Одним из направлений деятельности Славяно-греко-латинского кабинета является организация научно-методической и учебно-методической работы по церковнославянскому языку, которая включает следующие позиции:

- 1) Разработка учебной программы по церковнославянскому языку в соответствии с учебным планом.
- 2) Разработка системы спецкурсов и семинаров по углубленному изучению лексики и фразеологии церковнославянского языка, практикума по чтению церковнославянских текстов разных жанров и назначения, спецкурса по экзегезе священных текстов (в особенности, часто употребляемой православными Псалтыри ц. Давида).
- 3) Подготовка учебной и методической литературы, обеспечивающей преподавание церковнославянского языка.
- 4) Подготовка учебных словарей (переводных, толковых, фразеологических, терминологических и др.) на материале изучаемых текстов Св. Писания и Богослужебных текстов.
- 5) Подготовка хрестоматии по церковнославянскому языку, включающей тексты Св. Писания, Житий, Гимнографии и т.п., сопровождаемой глоссарием и толкованием «темных» (рудных) мест.
- 6) Подготовка сборников упражнений по морфологии и синтаксису старославянского языка для проведения практических занятий.
- 7) Продумать возможности издательской деятельности по публикации, подготовленной учебно-методической и научно-методической литературы.

Все это, надо полагать, обеспечит успешность учебного процесса по освоению студентами церковнославянского языка.

М.П.Самойлова, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, кандидат исторических наук

Создание на базе нашего вуза Славяно-греко-латинского кабинета станет новым значимым шагом по возрождению классического образования в нашей стране. Неотъемлемой частью классического образования является древнегреческий язык.

В настоящее время – в связи с возрождением гимназий и лицеев – оживился интерес к классическим языкам, причем не только к латыни, но и к древнегреческому. Это привело к необходимости издания учебных пособий по древнегреческому языку. Возрождение православия дало толчок для укрепления и расширения системы духовного образования, стало увеличиваться число духовных училищ, семинарий. Стали открываться теологические факультеты в светских учебных заведениях, возникли православные гимназии. Обязательными предметами в таких учебных заведениях также являются древние языки, в том числе и греческий.

Все эти новые явления составили в настоящее время благоприятную почву для возрождения классического образования в стране. Однако в связи с тем, что в советский период классическое образование было ликвидировано, в российской средней школе отсутствуют преподаватели древних языков, составляющих основу классического образования, а также и духовного образования. Нет и учебных заведений, ведущих подготовку таких учителей. Эти проблемы препятствуют быстрому распространению классического образования в стране.

Другой проблемой, также препятствующей распространению классического образования, является отсутствие в образовательных стандартах современных гимназий учебного времени для древних языков и других предметов классического образования, например часов на преподавание основ православия.

Новым центром изучения, распространения и популяризации духовного классического образования должен стать созданный в стенах нашего университета Славяно-греко-латинский кабинет.

Е.В.Соболева, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Изучение одного из древних языков – латинского – в классических гимназиях имеет многолетнюю традицию, так как он является одним из языков христианской Церкви. Западные отцы Церкви получили образование на основе чтения античных авторов, поэтому знакомство с дохристианскими сочинениями на языке оригинала необходимо для приобщения к их образу мыслей и более глубокого понимания творений.

В НГЛУ им. Н.А. Добролюбова латинский язык преподают преподаватели с многолетним стажем и их молодые коллеги. Все они ведут научно-методическую работу: выступают с докладами на научных конференциях, публикуют статьи с результатами исследований, учебники и пособия, работают над диссертационными исследованиями. Имеют опыт комментированного чтения и перевода классических авторов и христианских писателей. Ими разработаны и читаются курсы лекций по общим и частным вопросам античной культуры.

Преподаватели НГЛУ ведут свою образовательную деятельность по авторским программам и соответственным методикам, разработанным с учетом достижений и практики ведущих филологов-классиков. Они оснащают свои занятия учебно-методическими и контрольно измерительными материалами, которые постоянно создают и обновляют, словарями, иллюстрациями и другими средствами наглядности в виде таблиц, схем, кодопозитивов.

Научный потенциал, педагогическое мастерство, хорошая методическая подготовка и опыт позволяют преподавателям латинского языка направить свои силы на подготовку педагогических кадров.

Георгий, Архиепископ Нижегородский и Арзамасский

Каждый из тех, кто обучался в духовных школах знает, какой пласт культуры потеряла светская школа. И если наши школьники и студенты смогут усвоить его красоту и глубину, у нас не будет инцидентов, подобных нашумевшим письмам академиков. Важно давать детям материал так, чтобы это не было насилием, а вызывало у них живой интерес. Чтобы входя в бурное житейское море, они имели прочную основу, которую дает знание античной истории и культуры. Как мы можем знать свою

литературу без знания классики? Создание Славяно-греко-латинского кабинета – большое дело. Ведь дети, которые будут обучаться в классических гимназиях, – будущие мэры городов, прокуроры и губернаторы. Им нужно иметь понимание глубин жизни. А люди с технократическим образованием будут работать как компьютеры, без души.

А.В. Коновалов, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе

В настоящий период реформирования системы российского образования одним из возможных путей модернизации его гуманитарной составляющей является возрождение классической системы образования в гимназиях и университетах, с изучением античного культурного наследия, которое было основополагающим в России до начала XX века и сохраняется сегодня в Западной Европе и других странах мира, например, Японии.

Чтобы овладеть этим наследием, необходимо возродить изучение греческого и латинского языков, и здесь не обойтись без греко-латинских кабинетов как кадровой и учебно-методической базы. Актуальность их открытия назрела давно и неоднократно озвучивалась членами Общественного совета ПФО. Славяно-

греко-латинский кабинет Приволжского федерального округа создается на базе Нижегородского государственного лингвистического университета, занимающего верхние строчки рейтингов российских вузов и готовящего преподавателей иностранных языков высочайшего уровня.

Классическая культура воспитывает консервативные, в лучшем значении этого слова, убеждения: уважение к своей истории, дисциплину и ответственность, умение адекватно и с необходимой долей формальной логики рассуждать. Кабинет должен стать методологическим центром для вузов и учреждений средней школы (не только православным, но и светским), площадкой для общения специалистов, заинтересованных в развитии классической филологии. Сообщество экспертов, которое сплотится на его базе, поможет выявить, какие направления исследований должны быть поддержаны государством. Честный и компетентный взгляд специалистов сегодня очень важен.

Необходимо серьезно ставить вопрос о значимой государственной поддержке православных гимназий, в том числе за счет грантов. Сегодня уже есть примеры (к сожалению, пока немногочисленные) прямого государственного финансирования православных гимназий. Но общая тенденция такова, что частные учебные заведения

лишаются господдержки, хотя решают те же образовательные задачи, что и обычные школы, в чем-то даже лучше.

На недавнем совещании Дмитрия Медведева с преподавателями духовных учебных заведений в Троице-Сергиевой Лавре много говорилось об основах православной культуры, о сертификации дипломов духовных учебных заведений, ученых степенях, а также о беспокойстве ряда ученых процессами «клерикализации российского образования». Присутствовавшие там юристы единогласно засвидетельствовали не только о необоснованности последнего опасения, но и своеобразном пренебрежении к гуманитарным наукам в современном научном сообществе: мой университетский наставник академик Толстой пробивался в Академию наук с большим трудом, и процент «гуманитариев» в РАН значительно ниже, чем в соответствующих зарубежных академиях, где гуманитарные специалисты вносят огромный вклад в развитие гражданского общества.

Ассоциация православных общеобразовательных учреждений Приволжского федерального округа

Следующим шагом в деле возрождения классического образования в Приволжском федеральном округе стало создание Ассоциации православных общеобразовательных учреждений, среди которых велика доля классических гимназий. Первое совещание по его итогам состоялось 8 декабря 2007 года в Городецкой православной гимназии в рамках празднования дней Александра Невского в Городце. В совещании приняли участие министр культуры и массовых коммуникаций РФ Александр Соколов, полномочный представитель Президента РФ в ПФО Александр Коновалов, Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий, а также преподаватели средних и высших учебных заведений округа.

Участники обсудили текущие проблемы православного образования, требующие незамедлительного решения. Одна из них – сложность включения православных образовательных учреждений в образовательное пространство в силу их специфичности и существования двойных стандартов по отношению к ним со стороны органов управления образованием. Православные школы не имеют возможности участвовать в приоритетном национальном проекте «Образование», лишены

государственного финансирования в реализации федерального компонента государственного образовательного стандарта, региональных и муниципальных льгот и дотаций на питание детей, учебники, медицинское обслуживание.

Архиепископ Нижегородский и Арзамасский **Георгий** отметил, что православные школы востребованы в обществе, о чем говорит стабильно высокий конкурс для поступающих. Но до сих пор эти школы существуют за счет средств Русской православной Церкви и благотворителей. А ведь именно в этих школах дети развиваются наиболее гармонично – и духовно, и интеллектуально. Сегодня в нашем обществе настолько ослаб институт семьи, что она не может защитить детей от тлетворного влияния жизни. Поэтому на школы вообще ложится большая ответственность в воспитании детей, и православные школы, в частности, с этой задачей успешно справляются. Сегодня они стремительно развиваются, но не в каждом учреждении есть интересная программа. В рамках вновь созданной Ассоциации появится возможность улучшать образовательные и воспитательные процессы на основе обмена опытом работы и привлечения специалистов высшей школы.

В своем выступлении **Александр Соколов** назвал главным результатом деятельности православных школ то, что в них растут «другие» дети, и это чрезвычайно важный аргумент, который всегда выходит на первый план в дискуссиях с оппонентами. И отрадно, что чаша весов в этих дискуссиях склоняется на сторону духовности, нравственности, потребности противостоять развращающему душу воздействию. «Путь, которым вы идете, – сказал он, обращаясь к участникам совещания, – тернистый, но очень важный и благородный. Мне очень хочется подчеркнуть важность тезиса, который здесь высказывался: мы не разрываем светское и духовное, а находим возможность их сочетания». Создание Ассоциации православных общеобразовательных учреждений Приволжского округа – это интеграция опыта, полученного в поиске необходимых учебных пособий и методик, различных форм преподавания, это

необходимый шаг в условиях кризиса образования и духовного воспитания.

В завершение учредительного собрания **Александр Коновалов** поблагодарил всех за непростой и благородный труд. Главной миссией православных педагогов он назвал формирование в начальной и средней школе обстановки доброжелательности, любви и бережного отношения к человеку, особенно маленькому, который уже является личностью, осознает себя как личность. Создание такой атмосферы, определяющей облик ребенка как человека и гражданина на годы вперед, полпред назвал главным конкурентным преимуществом православных образовательных учреждений.

Если на первых порах православные образовательные учреждения служили цитаделями духовного благополучия детей, вынашивая и реализуя главным образом миссию их защиты от тлетворного влияния окружающего мира, то сегодня школы должны готовить их к встрече с этим влиянием, с теми проблемами, которые их ожидают в будущем. К тому же школа – и православная школа, может быть, даже в большей степени – должна ставить перед собой задачу воспитывать не только личность, но и гражданина в контексте этой личности. Поэтому крайне важным процессом представляется, конечно же, интеграция существующего опыта православного образования в общие тренды образовательных процессов, которые сегодня складываются в России.

Серьезная проблема заключается в том, что православная школа занимает маргинальное положение в образовательном секторе. Для государственных органов

образования и большинства родителей это, по большому счету, некий «эксклюзив», некая экстраординарная ситуация, проявление мужества, граничащего со своеобразным «родительским авантюризмом». Подобное положение дел и опыт, который сейчас начинает накапливать, а позднее будет реализовывать Ассоциация, способен эту проблему решить.

Здесь можно сосредоточиться на двух задачах, которые отражены в конкретных положениях программы, сформированной учредительной конференцией Ассоциации. Первая задача – это обобщение опыта, который уже есть среди начального и среднего православного образования, это убиение всех люфтов, которые есть в самой среде православного образования с тем, чтобы продемонстрировать настоящую, реальную конкурентоспособную альтернативу образованию нерелигиозному. Необходимо показать реальную конкурентоспособность православно ориентированного образования, которое позволит молодым людям поступать в лучшие вузы страны и при этом обеспечит высокий уровень безопасности учащихся, высокий уровень их законопослушания, нормальный физический и нравственный уровень. Уже эти три конкурентные позиции способны определять выбор родителей в пользу православных образовательных учреждений.

Вторая задача обусловлена тем, что Ассоциация способна выступать своего рода «локомотивом» этого процесса, представлять интересы сообщества, демонстрировать – наглядно, ярко, компетентно, понятно – для светской среды все лучшее, что может дать православный образовательный процесс.

**А.В. ХАЗИНА, доцент Нижегородского
государственного педагогического
университета, кандидат исторических наук**

Опыт преподавания древнегреческого языка в НГПУ

Древнегреческий язык преподается на историческом факультете НГПУ уже двенадцать лет в рамках дополнительной специализации «Древние классические языки и античная культура», организованной по инициативе д.и.н., профессора В.М. Строгеевского.

Разрабатывая лингвокультурологическую концепцию профиля, мы старались придерживаться двух принципов: с одной стороны, рассматривать язык по А.Ф. Лосеву «не в виде застывших грамматик и словарей, но в виде живой стихии человеческого, т.е. осмысленно-жизненного, общения» (Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М., 1982. С. 4). С другой стороны, использовать язык для постижения исторического прошлого, т.к. историк воспринимает язык, прежде всего, как инструмент для работы с письменным источником. Ибо в поисках максимальной верификации исторического знания профессиональный историк всегда обращается к свидетельствам источников, используя для этого язык как ключ, по принципу «ex fonte ipso bibere».

Стремление придерживаться в преподавании древнегреческого языка двух этих принципов заставляет искать интересные нестандартные формы обучения. Об одной из них и пойдет речь.

Во время обучения на профиле, т.е. с III по V курс, студентам ежегодно предлагается, после предварительной подготовки, провести совместную трапезу, условно приближенную к древнегреческому застолью.

Выбор темы пиршеств и еды, на наш взгляд, позволяет реализовать методические и профессиональные задачи. Современная историческая наука за любым историческим феноменом пытается рассмотреть живую человеческую жизнь, обнаружить человеческое содержание истории, углубляясь в проблемы микроистории и истории повседневности. Одним же из самых повседневных явлений в истории является прием пищи. Игровая форма проводимого мероприятия активизирует познавательную деятельность самих обучаемых.

На III курсе студенты собираются на общем застолье, которое лишь условно определяется как «сисситии», поскольку, если восстановить значение древнегреческого *σισσιτίων*, понятия, возникшего в Спарте и на Крите, то оно означало – обед, сотрапезничества мужчин – полноправных граждан, санкционируемые государством. Не вдаваясь в подробности научной дискуссии о связи сисситий с мужскими союзами и их военной организацией, заметим, что применение этого термина на профиле актуализирует только три его характеристики. Сисситии не предполагали никакого вида интеллектуальной деятельности, и это условно отражает первую ступень проведения игры-застолья, а также «примитивность», несложность получаемых заданий. Сисситии допускали эпизодическое участие женщин (Arist. Polit. II. 1272a 21; Athen. IV. 143 b-d), а также, по критской традиции, проходили сидя (FGH. 467. F.1; Athen. 143 e-f).

Аттическим *σιμπόσιον* определяется форма трапез, проводимых на IV и V курсах, которая предполагала, что участники пира, попойки собираются, в том числе и для интеллектуального общения.

Использование двух этих понятий отражает эволюцию, которую претерпели «сисситии», проводимые на профиле в течение последних трех лет, оформившись фактически в «симпосии» как форму интеллектуального общения.

На первом этапе (III к.) студенты получают групповые и индивидуальные задания, выполняя которые, они должны выяснить ряд вопросов. Какая система питания была у греков? По какой схеме они принимали пищу? Как регулировались время и способ еды? Чтобы накрыть условно греческий стол, выясняется

традиционный набор продуктов и трапезной утвари. Рассматривается и культура питания: виды напитков, традиция разбавления вина, варианты тостов, эпитеты, которыми наделялось вино. По каждой теме составляется лексический минимум на древнегреческом языке. Поисковая работа ведется в основном по словарям и книгам: П. Гиро, В.В. Латышева, Л. Винничук, М.Л. Гаспарова, и др.

Итак, в реальном времени проводится трапеза, на которой обсуждается подготовленный материал и выясняется, какое большое количество ассоциаций, подписок, складчин позволяло грекам участвовать в общих трапезах.

На втором уровне (IV к.) для обсуждения на симпозиум предлагается тема: «Греки и варвары: традиции пиршеств и застолий у различных народов». Этот этап предполагает непосредственную работу с древнегреческим источником. В качестве подготовки студенты под руководством преподавателя переводят отрывки из «Пирующих софистов» Афиней. Эти отрывки объединены одной темой – описанием традиций застолий у различных народов (кельтов, парфян, этрусков, римлян, сирийцев, египтян) и выстроены по определенному канону: кто и когда устраивает пир; как трапеза выстраивается, регламентируется; как приготовлена еда, что и в каком количестве съедается. Во время симпозиума студенты обсуждают различные системы питания и связанные с ними обычаи, выясняют предметно-бытовой мир застолий, а также пытаются анализировать, как формируется образ варвара в эллинистической историографии.

На V курсе в течение года идет подготовка к симпозиуму с темой для обсуждения – «Пир как форма интеллектуальной жизни греков». Переводятся отрывки из «Пира» Платона и Ксенофонта, в качестве источников используются «Застольные беседы» Лукиана, «Пирующие софисты» Афиней, «Пир семи мудрецов» Плутарха. Студенты анализируют проблему, как и когда у греков возникает «пир» как философский жанр и какова его специфика.

В дальнейшем такая форма работы может быть использована для освоения и других тем: древнегреческие кулинарные рецепты, пища и медицинские рекомендации, «пифагорейская кухня»: альтернативные сообщества и пищевые запреты.

Так, на сисситиях методически игровой прием превращается в интеллектуальное пространство и универсальную метафору одного из способов греческих мыслительных практик, в которых одновременно совмещается цель и средство. Погружаясь в это пространство, студенты, таким образом, не отстраненно изучают эти практики, а сами становятся их субъектами. Классическая же для греческой античности социально-мыслительная и поведенческая практика в наше время становится нестандартной, неклассической формой изучения древнегреческого языка.

**Т.Д. МАРКОВА, доцент Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова,
кандидат филологических наук**

Церковнославянский язык как хранитель русских нравственных ориентиров

*Слово понадобилось человеку для того, чтобы
дать имя всему, что есть в мире, и самому себе.
Ведь, чтобы о чем-то говорить и даже думать
надо его как-то назвать, именовать. Мы
начинаем узнавать мир по его именам. Язык
здесь – учитель...*

Из Энциклопедического
словаря юного филолога

Важность номинации, поиска вербального соответствия тому или иному факту действительности для познания окружающего мира и осознания себя в нем переоценить трудно. Человек понимает и осознает лишь то, что может адекватно

назвать, и в зависимости от того, как называет, определенным образом воспринимает и оценивает мир и себя как часть этого мира. Языковые номинации, являясь результатами познания, парадигматически организованы, что обеспечивает человеку системный взгляд на мир и ассоциативный характер человеческого знания и восприятия.

Оценка себя и своего места в мире невозможна без ответа на вопрос о том, что считать плохим, а что – недозволенным, что – нормой, а что – аномалией. Именно нравственные ориентиры помогают найти ответы на эти вопросы, а нравственность, как известно, – понятие непостоянное по объему и содержанию. Нравственные критерии зависят от эпохи, этнических культурных традиций, социальных, экономических, демографических и мн. др. условий, в которых оказался тот или иной социум. Изменения на шкале ценностей отражаются в языке, а далее проецируются в сознание носителей языка как готовые постулаты впрямь до следующих изменений.

Для русского человека с 988 года по 1917 год хранителем нравственных ориентиров и наставником в вопросах нравственности была Православная церковь и ее язык – церковнославянский. За многие века православия на Руси и в России сложился особый менталитет русской нации, в котором концепты «грех» и «добродетель» занимают важнейшее место. Социальные потрясения XX века нарушили установившееся ментальное равновесие, сместили традиционные нравственные оценки, но не настолько, чтобы их нельзя было восстановить. А восстанавливать есть что, и необходимость этого очевидна.

В церковнославянском языке имеется 194 наименования различных грехов и пороков человека и 71 номинация добродетелей и положительных качеств (по данным Полного церковнославянского словаря протоиерея Г. Дьяченко. Издательский отдел Московской патриархии, 1993). При этом родовое понятие <грех> именуется также «злом», «беззаконием», «неправданием» и «нечестием», а родовое понятие <добродетель> названо еще «правдой». Лексема «совесть», по свидетельству того же словаря, обозначает ту силу, которая должна подсказывать человеку, что есть «зло», а что – «правда»: «Совесть – голос Божий, делающий человека разумно-нравственным существом» (Стр. 629 Словаря). Итак, условием осознания и понимания сущности греха и добродетели является совесть.

Даже беглого взгляда на лексику церковнославянского языка достаточно для того, чтобы увидеть, насколько детально разработаны в нем понятия, касающиеся человеческих пороков и страстей, с одной стороны, и положительных качеств личности – с другой. Основной номинативной единицей в языке является слово, хотя номинативную функцию выполняет и словосочетание. Наблюдение за словосочетаниями предполагает обращение к текстовому материалу. Мы же ограничимся пока только словарными данными и сосредоточимся на словах-номинациях, учитывая, что словесная номинация является емким, целостным, комплексным обозначением в отличие от словосочетательной, описательной номинации, допускающей некоторую дискретность в обозначении понятия.

Церковнославянские лексемы со значением порочных наклонностей или же, наоборот, добродетелей человека могут номинировать чрезвычайно точно любое малейшее движение человеческой души, отразить степень выраженности того или иного душевного качества, помочь носителю данного языка (а таковым являлся практически всякий человек на Святой Руси) разобраться в себе, определить и словесно зафиксировать для себя свои душевные недуги с тем, чтобы обозначить и путь к исправлению их через развитие и воспитание противоположных качеств (номинации каковых имеются в соответствующей номинативной парадигме).

Каждое исследуемое нами обозначение включено в деривационные и синонимические парадигмы, что является безусловным свидетельством разносторонней и глубокой разработки русских ментальных концептов «грех» и «добродетель». Лексемы, обозначающие соответствующие понятия, связаны словообразовательными отношениями с номинациями:

- 1) действий, вызванных определенным душевным свойством (глагольные номинации) – 63 лексемы (24% исследованных лексем);

- 2) атрибутов человека, являющегося носителем того или иного качества (атрибутивные номинации) – 74 лексемы (28% исследованных лексем);
- 3) субъектов, выполняющих соответствующие действия или являющихся носителями соответствующих качеств, (отглагольные или отыменные субстантивы) – 38 лексем (14% исследованных лексем).

Примеры:

1. Безмолвие (т.е. молчание, уединение) ← Безмолвник, Безмолвствовати
2. Благоподание (т.е. милостыня) ← Благоподатливый, Благоподатный
3. Постничество (т.е. воздержание) ← Постник, Постнический, Постничествовати
4. Вредословие (т.е. богохульство) ← Вредословец, Вредословный
5. Ласкосердие (т.е. похоть) ← Ласкосердец, Ласкосердствовати, Ласкосердый
6. Мшелоимство (т.е. корысть) ← Мшелоимец, Мшелоимный, Мшелоимствовати

Обращает на себя внимание тот факт, что наибольшее количество словообразовательных связей имеет лексема «блуд». В отличие от всех остальных номинаций это наименование является производящим для 11 производных, среди которых 2 глагола, 4 имени прилагательных, 2 наименования деятеля¹, 2 наименования места совершения действия² (чего не наблюдается больше ни у одного из исследуемых имен) и 1 синонимичное наименование порока («блудодеяние»).

88% исследуемых лексем (232 номинации) включены в синонимические ряды, насчитывающие от 2 до 20 компонентов.

К наиболее представительным из них относятся, например, следующие ряды:

1. Любодейство – любодейание – похоть – преблудодейство – грехолубодейство – непотребие – нечистота – плотолубие – щапство – студомыслие – студодейание – сквернобращие – сласть – желание – прелюбодейство – сквернострастие – сладосушие – ласкосердие – блуд – блудодейание (20 компонентов – самый многочисленный ряд).
2. Суесловие – оплазньство – языкоболие – языковредие – тщесловие – велеречие – языковоздержание – тощегласие – тщегласие (9 компонентов).
3. Милость – милосердие – многоподавание – благоутробие – нищелубие – щедрота – щедротство – благоподание – благосердие (9 компонентов).
4. Трудоненавидение – разлечение – малорадование – невняtie – праздность – празднохождение – малобрежение – леность (8 компонентов).
5. Целомудрие – любомудрие – незлоба – любомысльство – твердоумие – чувство. (6 компонентов).

Всего синонимических рядов, обозначающих человеческие пороки и страсти, насчитывается 37. По количеству входящих в них компонентов данные ряды можно ранжировать следующим образом:

количество компонентов в ряду	количество рядов с указанным числом компонентов	понятия, обозначенные соответствующими рядами
20	1	прелюбодейание*
9	1	пустословие

¹ Это имена существительные м.р. и ж.р., такая деривационная особенность наблюдается еще у одного наименования – «прелюбодейство» - кстати, синонимичного лексеме «блуд». Имя существительное «прелюбодейство» также соотносится с двумя обозначениями деятеля: мужского и женского рода. Во всех остальных случаях Словарь фиксирует только именные обозначения деятелей мужского рода.

² «блудилище», «блудокорчемница»

* Обращим еще раз внимание на то, с каким отрывом лидирует этот ряд! Сколь серьезно смотрели наши предки на воздержание и чистоту души!

количество компонентов в ряду	количество рядов с указанным числом компонентов	понятия, обозначенные соответствующими рядами
8	3	леность, чревоугодие и тщеславие
7	1	гордость
6	3	лихоимство, воровство и жестокосердие
5	1	любоवेशие
4	10	гневливость, колдовство, богохульство, идолослужение, лицемерие, злоумышление, лжесвидетельство, безрассудство, уныние, взяточничество
3	2	злонравие и злоречие
2	15	упрямство, ненависть, недоверчивость, любопытство, сквернословие, нанесение обиды (преогорчение), прекословие, злоторение, пьянство, преслушание, суеверие, убийство, зависть, наглость, ложь

Активность на уровне лексической синонимии всегда свидетельствует о том, что соответствующее понятие является в силу каких-либо причин наиболее актуальным для данного языкового коллектива. В святоотеческой литературе не раз можно встретить предостережение о пагубности и трудноискоренимости таких грехов, как блуд, праздность и празднословие, чревоугодие, тщеславие. Как следует из приведенной выше таблицы, в церковнославянском языке лидируют синонимические ряды, обозначающие именно эти понятия. Недалек от вершины «греховной иерархии» такой порок, как «гордость», от которого проистекают многие другие, «производные» страсти. Грех коварен и многолик, стремление запечатлеть его облик в возможно более разнообразных словесных «портретах» связано со скрупулезностью его изучения на пути борьбы и преодоления. Многокомпонентные синонимические ряды фиксируют сущность того или иного порока, его «симптоматику» на разных стадиях развития. Здесь «работает» все: и внутренние формы слов, и их языковые словообразовательные связи, и сочетаемостные потенциалы каждого из компонентов ряда. Взгляни на себя повнимательнее, человек, нет ли в имеющемся лексическом инвентаре того, что свойственно тебе, а совесть – беспристрастный судья – не даст слукавить!

19 наименований греховных склонностей, по данным того же Полного церковнославянского словаря, синонимов не имеют. Это обозначения тех человеческих пристрастий, которые являются составными частями более крупных пороков.

наименование	с каким синонимическим рядом соотносится
присмотрение (любозрастные взоры)	
рукоблудие	
мужеложство	блуд*
скотоложство	
детораствление	
кровосмешение	
многосоние (долгий сон)	
благострастие (изнеженность)	леность

* Сколь гибельный для души человеческой этот грех! Через СЛОВО предупреждают нас об этом благочестивые наши предки. И становится понятным, почему враги России делают сейчас ставку именно на секс, разврат, раствление.

Скверногласие	сквернословие
Злопомнение	ненависть
свирепствие (неблагодарные речи)	гордость и злоречие
блеверие (фанатизм)	безрассудство

Нередко трудно разграничить исследуемые нами синонимические ряды. Они как будто «перетекают» один в другой, составляя не изолированные лексические группы, а единую систему с прозрачными, подвижными границами и переходными зонами. Действительно, чем как не проявлением гордости будут «преслушание» (неповиновение), «стропотство» (упрямство) и «прекословие» (спор)? Как может тот, кому свойственно «жестокосердие» (безжалостность), не испытывать «прещения» (ненависти)? Разве не «близнецами» реально являются «лицемерие» и «лжесловесие» (ложь)? И разве не эти пороки приводят к «лжесвидетельству» и «хуле» (осуждению)? От «тщеславия» часто проистекает «мшелоимство», а от последнего до «корыстолюбия» и «лихвопрятия» (взяточничества) – рукой подать. И где грань, отделяющая «злонравие» от «зломыслия» (вредного намерения) и «злотворения»? Человеческие грехи связаны между собой, один порок влечет за собой другой, один душевный недуг порождает массу новых. Работа над чистотой души трудна и кропотлива. Язык Святой Церкви хранит ИМЕНА наших немощей и страстей, а значит – и опыт духовного возрастания и совершенствования.

Обратим внимание еще раз на то, что в пределах одного ряда синонимичные номинации обозначают:

- 1) или различные степени выраженности одного душевного свойства (сетование – жалование – малодушие – уныние; несердоболие – жестокосердие – свирепие – окаменение; прогневание – ярость – безумие),
- 2) или различные проявления одного и того же порока (чревоугодие: ранноядение, тайноядение, любосластие, гортанобесие, безсытство; безрассудство: безсловесие, безсовестие, умовредие; тщеславие: любочестие, словохотие, санолубие, хвальба, человекоявление, любоначалие),
- 3) или различные источники, причины возникновения страсти* (волконравие – лицемерие – злокозние – лукавство; безстудие – безочестие; идолослужение – злобесовствие; скоропытание – многопытство – любопытство).

Практически каждая лексема или синонимический ряд, обозначающий тот или иной грех, связаны отношениями антонимии с лексемами или синонимическими рядами лексем, обозначающими добродетель, противоположную данному греху. Сознательно воспитывая в себе соответствующее положительное качество, человек искореняет, исправляет определенное отрицательное свойство. В постоянном внимании к своей душе, в воспитании ее и подготовке к вечной жизни и состоит, по учению Православной церкви, смысл земной жизни. Так, например, гордость (мнение – высокодерзость – презор – высокомудрие – шатание – высокопарство) побеждается смирением (смирennemудрием), чревоугодие (гортанобесие – безсытство – чревобесие – чревонеистовство – любосластие) исцеляется постничеством, а от суесловия лучшим лекарством будет любомолчание (безмолвие) и т.д.

Итак, лекарством от греха является противоположная ему добродетель. Номинации человеческих добродетелей организованы в 19 синонимических рядов следующим образом:

количество компонентов в ряду	количество рядов с указанным числом компонентов	понятия, обозначенные соответствующими рядами
9	1	милосердие
6	1	благоразумие
5	2	усердие и благодушие
4	2	добротолубие и незлобие

* В этих случаях наиболее активно «работает» внутренняя форма слова.

3	7	раскаяние, страннолюбие, мерострастие (обуздание страстей), благочестие, любовь, храбрость, великодушие
2	6	любомолчание, воздержание, терпение, вера, богобоязненность, смирение

«Блаженны милостивые...», - возглашает в Нагорной проповеди Господь. Милосердие оправдывает множество грехов, и церковно-славянский язык предлагает наибольшее количество номинаций для этой добродетели.

В борьбе с грехом необходимо усердие, сопряженное с благоразумием. Все добродетели логически связаны одна с другой: добротолюбие предполагает страннолюбие, благочестие, любовь, богобоязненность; мерострастие поддерживается любомолчанием и воздержанием; любовь невозможна без незлобия, терпения и великодушия; любой грех побеждается смирением и омывается раскаянием, и никакая добродетель невозможна без веры. Пути воспитания и способы проявления той или иной добродетели отражены (в пределах одного ряда) входящими в ряд компонентами, их внутренними формами и оттенками значений:

вера – упование;
 преусердие – тщание – ревность;
 храбрость – благодерзостие – благомужество;
 любовь (любы) - братолюбие – друголюбие;
 страннолюбие – странноприимство;
 незлобие – безгневие – кротость;
 добротолюбие – благолюбие – благотворение;
 легкосердие – благодушие – ласкосердие – благоцветие.

8 номинаций добродетелей не имеют синонимов, но связаны с синонимическими рядами гиперо-гипонимическими отношениями.

Например: благодетельствование - благотворение и усердие,
 нестяжание – проистекает от милосердия и воздержания,
 непамятозлобие – предполагает незлобие,
 богомыслие – связано с верой, благочестием и богобоязненностью.

Интерес представляет и тот факт, что, за очень редким исключением, номинации пороков и добродетелей предельно конкретны и недвусмысленны: полисемия у анализируемых лексем практически отсутствует. Факт достаточно знаменательный и необычный. Но эта, на первый взгляд, ограниченность семантического спектра слова восстанавливается благодаря синонимично-антонимичной парадигматике. Любое слово осознается и воспринимается не изолированно, а как представитель определенной микросистемы. На ее фоне (в данном случае на фоне синонимов, имеющих различные семантические оттенки, различные валентности и различные внутренние формы, и на фоне антонимичных лексем) слово-компонент парадигмы приобретает особый, неповторимый семантический колорит, при этом сохранив четкость значения и неразмытость смысловых границ в пределах текста.

Наличие нескольких значений словарь фиксирует всего у 15 лексем из исследуемых 265 (например, у лексем «упование», «умиление», «ревность», «страсть», «обида», «зависть» и некоторые др.).

Сравнивая данную церковнославянскую номинативную парадигму с тем, что унаследовано современным русским языком, приходим к выводу о том, что многое было утрачено или упрощено. Многие психологические нюансы не имеют в современном русском языке вербального соответствия, поэтому так трудно бывает современному человеку понять самого себя. Многие порочные наклонности перестали осознаваться как порочные, многие положительные качества перестали осознаваться как необходимые.

В сознании современного русского человека отсутствует связь между понятием «грех» (если вообще имеется такое понятие) и, скажем, тем, что наши предки

именовали «скверногласием» (т.е. пением непотребных песен) или «чарованием – обаянием – обаванием – потворством» (т.е. колдовством), хотя в колдунах и магах, а равно и в любителях «петь» то, что нельзя напечатать, недостатка сейчас нет. Современная, с позволения сказать, «мораль» более чем настойчиво внушает нам, что необходимым, естественным и даже похвальным является то, что наши предки называли «любоवेशием – тщетством – мшелоимством», «чревоугодием» и «прелюбодеянием» (как уже отмечалось ранее, последнее для русского человека было наиболее мерзостным и непотребным, о чем свидетельствуют языковые семантико-деривационные связи соответствующих лексем). Противостоять моде и мнению большинства трудно, и вот уже не грехом, а простительной слабостью стали «стропотство и презорство» (т.е. упрямство или, как сейчас говорят, «упёртость»), а также и «сребролюбие – любоимание – несытство – златолюбие – любостяжание – лихоимство». «Преслушание и самозаконие» (т.е. неповиновение) является сейчас признаком социальной активности, а «любочестие – словохотие – санолюбие – человекоявление – любоначалие», т.е. то, что мы сейчас называем «честолюбием», – первым требованием на пути к успеху. Консерватизмом и ханжеством посчитал бы сейчас русский человек «благодетельствование» (т.е. старание о введении и поддержании благонравия); «благоверие», «благочестие» и «богомыслие» стали исключительно религиозными понятиями. «Страннолюбие и странноприимство» могут вызвать у современного человека лишь недоумение и улыбку, а ведь именно эта добродетель отличала благочестивых мирян на Руси несколько веков назад. «Мероострастие» и «безсоблазństwo» (т.е. борьба со страстями, обуздывание страстей) – понятия совершенно экзотические для сегодняшнего «россиянина», которому усиленно прививается сейчас стремление к комфорту и наслаждению. Несомненным отклонением от нормы становится «простодушие» и «чистосердечие». «Смирение и смиренномудрие» (мать всех христианских добродетелей) может быть расценено сейчас в лучшем случае как признак слабого характера, а «чистота» ныне ассоциируется лишь с «чисто-ТАЙДОМ». «Раскаяние – сострастие – умиление», или «сокрушение сердечное», т.е. внутренний плач о собственной греховности, – то, что на Руси считалось условием для совершенствования и исправления, – возможно ли это в современной России?!

Часть церковнославянизмов перешла в современный русский язык, хотя частотность их в современной русской речи неодинакова. Но почти все из унаследованных церковно-славянских наименований, сохранив стилистическую окраску, в разной степени изменили свое значение. Связано это и с перераспределением функционально-семантической нагрузки в пределах номинативной парадигмы, и с неодинаковой степенью мотивированности названия для носителя современного русского языка. Но остались еще в сознании современного русского человека островки православно-славянской ментальности, хотя сегодняшний россиянин может об этом и не догадываться. Русскому человеку не нужно объяснять, что такое «благопоспешие». И отдает себе отчет нынешний россиянин, что «любовь» и «секс» – это не одно и то же, хотя последний имеет то преимущество, что может быть «безопасным». До сих пор в России ценится «правдохранение» (т.е. «правдивость») и «тихость» (т.е. ясность духа), «храбрство» и «благодарство», «великодушие», «благоразумие» и «тщание» (т.е. старание). Любой из нас хотел бы обладать «безгневием» и «легкосердием» (т.е. благодушием). Уважение у русского человека вызывает «нестяжание», «непамятозлобие», «любомолчание», а «велеречие» и «прогневание» и по сей день не в цене в России. Что же касается «терпения и терпеливостю», то эти качества и поныне считаются типичными свойствами русского человека. Кстати, чем отличаются друг от друга эти две номинации, «терпение» и «терпеливостю»? Первая обозначает терпение и надежду, вторая – терпение и твердость. Позволю себе предположить, что именно в этом и состоит на сегодняшний день национальная русская идея: в твердости духа, терпении и надежде на Бога. Однако нельзя забывать о том, что все это должно сопровождаться деятельной, горячей любовью к Богу и Отечеству. Так не пора ли, возрождая русские святыни, возрождать и русское Слово – залог чистоты помыслов и богоугодности дел?

**Е.В. СОБОЛЕВА, доцент Нижегородского
государственного лингвистического
университета им. Н.А.Добролюбова**

**Традиции преподавания и изучения латинского языка
в Нижегородской Духовной семинарии**

Изучение латинского языка в русской духовной школе начинается с 1687 года, т.е. с момента создания в Москве по инициативе Симеона Полоцкого Эллина-греческой академии. Здесь преподавали «семь свободных искусств», греческий и латинский языки.

В 1701 году академия была переименована в Славяно-греко-латинскую, а с 1704 года она называлась уже только Латинской, или Славяно-латинской. Именно с этого года преподавание всех предметов здесь ведется на латинском языке.

С самого начала XVIII в. латинское образование становится для священнослужителей обязательным: указ 1708 года обязывал детей попов и дьяконов учиться в греческих и латинских школах. Согласно манифесту 1730 года, духовные школы, которые с этого момента следовало называть семинариями, должны были открываться во всех епархиях. Если не везде латинский язык господствовал, как, например, в Черниговской, то, как элемент образования и воспитания присутствовал обязательно. Причем значение его со временем возрастало. Так в 1734 году при Долматовском монастыре на Урале была организована славяно-российская духовная школа, преобразованная позднее в славяно-латинскую. Даже низшие духовные школы, открытые не в епархиальных центрах, назывались славяно-латинскими.

Изучение латинского языка в семинариях предполагало столь совершенное владение им, что позволяло выступать с публичными речами, составленными по всем правилам риторики. В 1798 году в Славяно-греко-латинской академии для студентов богословского и философского классов был организован класс высшего латинского красноречия. В Москве публичные диспуты заменяли экзамены в высших классах академии перед Рождеством и летними каникулами. Летние диспуты продолжались три дня: первый день - богословский диспут, второй - философский, третий - по любому другому предмету. В других духовных учебных заведениях, кроме публичных диспутов, проводились еще и ежемесячные учебные диспуты. Среди учащихся устраивали также состязания в сочинении и произнесении стихотворений и хвалебных речей на латинском языке.

Но уже к началу XIX века в Священном Синоде начал обсуждаться вопрос о переходе преподавания в духовных школах с латинского на русский, что вызвало серьезные возражения многих предстоятелей Русской Церкви. С 1840 года латынь перестала быть языком обучения, а превратилась в обычный учебный предмет. Правда, протесты против этого нововведения не умолкали до конца XIX столетия. Ибо для основательного изучения богословских наук необходимо знание классических языков и классической литературы. Это подтверждается историей русских духовных школ, в которых древние языки, в частности латинский, с их литературой служили и служат одним из главных предметов изучения. По словам М.Н. Каткова, «Великие иерархи, богословы и учителя Русской Церкви выходили из старой крепкой Греко-латинской школы»¹.

При общих тенденциях у каждой российской семинарии были свои особенности и традиции преподавания латинского языка и его места среди других дисциплин, к сожалению, не всегда хорошо известные и исследованные.

Изучение латинского языка воспитанниками НДС имеет глубокие и стойкие традиции, уходящие корнями в начальный период ее истории.

¹ Катков М.Н. Классицизм и духовная школа. Письмо М.Н. Каткова в Высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому. - М. 1888. - С.3

Преосвященный епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин (Руднев) с 1783 по 1794 годы неустанно заботился о вверенной его попечению семинарии. Этот иерарх, член Российской академии наук, выпускник Геттингского университета, где он учился у знаменитого профессора классической филологии Ч.Г. Гейне, стал утверждать принципы классического образования, нацеленного на формирование у учащихся интеллекта, гибкости ума, высоких нравственных принципов. Такое образование издревле базировалось на изучении классических языков и культур. О семинарии тех лет историк пишет: «Знание латинского языка, особенно при Дамаскине, доходило до возможного совершенства ... свидетельством этому служат оставшиеся от того времени латинские каталоги и латинские сочинения..., гораздо лучшие в сравнении с русскими упражнениями того времени».¹ Обязательной и конечной стадией процесса обучения были диспуты на латинском языке, идеологической основой которых являлся катехизис. Традицию диспутов Дамаскин (Руднев) позаимствовал из европейских университетов.

Но согласно уставу 1840 г.² латынь перестала быть языком обучения в духовной школе, а превратилась в обычный учебный предмет. Однако руководители и преподаватели НДС по-прежнему стремились к тому, чтобы семинаристы получали достойное классическое образование. Они ясно осознавали, что без знания древних языков словесная нищета и косноязычие, а следом, как неизбежное следствие этого - скудоумие - могут стать уделом пастырей духовных. Вот свидетельство профессора А.Л. Катанского, выпускника НДС сер. XIX века: «Главными у нас предметами считались древние языки - греческий и особенно латинский».³

Изучение латинского языка начиналось уже в приходском училище, продолжалось в духовном училище, затем в семинарии в течение шести лет: в классе «словесности» (1-й и 2-й годы обучения), в классе «философии» (3-й и 4-й годы), «богословия» (5-й и 6-й годы). Таким образом, будущие священнослужители изучали латинский язык в общей сложности в течение 10 лет, имея на разных этапах обучения не менее четырех занятий в неделю. Реформа 1849 г. существенно урезала количество учебных часов по латинскому языку в гимназиях. Поэтому вплоть до 70-х годов XIX века, когда министр народного просвещения Д.А. Толстой стал вводить в России классическое образование, духовные школы, в том числе и НДС, имели явное преимущество перед светскими в возможности интеллектуального развития и образования молодежи.

В процессе обучения латинскому языку семинаристы могли получить хорошие знания и сформированные навыки чтения, перевода и комментирования подлинных произведений, классических и христианских авторов, а также основательно познакомиться с нравами и обычаями древних, что необходимо для понимания и толкования многих мест из Нового Завета и творений Отцов Церкви.

Формой обучения латинскому языку были практические занятия, на которых учащиеся выполняли письменные упражнения по грамматике и переводу с латинского на русский и с русского на латинский, готовили краткие изложения (устные и письменные) прочитанного. Сохранилось одно из таких ученических упражнений (рукопись хранится в архиве Пушкинского Дома). Выполнявший его семинарист демонстрирует основательное владение материалом по морфологии и синтаксису. В духовных школах программа по латинскому языку всегда предусматривала чтение, филологический анализ, а на его основе перевод и экзегезу произведений классиков, *Biblia Vulgata* и сочинений Святых Отцов. Из античных писателей нижегородские семинаристы изучали сочинения Корнелия Непота, Вергилия (отрывки из «Энеиды»), Горация (избранные места из сатир и посланий), Цицерона (философские трактаты и некоторые речи), Сенеки (отрывки из трактатов), Лактанция (преимущественно «*De falsa religione*»), Августина (отрывки из «*De civitate Dei*»).

¹ Макарий (Миролюбов), иеромонах. Нижегородская семинария. - Н.Новгород, 1849. - С. 29.

² См.: Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий. 1808 - 1896 годы. - СПб., 1908.

³ См.: Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий. 1808 - 1896 годы. - СПб., 1908.

На старших курсах латинский язык использовался при изучении словесности (риторики), логики, психологии, патристики.

В соответствии с правилами 1840 года семинаристы должны были готовить сочинения на русском и латинских языках. В «классе словесности» - по четыре в месяц, «философии» - по три, «богословия» - по два. Сочинения на латинском языке, как правило, посвящались толкованию отдельных мест из Священного Писания. Сохранились, например, сочинения на темы «*Lucerna pedi meo verbum tuum est et lux itinere meo*» (Psl) и «*Sermonis tui trutinam confice et ori tuo fac januam et vectem*» (Eccl).

Небольшие по объему (три-четыре листа), они написаны по всем законам риторики с многочисленными ссылками на Священное Писание; их язык не блещет разнообразием лексики, но вполне грамотен; имеется незначительное количество ошибок на употребление падежных форм.

Помимо обязательных сочинений лучшие студенты семинарии писали на латинском языке не предусмотренные учебным планом работы, темы которых выбирали самостоятельно. Кроме того, семинаристы выполняли переводы поэзии и прозы римских писателей. Н.А. Добролюбов, будущий знаменитый литературный критик, перевел 34-ю оду первой книги Горация, а А.Л. Катанский получил от преподавателя дополнительное задание на каникулы - перевести трактат Цицерона «*De Natura Deorum*».

В Нижегородской Духовной семинарии латинский язык преподавали профессионально подготовленные наставники, любившие свой предмет и учеников. Например, И.М. Сладкоперцев окончил по первому разряду Петербургскую Духовную академию, И.И. Световидов имел обширную домашнюю библиотеку и разрешал воспитанникам пользоваться ею; С.П. Модератова семинаристы считали идеальным учителем, А.Л. Катанский пишет, что «он пробудил в нас особенную любовь к латинскому языку, который знал прекрасно, и заложил в нас фундамент знания этого языка».¹

Большую помощь в изучении латинского языка оказывала учащимся семинарская библиотека. Основателем ее был Преосвященный епископ Дамаскин (Руднев), который в конце жизни передал в дар семинарии собственное собрание книг. С тех пор библиотечные фонды постоянно пополнялись. Произведения на классических языках в данном собрании - это преимущественно европейские издания XVII - XVIII веков. Вероятнее всего, они попали в семинарию еще при епископе Дамаскине (Рудневе), который выписывал книги из Германии, приобретал их в Петербурге. В семинарской библиотеке была прекрасно представлена римская литература, как в оригинале, так и в переводах. Имелись комедии Теренция, сочинения Цезаря, 11 книг Цицерона - полные собрания сочинений разных издателей, а также отдельные речи и философские трактаты; 7 книг Вергилия, 5 книг Горация; из Овидия в оригинале «*Метаморфозы*» и «*Тристии*», есть «*Метаморфозы*» и в русском переводе; исторические сочинения ограничиваются Тацитом. Для занятий классическими языками необходимы и словари. Они также представлены в семинарской библиотеке в достаточном количестве и разнообразии: Галтегоф «*Российский лексикон с немецким и латинским переводом*». Москва, 1778; Ивашковский «*Русско-латинский словарь*». Санкт-Петербург, 1850; Реестр российских слов из латинского Геслерова лексикона выбранный и по алфавиту расположенный. Москва, 1768; «*Лексикон трехязычный речений славянских, эллино-греческих, латинских*». Москва, 1704.

В свое время М.Н. Катков писал: «Ученый богослов должен быть и филологом... по обоим классическим языкам... Только при этом условии ученое образование для богослова будет живою силою»². Эту «живую силу» классического образования и давала НДС, взрастившая в своих стенах как многих выдающихся иерархов Церкви, так и знаменитых ученых.

¹ Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора. - Пг., 1914. - С.17.

² Катков М.Н. Ук.соч. - С.4.

**М.П. САМОЙЛОВА, доцент Нижегородского
государственного лингвистического
университета им.Н.А.Добролюбова,
кандидат исторических наук**

Античность в русской педагогической традиции XVII в.

Проблема влияния античной культуры на русскую средневековую педагогику важна для понимания характерных черт рецепции античности русской культурой, а также для общей характеристики интеллектуальной ситуации той эпохи. Также как западноевропейское средневековье Древняя Русь знала о существовании античного периода истории человечества, об античной культуре, о некоторых памятниках античности в более поздних переложениях. Историки выявили в древней русской книжности значительный комплекс источников, связанных в опосредованной форме с античностью. Здесь можно назвать исследования Белецкого А.И., Д.М.Буланина, Г.С.Кнабе, Э.Д.Фролова.¹ Однако по своей функциональной значимости эти знания античности не могут идти ни в какое сравнение с влиянием античности на культуру Западной Европы. Отсутствие в Древней Руси органических связей с античными традициями расценивалось в историографии и как определенная историческая «неполноценность», и как фактор, способствовавший развитию самостоятельной, оригинальной древнерусской культуры. В современной исследовательской литературе наметился иной подход к проблеме - выявление своеобразия существования античной традиции в рамках православной культуры. Вопросы, связанные со школой и образованием, занимают внутри этой проблемы важное место.²

В средневековый период античность оказала свое влияние на раннехристианскую литературу, на юрисдикцию, на государственно-административную систему западноевропейских стран. Государство же восточных славян появилось приблизительно на пять веков позднее первых государственных образований германских племен, завоевавших Римскую империю. В формировании средневековой культуры, государственности, а также системы образования Киевской Руси античный компонент полностью отсутствовал.

Важнейшую роль в сохранении античного наследия в период средневековья в Западной Европе играл институт школ: школьные античные традиции продолжали существовать и были определенным образом заимствованы средневековой схоластикой. Грамматика, риторика, диалектика, поэтика и др. науки широчайшим образом использовали античных авторов. Византийские светские школы практически не прерывали традиций греческих школ. В свою очередь в Киевском государстве не было достаточно объективных предпосылок для развития школ западноевропейского и византийского типа, хотя подобные попытки и предпринимались киевскими великими князьями. Неизжитое языческое мировоззрение первых веков после принятия Русью христианства не имело навыков философского и лингвистического мышления, что сказывалось на формировании комплекса литературы, составлявшей круг чтения образованного человека того времени. Через болгарское «просветительство» времени царя Симеона Русь приняла образец греческой монастырской образованности,

¹ Белецкий А.И. Русская литература и античность // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссий. - М., 1961.; Буланин Д.М. Классическая культура в Древней Руси и проблемы ее изучения // Русская и грузинская средневековые литературы. - Л., 1979; Фролов Э.Д. Русская наука об античности. - СПб., 1999; Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России.- М., 2000.

² Кнабе Г.С. Русская античность Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. - М., 2000.

отказавшись от ее светского эллинизированного варианта.¹ В связи с разделением в 1054 г. христианства на католичество и православие сама возможность проникновения на Русь влияния схоластической западной образованности путем контактов с Западными странами оказалась в корне пресеченной.

С Византией и Болгарией Русь имела теснейшие связи на протяжении всего средневековья. Отсюда проникла ставшая чрезвычайно популярной в русской книжности патристическая литература восточных отцов церкви, насыщенная полемикой с античным мировоззрением и культурой, и крайне негативным к ней отношением. Понятие «эллинский» стало соответствовать в русском языке значению «поганый», «язычник», отступник от христианской веры и т.д. Эллинские боги приравнивались в русском понимании к бесам². Античная мифология на Руси, в отличие от Запада, не обрела культурной значимости, но имела значимость исключительно религиозного характера, практически приравнивалась к славянскому и другому язычеству.

Образованный человек – «книжник» – знал об античном мире преимущественно из сочинений исторического характера (популярны были «Александрия» Псевдо-Калисфена, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «История разрушения Трои» Гвидо де Колумна, византийские хроники Арматола и Малалы). В русских хронографах – сводах по всемирной истории – сведения об античном мире растворялись в библейской истории и сводились по сути к кратким сообщениям о «поганных» богах греков, египтян и других древних народов, их гражданская история отсутствовала. Обличения эллинских культов содержались в «Словах» Григория Богослова, в сочинениях Максима Грека. Именно таков был круг сведений об античной мифологии (например, Иван Грозный в послании к кн. Курбскому использует такие сюжеты)³.

Иную роль играли популярные гномологии – «Пчела» и «Мудрость Менандра» – содержавшие подборку изречений на моральные темы античных и христианских авторов. Эти сборники пользовались большой популярностью в силу своей дидактической направленности. Их содержание адаптировано к православной книжности, во многих рукописных списках имена античных авторов опускались переписчиками.

Непосредственные, хотя и весьма редкие, контакты с иноземной образованностью (через приезжих иностранцев, в особенности греков, или через выезд из страны) также вносили определенный вклад в знакомство с античностью. Об этом свидетельствуют, например, такие явления, как обращение боярина Федора Карпова (2-я пол. XV в. не позднее 1545 г.) в своих посланиях к Аристотелю, Гомеру и скрытое цитирование им стихов Овидия.⁴ Судя по словам Павла Иовия, писавшего о России со слов толмача Дм. Герасимова в 1526 г., московские бояре, как правило, имели в своих библиотеках рукописные списки Александрии, Римских деяний, историю Антония и Клеопатры и др.

Таким образом, сведения об античности в рамках христианской культуры стали ее неотъемлемым элементом. Усвоение древнерусской литературой античных памятников полностью подчинялось и приспособлялось к православной христианской традиции. Система древнерусского образования в целом оказалась отторженной как от светской византийской, так и от западной средневековой школьных традиций, сохранявших в себе античную педагогику.

В XVII в. в России начинается процесс модернизации, а именно медленный поворот к культурным образцам стран Западной Европы.

В данный период отчетливо проявляется свойственная каждой культуре в определенные исторические моменты развития потребность переосмыслить самое себя с помощью обращения к иным культурным традициям. В странах Западной

¹ Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI в. - Л., 1989. - С.38.

² Там же. - С.5.

³ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. - СПб., 1999. - С.24 и след.

⁴ Там же. - С. 37.

Европы таковыми являлись традиции античности, породившие эпоху Возрождения. В России мы также «сталкиваемся с потребностями Ренессанса, но лишенными почвы, способной его породить как реальное историческое явление»¹. Эти потребности связаны, как вполне убедительно показал Г.С.Кнабе, с невозможностью преодолеть внутренний кризис культуры на основе старых идей.² Чтобы «оттолкнуться» от Средневековья Россия опирается на Западную культуру, как в свое время последняя опиралась на античную. При этом усвоение античности, ставшей органичной частью европейской культуры, происходит неизбежно, однако это сложный, постепенный и болезненный процесс, т.к. он кардинально меняет прежние традиционные представления.

В Россию увеличивается поток переводной литературы, и именно через западную, в особенности польскую, книжность проникает все больший объем знаний об античности, но не в оригинальных текстах, а в преломлении через западное и византийское средневековье и Возрождение. Получают популярность Аристотель, Эзоп.

В связи с вышеуказанным процессом начали меняться и подход к образованию, к его содержанию. Громче зазвучали голоса в защиту «внешней мудрости» (т.е. схоластических наук), которые прежде порицались как «латинство» и противопоставлялись христианской духовности. В этой полемике старых и новых подходов тема античности актуализировалась, приобрела новый характер. Возник интерес не собственно к античности, а к ее «авторитетности». В устах защитников «внешней мудрости» она просто играла роль традиционной ссылки на «древний авторитет». Если ранее в книжности доминировала тема античной мифологии, то в XVII в. на первый план выступила тема античных мудрецов. Показателен следующий пример: составитель сочинения по всемирной истории – Хронографа в его третьей редакции, составленной в 1617 г., основываясь на традиционных хрониках, добавил из польской хроники Богдана Бельского к сведениям об античных богах и героях имена Софокла, Аристофана, Демосфена, Сократа, Пифагора, Гераклита и др. деятелей античной культуры, статью о создании латинской грамоты и т.д.³

Во второй половине XVII в. в Москву по приглашению правительства приехали ученые монахи из южных и западных русских земель и других православных стран. Они занимались книжными переводами, учительством и проповедничеством, принимали русских учеников. В 1649 году для «справки Библии на славянскую речь» в Москву прибыл Епифаний Славинецкий, в том же году – иерусалимский патриарх Паисий. Хотя они были против любой образованности, не санкционированной церковными властями, в своей культурной деятельности они нередко апеллировали к античным мудрецам, почтительно выделяя их на фоне прочих. Противостоявшая им «латинская партия», существование которой было вызвано к жизни политикой правительства царя Алексея Михайловича, в ходе обучения латинскому языку осваивала с учениками произведения римских авторов. К античным именам и сюжетам обращался Симеон Полоцкий, оснащавший свои сочинения нравоучительными притчами, как история царя Мидаса, пожелавшего превращать в золото все, к чему бы он ни прикоснулся. В основе рассуждений Полоцкого лежит учение о добродетели как высшем благе, эти рассуждения он излагал в формулировках, близких к Аристотелю и Сенеке. Почитал греческую мудрость и Юрий Крижанич.

В борьбе за новое образование столкнулись три направления:

- 1) «мудроборцы», отстаивавшие старину, выступавшие против примата разума над душой; их ярким представителем являлся блестящий писатель протопоп Аввакум;
- 2) сторонники образования, основанного на изучении греческого языка и византийской церковной книжности, что подразумевало создание особой

¹ Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке. - Л., 1989. - С. 205.

² Об этом см.: Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. - М., 2000. - С.79-85.

³ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. - СПб., 1999. - С.28.

православной системы образования, отличной от западной, и более близкой славянству; во главе этого направления стояли монахи московского Чудова монастыря Епифаний Славинецкий и его ученик Евфимий;

- 3) сторонники латинского языка и схоластической латинской образованности; представителями этого направления можно назвать Симеона Полоцкого и его ученика Сильвестра Медведева.

В этом споре одним из аргументов становится апелляция к именам античных мудрецов. Протопоп Аввакум в духе древнерусского ригоризма писал, поставив в один ряд греческих богов и мудрецов: «вси мудри быша и во ад утудиша.»¹

Совершенно иначе звучала тема античной мудрости у грекофилов: с ее помощью они пытались обосновать большую древность греческих наук по сравнению с латинскими и вторичность последних.²

Приверженцы латинской ориентации образования не противопоставляли греческую и латинскую культуры друг другу. Для них античность была частью европейской культуры, которую русским необходимо постигнуть, приняв ее не вместо, а в добавление к своей собственной православной культуре.

Ни «греческое», ни «латинское» направления фактически не получили дальнейшего развития в русской культуре, будучи прерванными петровскими реформами, когда не латинская схоластика, а новые европейские языки и практические науки стали играть ведущую роль. Потерял значение и церковнославянский, замененный в светской культуре и обучении на «гражданский» русский язык, впитавший в себя в это время огромное количество западноевропейских слов.

Однако в XVII веке возникают новшества в образовании, указывающие на первые шаги в направлении к классическому образованию.

О значении эллинских наук говорилось и в предисловии к московскому изданию Грамматики Мелетия Смотрицкого (1648 г.). В некоторых списках прописей (пособий по обучению письму) помещается сокращенный текст Александрии – повести о жизни и подвигах Александра Македонского.

В 70-х гг. XVII в. на русский язык было переведено сочинение Эразма Роттердамского, получившее в России название «Гражданство обычаев детских». Опираясь на гуманистическую традицию, Эразм широко использовал в нем примеры античной истории и культуры, обучая детей правилам поведения в обществе.

В 1694 г. вышел печатный букварь с картинками Кариона Истомина. В нем в ряду прочих изображений, данных к каждой букве алфавита, встречаем кентавра («иппокентавр»), «поганскую богиню Юнону», упоминается на букву «А» и Афродита.

В Москве в XVII в. возникают небольшие школы нового типа (в основном при монастырях и приказах), в которых начали обучать древним языкам, началам риторики, грамматике. Следует думать, что через эти новые предметы также распространялась «школьная» античность.

Во всяком случае, для Типографской школы из Константинополя в 1682 г. было привезено 109 книг, среди них сочинения Аристотеля, Демосфена, Платона, Птолемея, Пифагора, Павсания («Описание Эллады»), Гомера («Одиссея»), Эсхила, Софокла, Аристофана, Гесиода и др.³ По утверждению Б.В.Сапунова, в личных библиотеках второй половины XVII в. процент античных сочинений (в основном на греческом языке) весьма высок. Это личные собрания «деятелей культуры, справщиков (редакторов) Печатного двора, поэтов, писателей, ученых»⁴.

Таким образом, античная тематика начинает четче звучать и в нравоучительно-проповеднической литературе (т.е. в области воспитания), в новых школах, в учебной литературе. Она расширяет кругозор обучающихся, хотя она и не дает пока сколько-

¹ Протопоп Аввакум. О внешней мудрости // Пустозерская проза. - М., 1989. - С. 105.

² Елеонская А.С. Человек и вселенная в ораторской прозе Епифания Славинецкого // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII- начала XVIII вв. - М., 1989. - С.208.

³ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII в. - Л., 1973. - С. 310.

⁴ Сапунов Б.В. Античная литература в русских библиотеках XVII в. и московское барокко // Русские библиотеки и их читатель. - Л., 1983. - С. 72.

нибудь глубокого понимания античной культуры, проникновение античности в общественное сознание через учебные занятия превращает ее постепенно в привычный элемент культуры и образования. Постепенно складывается новая система ценностей, возникает новый тип отношения к действительности, в котором можно ощутить античную почву без явного разделения на латинскую и греческую.

В созданной в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии отраженные в ее названии три коренных языка богословия преподавались в единстве и поддержке друг друга. Большой акцент на греческий язык делался, когда во главе академии находились грекофилы – братья Лихуды, а на латинский – когда их сменил Стефан Яворский. Г.С.Кнабе отмечает проникновение греческих и латинских слов, клише и лексических структур в язык времени («яснейшетишайший государь», «златоупещренный», «краеодежнополагаемые рясна» навеяны греческими словообразовательными моделями).¹

Следует кратко упомянуть еще одну тему, которая заставляла обращаться к античным сюжетам и вызывала интерес. Это внимание самодержавия к теме императорской власти в Риме. Недаром Москва называла себя Третьим Римом, а московские самодержцы вели свое происхождение «от Августа кесаря». Так, в личной библиотеке царя Алексея Михайловича находились «Летописец о Римских цесарях, и что при них делалось и об ыних делех», в царской библиотеке имелись также сочинения Аристотеля. Размышления о всевластии монарха и его ответственности перед Богом так или иначе варьировали античную альтернативу *Optimus princeps – Dominus et Deus*.

Таким образом, в XVII в. лица, стремившиеся к новому образованию европеизированной ориентации, уже непременно сталкивались с античной культурой, получали пока еще очень поверхностное, но достаточно реальное о ней понятие. С этим приходилось считаться приверженцам традиционной культуры и образования и определенным образом реагировать на новшества. Усваиваются и научные достижения античности, ее философская мысль, искусство, постепенно начинают осмысляться такие чуждые русской традиционной культуре понятия, как гражданство, демократия, право собственности. Со временем античная культура становится в России основой классического образования, направленного на гуманистическое развитие личности. Иначе говоря, она становится столь же органической частью культуры России, какой была и в Западной Европе.

¹ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII в. - Л., 1973. - С. 93.

**М.П.Морев, доцент Поволжской
академии государственной службы (г. Саратов),
кандидат исторических наук**

К вопросу о роли «внеправовых» источников в изучении римского права

Заметный рост интереса к правовому наследию Древнего Рима естественным образом обуславливает постановку вопроса о значении т.н. «внеправовых» источников. На наш взгляд, для более полного и адекватного представления о римском праве сегодня уже необходимо использовать не только и даже не столько материал «правовых источников», но также и **живое право Рима** (*jus in actu*), взятое из рассказов античных, прежде всего римских, авторов.

Богатство древних рукописей несомненно. Так, ценнейшим источником, который показывает действие норм римского права в реальной жизни, являются отдельные письма из переписки и сочинения Цицерона и Плиния Младшего со своими друзьями: ни у одного юриста нельзя найти более реалистичного и доходчивого рассказа о различных сторонах социального и правового бытия Рима¹. А фундаментальные исследования по публичному и уголовному праву Рима, написанные знаменитым германским антиковедом Теодором Моммзенем, просто непредставимы без использования огромного фактического материала, взятого из сочинений античных авторов².

К сожалению, сегодня складывается ситуация, схожая с той, в которой оказались отечественные романисты – представители русской дореволюционной юриспруденции. Они также, кроме, пожалуй, И.А. Покровского, практически не использовали в своих трудах обширный правовой материал, взятый из сочинений античных писателей, что значительно обедняло их работы. К примеру, С.А. Муромцев, ссылаясь на литературные источники, содержащие нормы римского права, приводил лишь абстрактные примеры для показа тех или иных особенностей отдельных институтов права³.

Следует отметить, что использование подобных правовых источников можно считать элементом заимствования методов социологической юриспруденции. Как известно, социологическая теория права базируется на понимании права как фактического уклада жизни общества, тех отношений, которые имеют место быть в действительности. Ключевая категория социологической теории права – «живое право», то есть то, что отражает сложившийся порядок в обществе. Сторонники социологической теории права требуют отдавать приоритет «живому праву», а не системе официальных норм.

Так, социология права, по Е. Эрлиху, в противоположность догматической юриспруденции, исследует право эмпирически, как опытный факт, во взаимодействии с иными социальными явлениями. Исходная точка права, согласно его теории, лежит не в законодательстве, юриспруденции или судебной практике, а в самом обществе. Поэтому источник познания права, прежде всего, – непосредственное наблюдение жизни, поступков, изучение обычаев и документов конкретного применения права (договоры, завещания, сделки и т.п.). Юрист должен наблюдать и взвешивать отношения и поведения людей. «Живое право есть внутренний порядок человеческих союзов» (государства, семьи, корпорации, товарищества и т.п.)⁴.

¹ См.: Письма Плиния Младшего (Книги I-X) // Изд. подг. Н.Г. Сергеенко, А.И. Доватур. - М.: Наука, 1983 г.; Письма Цицерона Марка Туллия к брату, к близким... - М., 1948.

² См.: Mommsen T. Roemisches Strafrecht. - Berlin, 1955.

³ См.: Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. - М., 1883.

⁴ См.: Эрлих Е. Основы социологии права. - Вена. 1913.

Исходные начала самого права следует искать в обществе, в образующих его объединениях и союзах, таких как семья, торговые товарищества, община и самого государство. «Чтобы понять истоки, развитие и сущность права, следует, прежде всего, изучить порядок, существующий в общественных союзах. Причина неудач всех предшествующих попыток объяснить право состояла в том, что они исходили от правовых предписаний, а не из этого порядка».

И в далеком прошлом, и в современном обществе право «представляло собой порядок, существующий в родах, семьях, а также в нормах и предписаниях, определяющих внутренний строй союзов, и установленный соглашением, договорами и уставами этих союзов и объединений». Известный русский цивилист Ю.С. Гамбаров (1850-1926 гг.) соглашался с Р. Иерингом в том, что «ни одно законодательство ни одного народа в мире не может быть понято без исследования практической жизни этого народа». Он так же, как и немецкий ученый, считал право выражением практических потребностей общества и соответственно писал о том, что «юридические понятия представляют собой не простые логические категории, а живые исторические образования, которые возникают из социальных отношений и лишь после этого овладеваются юридической диалектикой, тщетно приписывающей себе привилегию творчества этих образований....Право можно изучать только в связи с целым, частью которого оно составляет, т. е. в связи со всем обществом и теми культурными и хозяйственными отношениями, выражением которых является как закон, так и всякая другая юридическая норма»¹.

Данные суждения подкрепляются его рассуждениями о причинах непопулярности юриспруденции век назад. Исходной аксиомой, которой необходимо следовать, является тот факт, что жизнь отдельного человека, семейства, общества включает в себя множество разнообразных событий, действий, и все они происходят в определённой последовательности. Это относится и к жизни римлянина от рождения и до смерти, как и любого человека и в древности, и в современную эпоху. Эта череда событий отражалась в праве, регулировалась им. Понятно и то, что действительная жизнь не всегда проходит по предписаниям права, но сами они призваны к руководству ею тем или иным образом. Но надлежит помнить и о том, что эта событийность является не вполне управляемой, а потому изложение правового материала должно быть подчинено делению его на отрасли, показывая тем самым действие норм этой отрасли или института. Это и отличает биографическое повествование от правового; оно же подтверждается и при сравнении, к примеру «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха и книг (титолов) Дигест, содержащих высказывания римских юристов о лицах, дееспособности, семейных отношениях и т. д.

Следует всё же отметить, что богатство и разнообразие источников представляет и определённые неудобства, поскольку, к примеру, судебные речи великого оратора Рима Цицерона содержат обилие фактов и правового материала по многим отраслям права, и он распределён так, что затрудняет восприятие всей правовой картины данной ситуации. Это в очередной раз доказывает необходимость обращаться к первоисточнику норм права, в том числе, и в особенности после рассмотрения теоретической части.

Нам известны многие подробности жизни и правовой деятельности Юлия Цезаря, Марка Цицерона, Октавиана Августа и последующих императоров, что позволяет лучше понять само римское право. Множество примеров прямого действия норм римского права встречается в прозаических произведениях авторов периода раннеклассического права. На первое место среди них смело можно поставить переписку и судебные речи Марка Туллия Цицерона – ценнейший источник сведений по многим отраслям римского права, особенно по гражданскому, уголовному, процессуальному. Благодаря этой переписке Цицерон нам известен не только как публичный деятель – политик, адвокат и писатель, но и как частное лицо – муж, отец, брат и друг; и мы застаем его не только на ораторской трибуне где-нибудь в сенате, суде и на форуме, но и в тесном кругу его близких и домашних, в интимной обстановке его дворцов и вилл, погруженным то в профессиональные занятия, то в изучение своих

¹ См.: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. - СПб., 1911.- С.15.

любимых авторов, то, наконец, в хлопоты и дразги будничной жизни. Начиная с 68-го года – с того момента, как начинается его переписка – ни одно событие его многосторонней жизни не ускользает от наших взоров: нам известен каждый его шаг, нам знакомо каждое движение его души, мы знаем все его мечты и опасения, радости и горе.

В не меньшей степени важны «Письма Плиния Младшего» (62-113 годы), «Сравнительные жизнеописания» беотийца Плутарха, творчество Сенеки (Младшего), «Жизнь двенадцати Цезарей» Гая Светония Транквилла и её своеобразное продолжение в «Писателях Истории Августов» (*Scriptores Historiae Augustae*), «Анналы» Публия Корнелия Тацита, поэтическое творчество Марциала, Ювенала¹. Подробный указатель литературных источников содержащих нормы римского частного права привёл Д.В. Дождев.

Своеобразие эпистолярного жанра Рима состоит в том, что правовая ситуация в письмах подаётся как живая, действующая (*in actu*), что резко отличает её от отточенных, чеканных формулировок или хитроумных рассуждений более поздних юристов, создававших свои произведения в кабинетной тиши на основе анализа огромного правового материала прошлого и настоящего.

В этой связи уместно не согласиться с мнением М.Е. Нисенбаума о том, что в текстах Пандект и «Институций» «есть всё и обо всём: более полной «энциклопедии римской жизни» нельзя встретить ни у Плутарха, ни у Макробия, ни у Дионисия Галикарнасского, ни у Авла Геллия»². Как раз энциклопедическими по содержанию являются письма (и речи) Цицерона и Плиния Младшего, поскольку действующие там лица вполне реальны, в то время как у юристов в их сочинениях они достаточно абстрактны. Это заметил ещё Плутарх в 30-м Римском вопросе: «...ведь и законники называют тяжущихся Гаем Сеєм и Луцием Титием»³.

Авторы писем рассуждают о действии норм права или обычаев, исходя из своих представлений о справедливости; ссылки на авторитетное мнение юристов встречаются не столь часто. «В сочинениях историков, ораторов, философов, поэтов, комиков и других заключается множество указаний, относящихся к гражданскому праву. Особенное значение среди неюридических писателей принадлежит комику Плавту (середина VI в. от основания Рима) и Цицерону (конец VII в.). Кроме того, представляют большой интерес писатели, перепечатанные, в отрывках, у К. Брунса (*Fontes etc.*). Брунс приводит:

- 1) *Фесты*, III или IV в. по Р. Х., занимавшегося толкованием древнелатинских слов и сохранившего таким путем многое из слов и выражений древнейших законодательных памятников, в особенности законов XII таблиц;
- 2) *Варрона* (638 – 727 г.у.с.), современника Цицерона; в сочинении «*De lingua latina*» Варрон занимается тоже толкованием слов, а в сочинении «*De re rustica*» он знакомит нас с некоторыми из юридических сделок, обычными в современном ему сельском быту;
- 3) *Нония Марцелла*, грамматика III в. по Р. Х.;
- 4) *Схолиастов* (императорского времени), писавших толкования на Цицерона и других;
- 5) *Землемеров* (*agrimensores*): Фронтин (I в. по Р. Х.) и Гигина»⁴.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости включения в учебную программу курса римского права в качестве дополнения к собственно «правовым источникам» изучение и «внеправовых». Это позволит избежать разрыва между теорией и практикой, характерного для нынешнего периода преподавания римского права.

¹ См.: Дождев Д.В: Римское частное право. - С. 665-668.

² Нисенбаум М.Е. Учебник латинского языка. - М., 2000.

³ См.: Плутарх Застольные беседы. - М-Л.: Наука, 1990.

⁴ Муромцев С.А. Указ. соч. - С.13.

**А.Н. Лушин, кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин Нижегородской
академии МВД России**

Значение изучения источников римского права в современном образовании российских юристов

Если бы автор предлагаемой читателям статьи жил в Российской империи на рубеже XVIII-XIX веков, то назвал бы свое сочинение так: «О пользе изучения российскими студентами источников римского права». В XIX столетии, когда изучению римского права в российских высших учебных заведениях начали отводить определенное учебное время, не случайно появлялись специальные работы, как-то: магистра Демидовского юридического лицея Н.Л. Дювернуа «Значение римского права для русских юристов» (1872) или профессора Московского университета Н.И. Крылова «Об историческом значении римского права в области наук юридических» (1838). Периодически до начала XX века систематически публиковались оригинальные исследования российских юристов по отдельным источникам римского классического права, например, по Дигестам, или Институциям. Подобное внимательное отношение к римскому праву свидетельствовало о том, что российские правоведы не воспринимали его как право «мертвое», отжившее, должное исчезнуть вместе с исторической эпохой Древнего Рима. Более того, они отмечали исключительность римского права, которая заключалась в том, что оно активно продолжило свою жизнь после распада Римской империи и в значительной степени повлияло на оформление ряда национальных правовых систем.

Собственно говоря, последовательному и внимательному изучению источников римского права в современном образовательном процессе юридических вузов тоже должно уделяться, казалось бы, достаточное внимание. Тем не менее, отечественные учебники и курсы лекций по римскому праву содержат в основном настолько краткий или беглый обзор источников, что подобное их изложение не позволяет в целом позитивно и системно усваивать дальнейший учебный материал. Более того, обзор источников римского права нередко подается авторами в весьма сложной для восприятия студентами манере изложения и совершенно не подкрепляется необходимыми конкретными примерами из правовой жизни римского государства. В качестве положительного примера тщательного рассмотрения источников римского права можно привести известный в нашей стране базовый учебник, написанный профессорами юридического факультета Университета им. Святых Кирилла и Мефодия г. Скопье в Македонии.¹

Примером целенаправленного и постоянного обращения к необходимым источникам (законам, конституциям, ответам юристов) при рассмотрении основных институтов римского права является учебник, изданный под редакцией профессоров И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского.²

Между тем, при основательном изучении вещного, обязательственного и наследственного права, гражданского процесса постоянное обращение к тем или иным конкретным источникам римского права представляется делом обоснованно важным и необходимым. Например, рассматривая при изучении римского наследственного права такое завещательное распоряжение, как легат или завещательный отказ, невозможно не сослаться на целый ряд источников права, повлиявших на установление и развитие легата. Преподаватель должен не только назвать эти источники, но дать им необходимую характеристику и определить их значение в последовательном развитии римского наследственного права. Это будет и очень

¹ *Пухан Иво, Поленак-Акимовская Мирьяна. Римское право (базовый учебник). / Пер. с македонского. / Под ред. проф. В.А. Томсинова. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999.*

² *Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2008.*

убедительным примером демонстрации студентам долговременного и непрерывного законотворческого процесса: Законы XII таблиц (451- 450 гг. до н.э.) – закон Фурия (II век до н.э.) – закон Вокония (II век до н.э.) – закон Фальцидия (I век до н.э.) – сенатусконсульты I века н.э. – конституция императора Юстиниана 529 года н.э. Точно также можно провести изучение фидеикомисса как способа сингулярного преемства после смерти, обратившись к основным стадиям его становления и развития в I веке н.э.: сенатусконсульт Трибеллиана – эдикт императора Нерона – сенатусконсульт Пегасиана – сенатусконсульт Веспасиана. Затем будет логично перекинуть правовой мостик в период правления императора Юстиниана (VI век н.э.), когда были приняты соответствующие конституции по наследственному праву.

Другой момент в изучении римского права, когда без прямого обращения к оригинальным источникам практически невозможно усвоить весьма обширный материал, состоит в осмыслении становления и развития чисто римского гражданского процесса. Рассмотрению исторических форм процесса посвящена интересная монография правоведа Е.В. Салогубовой, уделившая должное внимание необходимым источникам права.¹ Следует справедливо отметить, что основным источником сведений о ранней форме римского гражданского процесса являются Институции видного представителя юридической сабинианской школы Гая (II век н.э.). В то же время при изучении развития форм гражданского процесса необходимо последовательно остановить внимание на цепочке следующих источников права: Законы XII таблиц – закон Силия (269 год до н.э.) – закон Кальпурия (II век до н.э.) – закон Тостимея (175 год до н.э.) – закон Эбуция (после 150 года до н.э.) – закон Юлия (17 год до н.э.) – конституция императора Диоклетиана (294 год н.э.).

Традиционно историки римского права выделяют следующие источники права: обычное право, законы, эдикты магистратов, сенатусконсульты, ответы признанных профессиональных юристов, конституции императоров. Рассматривать их более рационально следует с учетом особенностей основных периодов развития римского права, как это сделано, например, в известном университетском курсе современного итальянского романиста Ч. Санфилиппо.² Например, сенатусконсульты как постановления Сената в республиканский период, по мнению ряда правоведов, носили рекомендательный характер и не имели силы закона.³ В период принципата решения Сената стали служить источниками права, то есть порождать юридические нормы. Классический юрист Гай сенатусконсульты относил к источникам права на том основании, что они обладали в то время силой закона.⁴ Действительно, сенатусконсульты становились после их провозглашения общеобязательными для всего римского народа. Если внимательно рассматривать развитие брачно-семейного и наследственного права Древнего Рима, то, как мы отмечали ранее, именно в форме сенатусконсультов были оформлены наиболее важные нововведения. С укреплением власти принцепсов сенатусконсульты перестали выступать как источники права, превратившись в торжественные речи перед сенаторами. Мы не случайно обратили внимание на историю постановлений Сената, так как в учебниках по римскому праву им обычно отводится не более 20-25 строк.

Соответственно, невозможно рассматривать становление и развитие преторского права в Древнем Риме без обращения к таким источникам, как эдикты магистратов (должностных лиц), посредством которых создавалась новая оригинальная система римского права. Эдикты магистратов в качестве авторских годовых программ, содержащих правоприменительные и административные акты, постепенно оказывали существенное влияние на гражданское право. Об этом периоде эффективного развития римского права юрист Папиниан писал следующее:

¹ Салогубова Е.В. Римский гражданский процесс. 2-е изд. / Под ред. проф. М.К. Треушникова. – М.: Городец-издат, 2002.

² Санфилиппо Чезаре. Курс римского частного права: Учебник. / Пер. с итальянского. / Под ред. Д.В. Дождева. – М.: БЕК, 2002.

³ Например, Галай Ю.Г. Римское частное право: Курс лекций. – Н.Новгород: НПА, 2002. – С. 7.

⁴ Институции Гая. Пер. с лат. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. – Т. 1. Древний мир и Средние века. – Раздел II. Античность. – М.: Норма, 2007. – С. 224.

«Преторское право – это то, которое ввели преторы для содействия гражданскому праву или для его дополнения или исправления в целях общественной пользы».¹ Размышляя о роли эдиктов магистратов, юрист Павел высказался весьма определенно: «Говорится, что претор высказывает право, выносит решение, даже если он решает несправедливо; это слово относится не к тому, что претор сделал, но к тому, что надлежало сделать».² Таким образом, мы снова возвращаемся к особенностям правотворческой деятельности римского государства, выделяя отдельно значение эдиктов магистратов. В контексте данной статьи можно напомнить читателям, что современное российское правотворчество также включает в себя активную «деятельность государственных органов и должностных лиц по изданию, переработке и отмене нормативных актов».³

Таким образом, значение изучения студентами юридических вузов источников римского права состоит не только в удовлетворении историко-правового интереса, носит не только чисто теоретический характер, но и проявляется в практическом аспекте. Кстати, в нашей современной правовой жизни активно и привычно используются такие римские юридические термины, как «конституция», «сервитут», «ипотека», «реституция», «деликт», «пакт» и другие. Несомненным важным фактом сегодня представляется осознание высшего уровня слияния в римском классическом праве существенных достижений в теории и практике. Научно-педагогическая деятельность римских юристов вылилась не только в написание ими учебников по праву, или Институций. Следует также отметить, что благодаря им появились целые сборники, состоящие из ответов знатоков права, сочинений-писем по отдельным правовым вопросам («О двусмысленности», «О прелюбодеяниях», «О семейном вопросе», «О праве добавления к завещаниям», «О долях, которые следуют осужденным детям», «О находках» и другие), а также всевозможные комментарии к отдельным законам и сенатусконсультам («Комментарии к Тертуллианову сенатусконсульту», «Комментарии к закону Фальцидия», «Комментарии к муниципальному закону», «Комментарии к Веллейанову сенатусконсульту» и так далее).

Что касается основных форм юридической практики, то они появились в результате напряженного интеллектуального труда римских юристов по применению результатов теории в практической сфере. Первая форма юридической практики сводилась к составлению юристами рекомендательно-обязательных формул сделок, завещаний, к оформлению новых исков, то есть к практической юридической помощи частным лицам, и явилась предтечей нотариата. Второй вид юридической деятельности представлял собой ведение дел в суде, подготовку выступлений в суде, составление требований права для публичного выступления истца в суде, то есть адвокатскую практику. Третья форма представляла собой проведение консультаций или дачу ответов на запросы как частных лиц, так и должностных лиц – магистратов и судей. Наиболее авторитетные юристы Древнего Рима получили привилегию давать официальные консультации от имени императоров. В таких случаях ответы или советы юристов обладали обязательной для суда силой. Император Август в начале I века н.э. позволил судьям выбирать из ответов знатоков права наиболее подходящие или верные толкования или мнения при вынесении судебного решения. Форма ответа авторитетного юриста могла быть письменной, обращенной к суду, или устной консультацией с протоколом при свидетелях. В обоих случаях ответы юристов скреплялись печатью. Историки права указывают также на такую форму юридической деятельности, как написание по каким-либо правовым вопросам сочинений-писем для практических целей.

Профессор Московского университета романист Н.И. Крылов, размышляя в первой половине XIX века об историческом значении римского права, восторженно, но совершенно справедливо писал: «Материальная сторона римского законодательства, полного неисчерпаемым богатством явлений юридической жизни, анализируемых с

¹ Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М., 2002. – С. 87.

² Там же. – С. 87.

³ Теория государства и права: Учебник / Под. ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2001. – С. 320.

неподражаемым искусством и возведенных, наконец, при содействии юрисконсультов в степень всеобщих начал, дает ему полное право на титул писаного разума. И действительно, в юридических памятниках римской письменности мы видим один чистый разум, отрешенный от всех местных особенностей, забываем римлян, а их идеи создаем как идеи всего человечества».¹ Оценивая значение римского права с сегодняшних позиций в аспекте необходимости его изучения в российских вузах, можно указать на современное звучание процитированного высказывания и категорично заявить о том, что римское право должно быть хорошо знакомо каждому образованному юристу, в том числе практикующему. Не случайно, проблема изучения источников римского права в современных юридических вузах стала предметом особого обсуждения в научно-преподавательских кругах.²

Для современных российских правоведов тщательное изучение источников римского права представляет значительный интерес и в том аспекте, что оно оказало вполне определенное воздействие на формирование русского права. Степень данного воздействия еще во второй половине XIX века по-разному определялась российскими романистами, однако влияние византийского (греко-римского) права на законодательство Киевской Руси считается в историко-правовой науке очевидным. Опосредованные заимствования отдельных норм и положений римского права обнаруживаются в таком законодательном памятнике, как Соборное уложение 1649 года царя Алексея Михайловича. В XIX веке представлялось, что к использованию римского права следует подходить творчески, например, при разработке новых нормативных актов, когда можно было обратиться не только к нормам, но и правовой методике римского законодательства. Некоторые российские правоведы указывают на примеры восприятия и скрытого использования основополагающих принципов и идей римского права. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 года, введенный в Российской империи в результате судебной реформы, по мнению ряда историков права, был составлен под несомненным влиянием ряда норм и положений классического римского права.

Не случайно, на рубеже XIX-XX веков российские романисты вступили в оживленную дискуссию по практическому применению римского права в отечественном законодательстве. Велась речь и о значении изучения источников римского права, таких как Дигесты императора Юстиниана, Институции Гая, юридические сочинения римских знатоков права Папиниана, Ульпиана, Юлия Павла, то есть подчеркивалось высокое образовательное значение классической римской юриспруденции. В советский период определенное скрытое влияние римского права на развитие законодательства усматривается в Основах гражданского законодательства СССР 1961 года и Гражданского кодекса РСФСР 1964 года. Специалист в области римского права Е.В. Салогубова отмечает наметившуюся в постсоветской России тенденцию к творческому использованию отдельных принципов, положений и понятий римского права в новейших законодательных актах. В качестве убедительного примера она приводит нормы нового Гражданского кодекса Российской Федерации (1994-2001 годы) и изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 27 октября 1995 года.³

В последнее время в нашей стране оправданно возрос интерес к римскому частному праву. Это связано с целым рядом существенных изменений, произошедших, например, в сфере обязательственных или брачно-семейных отношений. Поэтому в высших учебных заведениях стал преподаваться курс римского частного права, и появились соответствующие издания. Выдающийся специалист по гражданскому праву Г.Ф. Шершеневич писал, что римские юристы классического периода сумели разграничить публичное и частное право и сосредоточили основное внимание на

¹ Крылов Н.И. Об историческом значении римского права в области наук юридических. – М.: МУ, 1838. – С. 65.

² Например: Павлов А.А. История римского частного права как элективный курс / Юридическое образование и юридическая наука: История, современное состояние и перспективы развития.: Межвузовский сборник научных трудов.–Иваново:ИГУ,2005. – С. 19-28.

³ Салогубова Е.В. Римский гражданский процесс. – М.: Городец-издат, 2002. – С. 36.

вопросах частной собственности, возникновения и исполнения обязательств, учения о договоре и классификации контрактов, наследования имущества по завещанию и по закону, правовых отношений в семье. По мнению этого правоведа, «римские юристы не шли дальше торговой и семейной области; в этой сфере они чувствовали себя прочно и ввысь не стремились».¹ Но скажем честно, разве сегодняшних россиян не волнуют те же проблемы, что были насущными для римских граждан? Изучение источников римского права показывает нам эволюцию воззрений знатоков права на систему общественных отношений в связи с ее изменением. Когда римский юрист Ульпиан дал определение частного права как относящегося к пользе отдельных лиц, он точно выразил его содержание. В то же самое время источники римского права дают нам последовательное представление о том, что граждане Рима имели право на защиту своих интересов путем получения соответствующих исков. И сегодня частноправовые отношения составляют значительную сторону нашей жизни.

Вместе с тем, представляется не совсем логичным, когда специалисты в области римского права в своих работах не уделяют должного внимания публичному праву. Между тем, следует отметить, что римское уголовное и финансовое право, римский уголовный процесс и судопроизводство оказали влияние на становление и развитие европейских правовых систем. Например, римский гражданин, участвующий в предвыборной кампании в свою пользу с подкупом избирателей и влиятельных лиц, явно обходил смысл закона. Разве подобное положение не актуально для нашего времени? Однако в области публичного права источников (текстов или цитат юристов, например), как отмечает профессор Е.А. Скрипилев, заметно меньше, нежели в области частного права.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что изучению источников римского права в российских юридических вузах должно уделяться достаточное внимание, поскольку подробное и тщательно освоение этих источников необходимо будущим юристам для хорошего понимания современного гражданского, семейного, наследственного, торгового права.

¹ Шершеневич Г.Ф. История философии права. – СПб: Лань, 2001. – С. 119.

А.А. Кузнецов
Нижегородский государственный
университет им. Н.И.Лобачевского

Городец от основания до 1238 года

К конференциям, которые проходили в Городце в сентябре и в декабре 2007 г., мною были подготовлены материалы, связанные между собой сквозной темой: раннее прошлое двух древнейших городов Нижегородской области – Городца и Нижнего Новгорода

Готовясь к конференциям по этим темам, я понимал, какую рискованную задачу пытаюсь решить. Во-первых, трудно внести новое по данной теме после исчерпывающих исследований А.Н. Насонова, В.А. Кучкина, Б.М. Пудалова. Во-вторых, тяжело быть скептиком в тех областях, где укрепилось неисточниковое общественное знание о прошлом. Первую трудность можно преодолеть тем, что в истории всегда надо возвращаться к исследованным темам, новый взгляд, новые идеи могут уточнить и пояснить решение отдельных проблем. Избегая конфронтации с общественным сознанием, надо указать на его собственную противоречивость.

Древнерусский Городец, как заметила специалист в археологии Городца Т.В. Гусева, обрамлен двумя фигурами, соответственно и датами – Юрий Долгорукий (1152 г.) и Александр Невский (1263 г.). Они сливаются так, как слились эпохи в поэтической автобиографии А.С. Пушкина: «Мой предок Рача мышцей бранной святому Невскому служил». Как показал С.Б. Веселовский, легендарный предок династии Пушкиных Ратша (Рача) должен был появиться в Новгороде в середине XII в., а с Александром Невским на Неве со шведами храбро бился правнук Ратши – Гаврила Олексич. Отмечая эту аналогию, надо остановиться на том, что Ратша появился в Новгороде в середине XII в., то есть в то время, когда, по мнению современных городчан, Юрий Долгорукий заложил их город.

Здесь надо вслед за В.А. Кучкиным, Б.М. Пудаловым, Ю.Г. Галаем и Т.В. Гусевой указать на истоки этого предубеждения в нижегородской краеведческой традиции XIX в., укрепившиеся затем в 1952 г. в силу капризов политической моды¹. Несмотря на то, что городецкая общественность в начале XX в. считала датой основания Городца 1163/1164 г.², сейчас ее наследников трудно переубедить в том, что дата 1152 г. надумана. Между тем, исследователи рассмотрели истоки удревнения Городца в нижегородской краеведческой традиции, тогда как есть явные и очевидные параллели этого сюжета в других городах России.

Речь идет о нынешнем Касимове (Городце Мещерском, Городце Окском). Подобно Городцу на Волге, поборники старины Касимова тоже в XIX в. стали доказывать, что их город появился в 1152 г., подверстывая летописные указания о Городце вплоть до смерти Александра Невского (не считая упоминания смерти Михалки и разорения Городца в 1238 г.) под раннюю историю Касимова³.

¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. - М., -1984. С. 91–92; Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). - Нижний Новгород, 2003. - С. 17–20.

² Пудалов Б.М. Начальный период истории... - С. 19.

³ См., например, недавнее справочное издание, где говорится, что Касимов основан в 1152 г., что в 1263 г. в Касимове, тогда называвшемся Городцом-Мещерским, умер Александр Невский: Касимов // Города России: энциклопедия. - М., 1994. - С. 182 (в этой же статье указана библиография, в том числе и XIX в.). В этом же сборнике о Городце на Волге говорится, что он основан во второй половине XII в. – в 1152 г. или в 1172 г.: Городец // Города России: энциклопедия. - М., 1994. - С. 108. Примечательно совпадение начальной даты у двух Городцов. У нее нет источникового обоснования. Городец-Мещерский (будущий Касимов) впервые назван в источниках в XIV в.

Действительно, если посмотреть на упоминания Городца в летописях в 1171/1172 г.¹, в связи с битвой на Липице и ее последствиями, переговоров с булгарами в 1220 г., то ничего в этих сведениях не противоречит тому, чтобы дилетант мог идентифицировать город с будущим Касимовым. Подобно общественному восприятию историю Городца на Волге, общественность Касимова и Рязани возводит историю своего Городца-Мещерского к 1152 г. и лишает прошлого Городец на Волге. Укрепляет эту позицию и стремление татарской общины РФ сделать Касимов древним тюркским городом, чтобы обосновать свое изначалие на тех землях, откуда их, якобы, потеснила Древнерусская государственность (ради этого некорректно подкрашивают тюркской (мишарской) окраской финно-угорский субстрат Городца-Мещерского). При этом забывается, что тюркское население и название *Касимов* были обретены Городцом Мещерским лишь в XV в. по воле московского князя. Такое стремление уже обрело характер политической экспансии на основе потребительского отношения к истории: удревнение Казани – «тюркизация» и «исламизация» устья Оки до 1221 г.² – «тюркизация» и «исламизация» Москвы и Подмоскovie до 1147 г. Понятно, что такой накат и закономерная «обратная волна» в общественном сознании не пройдут даром в деле установления гражданского мира. Поэтому на историках, представителях гуманитарного знания вообще, лежит задача прямо и честно говорить о результатах добросовестного научного поиска.

Проблема требует решения, если представить, что «истории» Городца на Волге и Касимова выйдут из своих локальных ниш и столкнутся на общероссийском уровне, политики которого сейчас используют в своей деятельности исторический аргумент. В спорах двух мифов общественного сознания трудно будет предугадать победителя. Тем более, нижегородцам обидно будет, если триумф достанется неправой с исторической точки зрения стороне.

Оставляя спор Городцов на Волге и Оке, надо поставить историографическую проблему: откуда на общероссийском уровне взялась дата основания Городца – 1152? Из нижегородской краеведческой среды ее не вывести. Ее источник – «История Российская» В.Н. Татищева. Он указал в примечаниях к основному тексту, что Юрий Долгорукий, вытесненный из Южной Руси, в 1152 г. ознаменовал свое появление в Залесской земле закладкой ряда городов³, в числе которых был и Городец⁴. С опорой на источники сузил «список Татищева» в начале XX в. (когда городчане считали датой основания города 1164 г.) А.Е. Пресняков, исключив из него среди прочих городов и Городец⁵. Вывод А.Е. Преснякова, с которым согласился В.А. Кучкин, можно подтвердить текстологически. Исследователи, говоря о «списке Татищева», ссылались на вторую редакцию «Истории Российской», но подобный список имеется и в первой редакции. В нем Татищев написал, что города, основанные Юрием Долгоруким, могли называться именами городов Южной Руси⁶. В обеих редакциях Татищев процитировал некую «Новгородскую летопись», которую из имеющихся сейчас в распоряжении источников, идентифицировать не удастся. Даже при условии того, что Татищев использовал утерянный ныне источник, это не отменяет того, что историк вывел названий для ряда городов Северо-Восточной Руси, отталкиваясь от южнорусских городов.

А вот во второй редакции Татищев так построил фразу в Примечании 458, что ее можно понять следующим образом: южнорусские названия свидетельствуют о

¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. I. - М., 1997. Стб. 364; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. - М., 1998. Стб. 564–565.

² См.: *Арсюхин Е.В.* Полумесяц над Волгой: историко-публицистический очерк. Нижний Новгород, 2005; *Хайретдинов Д.* Кто основал Нижний? или Да здравствуют идеологи! // Медина аль-Ислам. 2005. № 3 (6). Март-апрель.

³ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. - М. – Л., 1964. - С. 44.

⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. Прим. 458. - С. 241.

⁵ *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. - М., 1998. - С. 37–38. На это достижение А.Е. Преснякова указал: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории... - С. 85.

⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. - М.–Л., 1964. Прим. 325. - С. 442.

закладке Городца Юрием Долгоруким. Опять-таки нет точных указаний на то, о каком Городце писал Татищев. Поэтому исследователи «городецких древностей» равным образом использовали эту дату 1152 г. для начала истории Городца на Волге и Касимова. Итак, В.Н. Татищева можно считать причастным к неправомерному удревнению Городца, что в XX в. стало стереотипом общественного сознания. Между тем, те города, которые Юрий Долгорукий, действительно, заложил в 1152–1154 гг.: Кснятин, Юрьев, Дмитров, Москва и Переяславль¹ – свидетельствуют, что князь укреплял центр княжества и западную его часть. Для того, чтобы перебросить политическое влияние княжества на правый берег Волги, понадобились политический кругозор и воля Андрея Боголюбского.

Эти два аргумента – текстологический и историко-географический – достаточны для того, чтобы не принимать 1152 г. как год основания Городца и вернуться к прежней датировке – периодом 1164–1171 гг. В этом случае отпадает необходимость еще в одном аргументе – интерпретации уникального сведения Типографской летописи о набеге волжских булгар на Ярославль в 1152 г.² Считается: поскольку булгары по Волге прошли к Ярославлю, то Городца в 1152 г. не было³. А.Ф. Медведев полагал, наоборот, что Юрий Долгорукий именно после этого набега заложил Городец, чтобы закрыть верхнюю Волгу от непрошенных гостей⁴. В недавней работе мы представили ряд аргументов, чтобы доказать: оригинальное сведение Типографской летописи под 6660 годом о набеге булгар на Ярославль есть сознательно искаженное известие Новгородской первой летописи о попытке Юрия Владимировича присвоить новгородские дани⁵.

Уже после 1952 г. в советской историографии вновь стала укрепляться дата основания Городца – 1152 г. Н.Н. Воронин считал, что существование археологических следов существования Городца в XII в. свидетельствует о его закладке Юрием Долгоруким⁶. Понятно, что так не могло быть. А.Ф. Медведев использовал для обоснования даты основания Городца Супрасльскую летопись, где путано сообщается о том, что некий Борис Михалкович укрепил Кидекшу «тои же Городец на Волъзе»⁷. А.Ф. Медведев считал, что насыпание валов в Кидекше должно было совпасть с постройкой храма в Кидекше в 1152 г. Отсюда бездоказательно Медведев посчитал, что тогда же и был возведен Городец⁸. Не вдаваясь в детали, надо отметить, поздний характер этого сообщения Супрасльской летописи, неясность в отношении Бориса Михалковича не позволяет принять его как достоверное.

В.А. Кучкин указал, что если следовать Супрасльской летописи, то Городец должен был основать не Юрий Долгорукий, а его внук Борис. Учитывая то, что Михалка Юрьевич к 1152 г. был не столь зрел, чтобы обзавестись сыном, надо говорить о том, что Борис Михалкович, если и был, то мог ссыпать «Кидекшу, тои же Городец», значительно позднее. Также В.А. Кучкин показал, что вывод даты основания Городца – 1152 г. – насильственно привязан к сведению Супрасльской летописи⁹.

¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... - С. 85.

² Типографская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXIV. - М., 2000. - С. 77.

³ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. - М., 1951. - С. 191; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... - С. 90; Пудалов Б.М. Начальный период истории... - С. 14–16.

⁴ Медведев А.Ф. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге // Культура Древней Руси. - М., 1966. - С. 158.

⁵ Кузнецов А.А. О достоверности сведения о набеге булгар на Ярославль в 1152 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Выпуск 2(6) - Нижний Новгород, 2006. - С. 94–104.

⁶ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. - М., 1961. - С. 55–56.

⁷ Никифоровская летопись; Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. XXXV. - М., 1980. - С. 19, 36.

⁸ Медведев А.Ф. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге... - С. 158–159.

⁹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... - С. 92.

Последнюю попытку свести начало истории Городца к 1152 г. предпринял Н.Ф. Филатов. В многочисленных сочинениях он представил аргументы «от Татищева», не ссылаясь напрямую на него, и от своеобразной интерпретации Супрасльской летописи. Понятно, что эклектическое соединение давно отвергнутых доводов не могло придать им силу научного доказательства и лило воду на мельницу местного городецкого самосознания.

Надо отметить то, что для исторической науки проблемы даты основания Городца нет. Историографическая проблема источника неверной даты – 1152 г. – решена. Поэтому остается сделать еще один шаг, самый трудный: корректно и деликатно внушить это знание обществу. В этой работе, упирая на то, что омоложение истории Городца на 12–19 лет не отнимет у него мужественную славу одного из древнейших городов Северо-Восточной Руси, древнего города Нижегородской области.

Первые сорок лет XIII в. Городец упоминается в летописях исключительно в связи с Георгием Всеволодовичем. Старший современник и дядя Александра Невского, заложивший Нижний Новгород в год его рождения¹, Георгий Всеволодович восстановил и приумножил основы политической будущности Городца. То есть, князь возобновил прерванное развитие заволжского края, которое начал уже его дядя Андрей Боголюбский².

Георгий Всеволодович пребывал в Городецкой ссылке в 1216–1217 гг., после поражения в битве на Липице. До этого времени Городец несколько раз назван в летописях. Первое упоминание – 1171/1172 гг. – позволяет отнести возникновения города в период 1164–1171 гг., после громкого и победоносного похода на болгар Андрея Боголюбского. Смерть этого князя в 1174 г. не дала осуществиться его политическим замыслам. Городец остался городом без имени. Следующее его упоминание связано со смертью Михалки Юрьевича. В данном случае не важно, умер ли этот князь там или нет, но он направлялся туда. Утвердившийся в трудных условиях борьбы с племянниками, ростовцами во Владимире князь первым делом направился в Городец.

Затем о Городце историки вспоминают лишь в связи с другими событиями и процессами. В 1178 г. был основан Устюг³, тогда же или чуть позже – Унжа (упомянута впервые в 1219 г.). Важную роль в основании этих городов сыграл Городец, откуда и шел вверх по Волге, а далее на северо-восток поток переселенцев⁴. В 1183 г. состоялся масштабный общерусский поход на Волжскую Булгарию⁵. В.Н. Татищев ввел в текст «Истории Российской» произвольное указание на то, что местом сбора рати был Городец⁶. Как В.Н. Татищев пришел к такому умозаключению? В походе 1183 г. принимал участие белозерский полк: ему удобнее было спускаться от Ярославля к Городцу и к устью Оки⁷. Видимо, так же считал и В.Н. Татищев. В 1185 г. Всеволод Юрьевич посылал рать на болгар во главе с воеводами. Пунктом отправления на болгар, вероятно, был Городец, поскольку сказано, что воеводы возглавляли городчан⁸.

Учитывая эти случаи возможной роли Городца в событиях и процессах второй половины XII в., можно сказать, что он был использован Всеволодом Большое Гнездо как военная база и как перевалочный путь для направления колонизации на северо-восток. С 1190-х гг. Всеволод Юрьевич все более втягивался в борьбу за общерусское доминирование. Внимание к восточным окраинам княжества и продвижению на восток

¹ Кучкин В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. - С. 20.

² Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов... - С. 74–76.

³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... - С. 93 (со ссылкой на Вычегодско-Вымскую (Мисаило-Евтихьевскую) летопись).

⁴ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... - С. 95.

⁵ Лаврентьевская летопись. Стб. 390.

⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. - М.–Л., 1964. - С. 129–130.

⁷ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... - С. 94–95.

⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 400.

ушло на второй план. Однако в это время происходит интенсивное развитие округи Городца. Русские поселенцы, начавшие осваивать окрестности Городца, быстро заполнили пустующую в демографическом и этническом отношениях территорию. К концу XII в. славяно-русское расселение распространилось до бассейнов рек Санды, Узолы, Линды, Ватомы. Эти поселения в административном отношении подчинялись Городцу. Несмотря на развитие ремесла в сельских поселениях, Городец как ремесленный центр удовлетворял их потребности¹.

Основание и развитие Городца на левом берегу Волги замкнуло в кольцо ту территорию, которую мы сейчас называем правобережной частью Нижегородской области. Путь от Владимира на Городец до 1220 г. шел через устье Нерли Клязьминской к Боголюбово, затем к – селу (урочищу) Омут (Омуцкое) у Суздаля и поворачивал на север и далее на восток (севернее Палеха). Уже оттуда через Волгу дорога выходила к Городцу². Такой маршрут показывает, что короткого восточного выхода от Владимира на Волгу у Городца по территории будущей Нижегородчины до 1221 г. не было. На севере этот путь шел по границе Владимирского княжества, на юге земли к востоку от Гороховца поджимались рязанскими и муромскими князьями. На этих землях проживали мордовские племена. Можно сказать, что закладка и развитие Городца делали неизбежным решение вопроса о проникновении в этот анклав.

Решил эту задачу Георгий Всеволодович. После своего кратковременного княжения и поражения на Липице он попал в Городец в 1216 г. Так, Городец впервые упомянут после долгого молчания о нем в летописях³. Упоминание городчан в битве на Липице в летописях XV–XVI вв. надо признать поздней придуманной вставкой, нацеленной на увеличение войска Георгия и Ярослава Всеволодовичей. Надо было показать их численное превосходство над победителями, чтобы подчеркнуть неправоту первых⁴. Почему же новгородские книжники вставили именно городчан? Источником такой вставки стало указание более ранних летописей на то, что Георгий был сослан в Городец. Кстати, именно это сообщение – не очень твердая основа гипотезы, что Георгий получил от отца, кроме владимирского стола, власть над Городцом.

Георгий Всеволодович прибыл в 1216 г., вопреки отдельным авторам, не в глухой угол, где одиноко возвышался Городец, а – в край, где было все, что составляло атрибутику княжеской власти: город, сельская округа, подчиняющаяся ему. Но годичное пребывание Георгия Всеволодовича в Городце все же было ссылкой. «Городецкий остров», отрезанный от развитого центра Владимирского княжества, исключал возможность Георгия Всеволодовича играть какую-либо политическую роль. Видимо, продолжительное знакомство с Заволжьем, особенностями его политико-географического положения привело князя к мысли о наведении «мостов» между Городцом и Владимирским княжеством. Воплощать этот замысел Георгий Всеволодович стал вскоре после вторичного вокняжения во Владимире в 1218 г. В 1219 г. болгары разорили Устюг и были отбиты от Унжи⁵. Этот рейд подтолкнул владимирского князя к организации похода на Булгарию. Летом 1220 г. Святослав Всеволодович вывел огромную рать в поход⁶.

¹ Антонов Д.А. Основные этапы освоения Нижегородского Заволжья во второй половине XII – конце XVI вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. - Нижний Новгород, 2005. - С. 28–29.

² Кучкин В.А. Формирование государственной территории... - С. 204.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. - М., 2000. - С. 56, 257.

⁴ Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века. Особенности преломления источников в историографии. - Нижний Новгород, 2006. - С. 248–249.

⁵ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. - М., 2004. - С. 67; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. - М. – Л., 1949. - С. 115.

⁶ Лаврентьевская летопись. Стб. 444–445.

После успеха Георгий Всеволодович начал зимой 1220 г. готовить следующий поход на болгар. Они после продолжительных уговоров вынудили его отказаться от похода и заключить с ними мир. Примечательно, что новый поход должен был начаться в Городце: туда был отправлен племянник Георгия Всеволодовича – Василько Константинович, позже там князь Георгий решил заключить мир с булгарами¹. Весной–летом 1221 г. был основан Нижний Новгород. Присоединяясь к точке зрения А.Н. Насонова, Н.Д. Русинова, надо отметить, что обе части названия города на устье Оки указывают на связь с Городцом: по отношению к нему город, основанный Георгием Всеволодовичем был новым и нижним по Волге. Казалось бы, центр военно-политической деятельности должен полностью перейти в регион, расположенный с запада на восток между новым градом и Гороховцом. Начались войны с мордвой. Но в эту борьбу вмешались и болгары, чьи земли находились далеко на юго-востоке. В период 1223/1224 – 1229/1230 гг. шла полномасштабная война с Булгарией², которая скудно отразилась в источниках. О ней свидетельствует лишь заключение мира в 1229/1230 г.³ и можно к ней присоединить упоминание болгарского князя, воевавшего с Пурешей, сателлитом владимирского князя⁴, и поход в 1224 г. брата владимирского князя – Владимира Всеволодовича и их племянника Всеволода Константиновича, о цели которого не упоминается⁵.

Вероятно, в связи с этой войной возросла военная роль Городца. Тогда-то и началось вторичное укрепление города, возведение новых валов. Война с булгарами, стычки с мордвой давали необходимые рабочие руки. Окончание боевых действий, стабилизация обстановки в регионе замедлили это строительство.

В трудах археологов укрепление Городца в первой трети XIII в. связывается с обеспокоенностью владимирского князя Георгия из-за появления в Восточной Европе монголов. А.Ф. Медведев объяснил это тем, что князь Георгий так готовился к отражению монголов после 1229 г. Главный аргумент – незавершенность строительства укреплений⁶. А.Ф. Медведев мыслил категориями, близкими к современности. Сооружение местным населением огромных рва и вала требовало времени. Допуская, строительство чужими (булгарскими) руками, надо объяснить, откуда и как доставлялось питание. Представляется, что связь между появлением монголов в Восточной Европе и укреплением Городца надумана. В Северо-Восточной Руси кочевники появлялись крайне редко. Поэтому вплоть до 1237 г. князь мог пребывать в спокойствии. Косвенно об этом свидетельствует и то, что он не укреплял регион устья Оки, довольствуясь там наличием Нижнего Новгорода. Южнорусские князья также не заботились укреплением своих границ.

Городцу в лихую годину нашествия Батыя было суждено в очередной раз разделить судьбу Георгия Всеволодовича. Город был разорен монголами в 1238 г.⁷, когда в борьбе с врагами погиб князь. В течение следующих 15 лет Городец за счет сельской округи оправился от удара, но мало смог продвинуться в своем развитии. Можно без преувеличения сказать, что Городец, каким его видел Александр Невский, был таким, каким его оставил владимирский князь Георгий Всеволодович.

Благодаря Георгию Всеволодовичу, строительству им Нижнего Новгорода Городец оказался теснее, нежели раньше, связан с Владимирским княжеством. Это дало импульс для его развития, развития округи и, прежде всего, Волги от Кирилловых гор до устья Оки.

¹ Московский летописный свод конца XV в. - С. 117.

² Пудалов Б.М. Начальный период истории. - С. 193–194.

³ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. - СПб., 1913. - С. 54.

⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 451.

⁵ Лаврентьевская летопись. Стб. 447.

⁶ Медведев А.Ф. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге// Культура Древней Руси. - М., 1966. - С. 166–167.

⁷ Лаврентьевская летопись. Стб. 464.

А.И. Горькавый,
аспирант кафедры новой и новейшей истории
Владимирского государственного
педагогического университета

Александр Невский как политический деятель

Политическая деятельность Александра Невского может послужить раскрытию проблемы роли личности в истории. Вопрос заключается в том, может ли от действий, воли одного человека зависеть ход исторического процесса? Эту проблему предполагается раскрыть на примере великого князя Александра Ярославича, получившего прозвище Невский. Этот выдающийся герой нашего отечества наиболее известен из истории как храбрый, мужественный полководец. Гораздо меньше внимания уделяется освещению других не менее значимых сторон его деятельности. Изучение деятельности Александра Невского осуществлялось нами на основе изучения летописных материалов, норвежской королевской саги, а также обширного круга исторической литературы, касающейся его деяний.

Однако мы не можем рассматривать личность князя в отрыве от того исторического контекста, в который она была вписана, так как каждый человек всегда локализуется в определённом месте в определённое время. Поэтому некоторое внимание следует уделить описанию внешне- и внутривнутриполитической обстановки в Древней Руси в XIII веке. Как известно, Русь находилась в непростой ситуации в тот период. Изнутри государство раздирали непрекращающиеся междоусобицы, основанные на стремлениях отдельных князей в большей или меньшей степени приблизиться к великокняжескому столу или закрепить в своих уделах и расширить свои владения. Брат шёл на брата, сын на отца. Сложную ситуацию внутри Руси усугубила внешняя угроза. С востока на Русь обрушились полчища монголов. Разрушительным смертоносным ураганом они прошли по нашей земле. Русские князья в силу своей политической близорукости и стремления достичь узко индивидуальных целей даже не смогли воспользоваться шансом, который им милостиво предоставила история – после битвы на Калке у них было почти 15 лет, которые можно было с пользой потратить на взаимное примирение и объединение усилий для борьбы с внешними врагами. Не было покоя и на западных рубежах Руси. Скандинавские монархии, немецкие католические рыцарские ордена, Литва, пользуясь бедственным положением русского государства, стремились отхватить лакомый кусок в виде северных и северо-западных русских земель.

Необходима была такая политическая фигура, которая оказалась бы способной найти наиболее приемлемую внешнеполитическую линию, следуя которой удалось бы сохранить государственность, территориальную целостность Руси. Князь Александр Ярославич и оказался тем человеком, у которого оказалось достаточно мужества, храбрости, умения государственного управления, дипломатического мастерства, чтобы заложить крепкую основу по реализации этих задач.

В первую очередь хотелось бы рассмотреть основные моменты внешнеполитической деятельности князя. Именно от неё, а не от внутренней политики на тот момент зависело само существование молодого государства. Постольку поскольку опасность исходила как с Востока, так и с Запада, то во внешней политике князя Александра можно выделить 2 основных вектора: восточный (построение отношений с монголами) и западный (построение отношений с католической Европой)

На наш взгляд, приоритетным всё же оставалось ориентальное (восточное) направление. Это объясняется тем, что хотя после нашествия Батыя Русь и сохранила официально самостоятельность, на деле же русским князьям приходилось выезжать к великому хану и, задабривая того подарками, испрашивать княжеские ярлыки. Кроме того, Русь попала теперь в систему даннических отношений с монгольским государством. Поэтому княжеская власть была в определённом смысле номинальной, так как на тот момент могла не зависеть от личных качеств самого князя, а лишь от

ханского волеизъявления, расположения духа и размера преподнесённых даров самому хану, членам его семьи и приближённым.

Несомненно, талантливый полководец, Александр Ярославич в отношениях с Ордой зарекомендовал себя и искусным дипломатом. Восточную политику князя отражает формула «мир Востоку».¹ Однако мир этот был вынужденным. Первая поездка его в Орду была связана с трагическим событием – скоропостижной смертью отца, князя Ярослава и, следовательно, необходимостью отправляться в Орду, чтобы продемонстрировать повиновение хану. Проявлять непокорность было опасно: Батый мог подвергнуть уже разорённую Русь ещё большему опустошению. Однако поездка князя оказалась успешной, грозный завоеватель высоко отозвался об Александре.²

Однако если первая поездка князя в Орду была связана лишь с необходимостью добиться подтверждения ханом преемственности власти между отцом и сыном, и прямой угрозы Руси не существовало, то целью второго выезда было спасение русского государства и народа. Брат Александра Андрей попытался избавиться от присутствия монголов в Северо-Восточной Руси. Однако, не имея достаточно сил, вынужден был бежать. Гнев хана обещал быть ужасным, но умелые переговоры Александра Ярославича с правителем Орды Сартаком предупредили организацию карательной экспедиции.³

После смерти Сартака и прихода нового хана Берке Невский был вынужден опять отправляться в Орду, чтобы продемонстрировать покорность новому владыке. Его путешествие оказалось непростым. Возвращаясь на родину, князь по велению хана взял на себя тяжёлую миссию – склонить вольнолюбивых новгородцев к уплате дани хану.⁴

Наконец, последнее путешествие Александр Ярославич совершил в 1262 г. Выехав к хану, он опять встал на защиту русской земли. В то время в Северо-Восточной Руси вспыхнуло восстание, охватившее Владимир, Суздаль, Ростов. Причиной всенародного недовольства стали бесчинства, творимые сборщиками дани – баскаками. Собрав богатые дары, князь поехал добиваться ханской милости и в очередной раз спас тысячи жизней.⁵

Таким образом, мы видим, что князь Александр Невский, по меньшей мере, четырёхкратно ездил в Орду к хану. Целью этих поездок было не выспрашивание ханских ярлыков, не желание получить военную помощь против своих собратьев, других русских князей, как это неоднократно практиковал его сын Андрей Городецкий. Об этом свидетельствует и тот факт, что, будучи в Орде, князь почти ни разу не согласился пройти обряд очищения по монгольскому обычаю, подчеркнув свою независимость от хана. Им двигало лишь стремление оградить Русь и её народ от внешнего врага. Безусловно, он желал освобождения Руси из под монгольской пяты. Однако наши княжества даже при объединении усилий не смогли бы найти достаточно сил для организации повсеместного отпора захватчикам. Не поддаваясь эмоциям, трезво оценивая обстановку, Александр Невский осознавал, что мученичество, смерть на поле брани не только не ускорит освобождения, но, наоборот, приведёт к трагической развязке – уничтожению русского государства.

Совершенно иную политическую линию князь Александр Ярославич выбрал по отношению к Западу. Причина этого заключается в том, что европейские феодалы ставили перед собой совершенно иные цели относительно русских земель, русского народа, нежели монгольские завоеватели. Разгромив в первой половине XIII века Русь, монголы не желали её полного уничтожения. Если бы они поставили задачу стереть русское государство с лица земли, то сделали бы это. Монголам наоборот было крайне выгодно сохранить Русь. Во-первых, она была важным источником дани и

¹ Бегунов Ю. К. Александр Невский: жизнь и деятельность святого и благоверного князя. - М., 2003. – С. 11.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т.4. - Калуга, 1993. – С. 438.

³ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. - М., 1997. – С. 472.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т.4. - Калуга, 1993. – С. 442.

⁵ Софронов Н. Это интересно знать. - Ярославль, 1976. – С. 53.

интеллектуальных ресурсов, то есть пленённых русских ремесленников и мастеров. Во-вторых, Русь была своеобразным буфером, отделявшим Великую Степь от враждебной Европы. В случае организации европейскими феодалами крестового похода против монголов, уже оставивших свой след во многих странах Центральной и Южной Европы, им пришлось бы вначале столкнуться с Русью.

Запад же в лице римского папы, рыцарских католических орденов и европейских монархий вынашивал иные планы. Во-первых, их пугало наличие на востоке сильного соперника, к тому же находящегося в рамках православно-христианской религиозной традиции. Рим уже давно вынашивал планы окатоличивания не только балтийских и финских племён (емь, сумь), которые были данниками Великого Новгорода, но и собственно коренной Руси. Во-вторых, сами духовно-рыцарские ордена стремились осуществить территориальные приращения. Захватив прибалтийские земли, подчинив местное население, рыцари подошли вплотную к границам русских земель. Дальнейшему продвижению их на восток препятствовали прежде всего новгородские земли.

Таким образом, если монголы не посягали на саму государственность и на православное вероисповедание, то Запад наоборот стремился подорвать государственные и религиозные устои страны и вовлечь ее в орбиту католического мира.

И когда в 1240 г. шведские рыцари высадились на берегу Невы, князь Александр понял, что речь идёт не только о судьбе Новгорода, не только о судьбе северо-западных районов, но о судьбе всей Руси, о сохранении её стратегических позиций в регионе. Поэтому, не дожидаясь подкрепления от отца из Владимира, и даже не собрав полностью новгородское ополчение, он смело выступил против врага. Результат сражения известен. Используя фактор внезапности, войско Александра Ярославича, уступая врагу по численности, неожиданно ударило по лагерю шведов, застав их врасплох. Эта внезапность и определила исход сражения.¹

Однако после битвы на Неве Запад не дал передышки ни себе, ни северной Руси. Теперь в движение была приведена мощь ливонского духовно-рыцарского ордена. В том же 1240 г. немецкие рыцари вторглись в пределы Руси, воспользовавшись предательством посадника Твердилы Иванковича и кучки его приспешников, овладели Псковом. Реальная угроза нависла над последним непорабощённым городом Руси Великим Новгородом. Однако в самом Новгороде князя Александра на тот момент не было. Поссорившись с боярами, он покинул город. Боярские группировки, между которыми шла ожесточённая борьба за власть, понимали, что в условиях взаимного недоверия и раздоров Новгород им не отстоять. Нужен был человек со стороны, имеющий авторитет и в среде боярства и у простого народа. Поэтому бояре вновь обратились за помощью к Невскому. Не помня обиды, князь вновь выступил на защиту русской земли. Отпор крестоносцам был успешным. Вначале Александру удалось отвоевать захваченные рыцарями русские города (Псков, Копорье). Все изменники были жестоко наказаны. Затем князь со своим войском, набранным в городах Владимиро-Суздальской Руси, в Великом Новгороде и Пскове, выступил на встречу рыцарям. 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера состоялось знаменитое Ледовое побоище. Александр Невский подтвердил здесь своё мастерство талантливого военачальника, так организовав боевое построение русских войск, при котором была практически сведена на нет боевая мощь так называемой тевтонской «свины». Умело направив главный удар по флангам противника, русские смяли строй немцев. Не выдержав мощных боковых атак, рыцари бежали.²

Значение Невской битвы и Ледового побоища трудно переоценить. Благодаря военному гению князя Александра Ярославича и мужеству русского народа Русь сумела отстоять независимость своих северо-западных земель. Была временно приостановлена немецкая и скандинавская экспансия на восток. Кроме того, победа

¹ Лаврентьевская летопись. // Полное собрание русских летописей. - М., 1997. – С. 479-480.

² Лаврентьевская летопись (по академическому списку).// Полное собрание русских летописей. - М., 1997. – С. 523.

православной Руси над католическим Западом стала важнейшим психологическим и идеологическим достижением русского народа. Она в определённой степени охладила религиозный пыл отцов римско-католической церкви в части вовлечения русских земель в орбиту папского Рима.

Однако даже после таких сокрушительных поражений европейские феодалы не оставили попыток покорения северо-западных русских земель. Уже в 1256 году объединённое войско шведов, эстонских датчан, суми и еми во главе с рыцарем Дитрихом фон Кивелем вторглось в пределы новгородской земли и встало на реке Нарове, начав строить крепость, желая завоевать Водскую, Ижорскую, а по возможности и карельскую земли. Александр в очередной раз по просьбе новгородцев собрал войско и приехал в Новгород вместе с митрополитом Кириллом. Идеологическая поддержка Русской Православной Церкви на тот момент была очень мощным фактором влияния на политику. Присоединив к своему войску новгородское ополчение, князь двинулся на Нарову. Узнав об этом, рыцари решили не искушать судьбу, бросили недостроенную крепость и бежали за море.¹

После этого Александр принял решение не ждать возвращения врага и нанести превентивный удар. В результате грандиозного похода по заснеженным просторам Заполярья князь отвоевал у шведов Тавастланд, землю тавастов (еми), которая была захвачена шведами в 1249-1250 гг. Русское войско потеряло лишь несколько человек. Это была ещё одна большая победа великого полководца над Западом.²

Исходя из вышесказанного, может сложиться мнение, что, проводя западную внешнеполитическую линию, Александр исходил лишь из идеи военного сопротивления Западу, не используя мирных путей построения отношений. Такая позиция представлена в работах Бегунова Ю. К., который характеризует западное направление внешней политики князя Александра фразой «меч Западу».³ На наш взгляд, это не совсем так. Александр Ярославич осознавал всю тяжесть положения русского государства. Он не мог не понимать, что война с Западом крайне невыгодна ослабшей Руси. Конечно, при случае князь старался избегать военного столкновения. Однако сам Запад чаще всего не оставлял Невскому иного выбора кроме отпора захватчикам с оружием в руках. Кроме того, опасность исходила и изнутри: в северо-западных городах были сильны германофильские настроения. Это отнюдь не означает, что князь не стремился устанавливать добрососедские отношения с европейскими правителями. Такие примеры мы находим в источниках. Так, в «Саге о Хаконе Хаконарссоне», записанной исландцем Стурлой Тордарсоном, повествуется о событиях, относящихся к 1251 г. Тогда к конунгу Хакону IV Старому прибыли послы из Гардарики (Руси) от конунга Хольмгарда (Новгорода) Александра. В русско-норвежских отношениях назрела серьёзная проблема. Часто возникали вооружённые стычки между управляющими Хакона в Финнмарке и восточными карелами, которые платили дань Новгороду. Князь Александр хотел решить эту задачу заключением мира. Кроме того, Невский рассчитывал связать северную Русь и Норвегию ещё более тесными союзническими отношениями. Для этого послам был дан наказ посмотреть дочь конунга Кристин и посватать к ней сына князя Александра.⁴ Лишь угроза нового монгольского вторжения и необходимость в очередной раз ехать в орду помешали Александру осуществить задуманное. Однако стремление достичь умиротворения на западных рубежах в планах князя очевидно.

Помимо полководческого и дипломатического талантов Александр за период своего княжения в разных землях проявил себя и как умелый управленец, проводя

¹ Бегунов Ю. К. Александр Невский: жизнь и деятельность святого и благоверного князя. - М., 2003. - С. 138.

² Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. - М., 1997. - С. 474.

³ Бегунов Ю. К. Александр Невский и русская государственность // Материалы научно-практической конференции 1989 и 1994 гг. «Князь Александр Невский». - СПб., 1995. - С. 43.

⁴ Цит. по: Клепинин Н. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. - М., 1994. - С.68; Бегунов Ю. К. Александр Невский: жизнь и деятельность святого и благоверного князя. М., 2003. - С. 120.

деятельную внутреннюю политику. Наибольшие плоды принесло его правление Новгороду и Владимиру. Будучи новгородским князем, Александр вёл активную строительную политику. Что характерно, строились, прежде всего, объекты оборонительного назначения. Так, по его приказу были укреплены берега Шелони, чтобы защитить новгородцев от нападений чуди.¹ Исходя из этого, следует, что безопасность населения Руси была приоритетным направлением внутренней политики Александра Ярославича. На наш взгляд верную оценку деятельности Невского в северной Руси дал известный русский историк Н. М. Карамзин, сказав, что «Новгород остался цел благодаря милости Небесной и счастию своего молодого князя Александра Ярославича, одарённого необыкновенным разумом, мужеством, красотою величественною и крепкими мышцами Самсона».²

Столь же значимым для местного населения было княжение Александра во Владимире. После того, как разгневанный неповиновением русских великий хан послал на северо-восточную Русь карательное войско под началом монгольского военачальника Неврюя, князь немедленно выехал в Орду и уговорил хана остановить карательные действия.³ После этого Невский спешно поехал во Владимир и занялся восстановлением хозяйства, разрушенного после неврьюева нашествия. Сначала в городах и весях были собраны бежавшие от монголов в леса жители. Великий князь, понимая, что у разорённых жителей нет средств на восстановление их домашних хозяйств, выдал ссуды из княжеской казны. Затем он, видя недостаток человеческих ресурсов, пригласил на постоянное место жительства 2000 семей из южной и юго-западной Руси. Проводил он и активную строительную политику: воздвигались дома, храмы, открывались монастыри, восстанавливалась инфраструктура (прокладывались дороги, ремонтировались мосты). Для защиты торговых путей от монголов и разбойников устраивались вдоль дорог заставы. Кроме того князь покровительствовал книго- и иконописанию. В 1252 г. он повелел составить Владимирский летописный свод на основе Ростовской летописи 1239 г. и Владимирской летописи 1247-1249 гг. Позднее эта летопись вошла в состав Ростовского летописного свода 1278 г., который в свою очередь стал основой знаменитой Лаврентьевской летописи 1377 г.⁴

Таким образом, совершенно очевидно, что русские земли в то тяжелейшее время были спасены в преобладающей мере благодаря сильной личности Александра Невского. Он был одним из немногих русских князей, снискавшим уважение среди всех сословных групп: боярства, дружинников, купцов, ремесленников, крестьян. Смерть этого лучшего представителя своего Отечества современники восприняли как общегосударственную трагедию. Митрополит Кирилл, бывший в момент кончины Невского во Владимире произнёс: «Солнце отечества закатилось».⁵

Получил он заслуженное признание и среди недругов Руси. Так, в Лаврентьевской и Новгородской летописях приводится высказывание магистра Ливонского ордена Андрея Вельвена: «Прошед много стран и видех цари и князи и нигдеже такового красотою и мужеством и мудростию не обретох ни во Царех Царя, ни в Князех Князя, якоже Великий князь Александр Ярославич Новоградский».⁶ Главный же враг русского народа того времени, хан Батый, после беседы с князем, поражённый его разумной речью и мужественным видом, лестно отзывался о нём, сказав, что князь есть человек необыкновенный.⁷

Остаётся без сомнения тот факт, что заслуги князя перед российским государством признаются всеми последующими поколениями россиян. Так Пётр I в период своего правления повелел перевезти останки князя в Санкт-Петербург. Этим российский самодержец хотел показать себя преемником дела, начатого святым

¹ Жизнь святого благоверного великого князя Александра Невского. - СПб., 1853. – С. 27.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т.4. - Калуга, 1993. – С. 447.

³ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. - М., 1997. – С. 472.

⁴ Бегунов Ю. К. Александр Невский: жизнь и деятельность святого и благоверного князя. - М., 2003. – С. 130.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т.4. - Калуга, 1993. – С.448.

⁶ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. - М., 1997. – С. 477.

⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т.4. - Калуга, 1993. – С.438.

князем.¹ Активно использовала образ князя и Русская Православная Церковь. После канонизации Александр Невский стал одним из наиболее почитаемых русских святых. Об этом красноречиво говорят тексты, используемые в православном богослужении: «Радуйся, велехвального краля победивый пособию Божиим. Радуйся, свободивый град Псков от неверных!»; «еретическое нечестие попрали есть, своё же отечество добре управив и соблюде, храмы разорённые воздвигнув, пения исполни и распуженные люди собра в дома своя».²

Не остался в забвении князь Александр и в советское время. Накануне Великой Отечественной войны, когда над Советским Союзом все более и более сгущались тучи, когда страна оказалась в тяжелейшем положении, сходном по своему трагизму с ситуацией на Руси в XIII веке, в 1938г. на экраны страны вышел знаменитый фильм режиссера С. Эйзенштейна «Александр Невский». В фильме были заняты лучшие киноактёры того времени: Н. Черкасов, Н. Охлопков, А. Абрикосов, В. Массалитинова и др. Его сопровождала блистательная музыка композитора С. Прокофьева. Этот фильм имел важнейшее как политическое, так и психологическое значение для советского народа. В годы войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г. был учреждён орден Александра Невского, которым награждались офицеры, проявившие в боях личную отвагу, мужество, умелое командование.³ Образ князя нашёл отражение в живописи и литературе. Так, в Храме Христа Спасителя ещё в дореволюционный период художником Семирадским были изображены различные этапы жизни и деятельности св. князя Александра.⁴ В своих работах другие художники Солнцев Ф. Г., Корин П. Д. также использовали его образ.⁵

Исходя из всего сказанного, мы можем уверенно говорить о том, что Александр Ярославич Невский действительно оказался спасителем Руси того времени. Он стал, пожалуй, одним из немногих русских князей, кто, отбросив в сторону честолюбие и узко индивидуалистические цели, встал на защиту не отдельного новгородского ли, владимирского ли княжеств, но всей русской земли. Поэтому, оградив от разрушения древнерусское государство, он фактически явился спасителем и той страны, в которой мы с вами живём сейчас. Он стал ярким примером, показавшим, что от таких людей, как Александр Невский действительно зависит ход самого исторического процесса. Именно таких людей А. Дж. Тойнби в своей работе «A Study of History» называл активным меньшинством,⁶ именно Александра Невского выдающийся отечественный историк Л. Н. Гумилёв в работе «Древняя Русь и Великая Степь» назвал «искрой пассионарности».⁷ Это была наивысшая похвала, какую мог дать историк одному из лучших представителей нашей Родины.

¹ Владимирский Рождественский монастырь // Владимирские губернские ведомости, 1869, №№ 24, 26, 31, 32, 34, 39, 40

² Хитров М. Святый благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. - М., 1991. - С.210-211; Житие Александра Невского. - М., 2003. - С. 155.

³ Софронов Н. Это интересно знать. - Ярославль, 1976. - С. 55.

⁴ Хасьянова Л. С. Росписи Г. И. Семирадского в храме Христа Спасителя, посвящённые св. Александру Невскому // Городецкие чтения: материалы научно-практической конференции «Александр Невский и его эпоха». - Городец, 2000. - С. 85-92.

⁵ Аксёнова Г. В. Образ Александра Невского в работах Ф. Г. Солнцева // Городецкие чтения: материалы научно-практической конференции «Александр Невский и его эпоха». - Городец, 2000. - С. 76; Корин П. Д. Александр Невский. Цветные репродукции. - М., 1965.

⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории. - М., 1996. - С.89

⁷ Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. - СПб., 2001. - С. 470.

**«Уже зашло солнце Земли Суздальской...»: к вопросу о взаимоотношениях
 Александра Невского и митрополита Кирилла**

В конце тридцатых — пятидесятих годах XIII в. Русь оказалась на перепутье. Разорение от монгольского нашествия, кризис власти, связанный с гибелью значительной части представителей княжеского дома и спорами за великое княжение после смерти Ярослава Всеволодовича, угроза нападения с Запада — все это делало политическую обстановку более чем нестабильной. Руси предстояло сделать Выбор, Выбор, от которого зависело ее дальнейшее существование, и сделать его выпало на долю Александра Ярославича Невского¹.

Русская Церковь, конечно, не могла остаться в стороне от событий той нелегкой эпохи, и при этом высшие иерархи совсем не обязательно должны были согласиться с курсом, обозначенным Александром. Тем более, что в церковном управлении как раз в тот период так же наблюдался кризис, связанный с отсутствием митрополита: прибывший из Византии незадолго до нашествия монголов Иосиф, скорее всего, бежал, Михаил Черниговский безуспешно пытался возвести на кафедру своего протеже Петра², и только Даниил Галицкий сумел добиться от патриарха хиротонии собственного, русского по происхождению кандидата Кирилла³.

Ясно, что в то время Кирилл полностью был согласен с политикой Даниила, направленной на установление союза с Римом против татар. Однако в Никее он, конечно, должен был получить строгие антикатолические инструкции⁴. Греки еще до захвата своей столицы крестоносцами в 1204 г. относились к латинянам крайне отрицательно⁵, теперь же, когда возвращение древней столицы являлось для них главной задачей, патриарх, конечно, постарался убедить Кирилла в пагубности сотрудничества с католиками, от которых Византия в то время испытывала даже больше бед, чем от турок⁶.

По возвращении на Русь митрополит отправился в Северные земли. Однако едва ли причиной для этого стало несогласие с прозападной ориентацией Даниила⁷. Ведь трудно предположить, что князь послал бы на поставление человека, не готового смириться с его внешнеполитическими взглядами. Тем не менее, определенного недовольства политикой своего патрона в отношении католического Рима у Кирилла не могло не возникнуть.

¹ См. подробно: *Бегунов Ю. К.* Выбор Александра Невского и значение выбора для судеб русской государственности и цивилизации // Святой Александр Невский. Сб. статей к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 г. - Усть-Ижора, 1999.

² *Пауто В. Т.* Киевская летопись 1238 г. // Исторические записки. Т. XVI. - М., 1948. - С. 302.

³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. - М., 1997. Стб. 809.

⁴ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. - М., 1993. - С. 293.

⁵ См. подробнее о взаимоотношениях византийцев и латинян: *Лебедев А. П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV в. От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г. - СПб., 1998. - С. 9-40.

⁶ От крестоносцев большой урон несла, в частности, греческая Церковь (см.: *Соколов И. И.* Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842-1204). Опыт церковно-исторического исследования. - СПб., 2003. - С. 177, 180-181.

⁷ Ср.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. - С. 293; *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI – XIV вв.). - М., 1960. - С. 327.

В то же время митрополит, вероятно, по-прежнему оставался врагом татарской власти¹. Доказательством тому может служить следующий факт. В начале пятидесятих годов XIII в. на Руси складывалась антитатарская княжеская коалиция, ее скрепил сам Кирилл, совершив венчание великого князя Владимирского Андрея Ярославича с дочерью Даниила Галицкого². То есть, упрочение этой коалиции было одной из причин посещения митрополитом Севера. Видимо, желая вовлечь в антимонгольский союз Новгород, русский первоиерарх посетил и этот город, где поставил архиепископа Далмата³.

Здесь-то и произошло знакомство Кирилла с Александром Ярославичем. По-видимому Невский герой расположил к себе митрополита своими антикатолическими воззрениями, возможно, в его присутствии он дал ответ послам папы, чем, конечно, вызвал одобрение митрополита⁴. Описание силы монголов должно было особенно убедительно звучать из уст героя Невской и Ледовой битв, ведь его нельзя было обвинить ни в страхе (свою храбрость он не раз доказал в боях), ни в неосведомленности (Ярославич только что вернулся из путешествия в далекий Каракорум).

Антитатарская коалиция потерпела крах: Неврюева рать 1252 г. поставила крест на мечтах Андрея Ярославича сбросить власть Орды. Александр Невский получил ярлык на великое княжение Владимирское и начал обустройство Руси, при этом теперь он всегда мог рассчитывать на помощь высшей церковной власти. Так началось его *сотрудничество* с митрополитом.

В ту эпоху нельзя было ни на минуту забывать о необходимости обороны рубежей. В 1256 г. шведы совершили очередное вторжение в Новгородские пределы, заложив на Нарове город. С берегов Волхова «на Низ» (во Владимиро-Суздальскую землю) к Александру немедленно был отправлен гонец с просьбой о помощи. Князь сразу же откликнулся, собрал полки и приказал выступать в путь. При этом он обратился к митрополиту, попросив его сопровождать войско. Кирилл не отказался. По дороге к ним присоединились дружины новгородцев.

Услышав о военных приготовлениях Ярославича, шведы предпочли не испытывать судьбу и ретировались. Однако Александр на этот раз задумал нечто большее, чем просто изгнать зарвавшегося врага. У него созрел план дальней экспедиции в земли племени емь, на территорию современной Финляндии. До поры он никому не объявлял об этом. Этого требовала секретность, да и среди русских воинов было немало тех, кто сразу же отказался бы участвовать в столь рискованной акции. Только лишь у Копорья князь сообщил о конечной цели похода⁵. Вот здесь-то особенно важны были митрополичьи увещевания. Наверное, не будет слишком смелым высказать предположение о том, что Кирилл постарался вселить уверенность в ратников, убедить их в необходимости спланированного князем перехода. Сделать это было не так легко: несмотря на все доводы, часть новгородцев все же не решилась последовать за Ярославичем и предпочла вернуться домой. Выполнив свой долг, отправился в Новгород и митрополит.

Александр же с оставшимися воинами совершил дерзкий рейд по подконтрольным шведам землям. «.. и бысть золь путь, акыже не видали ни дни, ни ночи... И приде на землю Емьскую, овых избиша, а других изымаша; и придоша новгородци с князем Олександромъ вси здорови»⁶.

¹ Охотина Н. А. Русская Церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей / Отв. ред. А. И. Клибанов. - М., 1990. - С. 75.

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

³ ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. - М., 2000. - С. 80, 304.

⁴ Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. - Л., 1990. - С. 57.

⁵ ПСРЛ. Т. III. - С. 81, 308-309.

⁶ Там же. - С. 81.

Не давала забыть о себе и тяжкая монгольская зависимость. В 1257 - 1259 гг. на Руси прошла перепись населения для последующего сбора дани. «Татарское царство, разлившееся стихийно во время Чингиз-хана и его сыновей, начало входить в берега»¹. Духовенство при этом налогом не облагалось². В литературе можно встретить утверждение о том, что монголы, осуществляя подобную политику, строили какие-то политические расчеты, надеялись на поддержку православным духовенством своей власти над покоренной Русью³. Однако веротерпимость татар общеизвестна, и освобождение от выплат русского клира — лишь ее частный случай. В тот период политические выгоды не брались завоевателями в расчет, но они неотвратимо вытекали из религиозной толерантности монголов. (А в том, что эти выгоды действительно были, сомнений не возникает. Ведь судя по источникам, конфликты ордынцев с местным населением на религиозной почве хотя и случались, но были все же редкостью⁴.)

Необходимо подчеркнуть, что привилегии не провели никакой жесткой грани между Церковью и остальным обществом. Мы разделяем точку зрения о сохранении прежних отношений между духовенством и князьями, а также народом в целом⁵.

Митрополит, как и остальное духовенство, лишней раз убедился в разумности курса Александра на подчинение ханам. Неудачи Даниила Галицкого только подтверждали правильность такой политики.

В 1261 г. в Сарае была создана православная епархия⁶. Разнообразные причины ее возникновения можно считать установленными⁷. Мы обратим особенное внимание на одну из них. А. Н. Насонов полагал, что Берке-хан хотел использовать клир для связи с Константинополем, почему и разрешил устроить епископию в своей столице⁸. Митрополит, по мнению ученого, для этой цели не годился: хан помнил его прежние антитатарские настроения, по той же причине Кирилл, как считал А. Н. Насонов, ни разу не был в Орде⁹.

Соглашаясь с «византийской» причиной создания епархии, мы считаем неверным тезис о недоверии монголов митрополиту. В Троицкой летописи, возможно, содержалось указание на поставление Кириллом епископа Митрофана в самом Сарае¹⁰. Видимо, татары были уверены в лояльности митрополита, который все же не подходил на роль посредника в отношениях с греками, так как он был загружен своими «русскими» делами и не имел возможности отлучаться часто ни в Сарай, ни в Византию. Не будет, наверное, чрезмерной смелостью с нашей стороны утверждать,

¹ Клепинин Н. А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. - М., 1993. - С. 89.

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 473-475.

³ См. напр.: Сахаров А. М., Зимин А. А., Корецкий В. И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV – XVI вв.) // Русское Православие: веки истории. - М., 1989. - С. 71.

⁴ См.: Белозеров И. В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII – XIV вв. / Автореф. дисс...канд.ист.наук. - М., 2002. - С. 25.

⁵ Беляев И. Д. История русского законодательства. - СПб., 1999. - С. 265.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 476.

⁷ См. подробно историографию вопроса: Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Русская Церковь и ордынские власти (вторая половина XIII - первая четверть XIV в.) // Тюркологический сборник. - 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. - С. 166-169.

⁸ Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). - СПб., 2002. - С. 250-251.

⁹ Там же. - С. 246, 249.

¹⁰ «Того же лета (6769. – Р. С.) постави митрополит епископа Митрофана в Сарае (курсив наш. – Р. С.)» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. - М., 1950. - С. 327). Для реконструкции текста, в данном случае, М. Д. Приселков использовал выписку Н. М. Карамзина (Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. IV. - М., 1992. - С. 214, прим. 108). (Однако нельзя исключить здесь и возможную невольную ошибку исследователя.) Не согласен с тем, что монголы не доверяли русскому митрополиту и И. У. Будовниц (Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. - С. 327).

что в надежности Кирилла убедить ханскую власть сумел Александр Невский во время своих визитов в Орду. (Подобно тому, как он смог добиться прощения для своего брата Андрея, вернувшегося из изгнания и получившего в управление Суздаль.)

В 1262 г. по городам Руси прокатилась волна народных выступлений против откупщиков татарской дани – «бесурмен»¹. В некоторых источниках имеются указания на организацию этих восстаний князьями и конкретно Александром Невским². Причинами выступлений, наряду с татарскими поборами, были и мотивы религиозного характера³, причем, значение этих мотивов оказалось, по-видимому, довольно существенным⁴. В Ярославле был убит вероотступник — расстрига Зосима («бе мних образом»), который, «вступив в прелесть лжого пророка Ма[х]меда», стал откупщиком («и бысть бесурменин»)⁵. Устюжская летопись и Архангелогородский летописец сохранили рассказ о том, как во время этого восстания в Устюге некто Багуи-багатур спасся от смерти, приняв христианство, и взяв замуж свою прежнюю наложницу — русскую девушку Марию⁶. Это сообщение источника считают достоверным не все историки, видя в нем фольклорный вымысел⁷. Впрочем, после знакомства с мнениями по этому вопросу Дж. Феннела и Я. С. Лурье остается впечатление, что исследователей смущает не столько рассказ о Буге, сколько упоминание грамот Александра Невского, которые он рассылал по городам с призывами «татар побивати». Сообщение об этих грамотах сопровождается однако «рядом конкретных деталей сопутствующего рассказа»⁸. Эти детали ученые и стремятся показать как вымышленные, дабы доказать, что «князья, и в том числе, конечно, Александр, не вдохновляли, не возглавляли и не поддерживали народное движение»⁹.

И все же летописные данные позволяют сделать вывод о том, что Ярославич не только с успехом противодействовал крестоносной экспансии и улаживал мирным путем возникавшие проблемы с монгольской властью. При необходимости он мог и применить силовой метод для решения спорных вопросов с монголами, но лишь в случае полной уверенности в том, что Русь не поплатится за это жестоким погромом. Конечно, источники не оставляют сомнений относительно вечевого характера выступлений 1262 г.¹⁰, но «вечевой» вовсе не обязательно означает «стихийный». Нельзя пройти мимо поразительной «синхронности» возмущения в разных городах, для достижения которой необходима была точная координация действий. И кто же, как не князья, и, прежде всего, конечно, наиболее влиятельный из них — Александр

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 476, 524. Под термином «бесурмены» скрываются купцы-мусульмане (см.: *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. - СПб., 1999. - С. 206-208).

² ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. (Продолжение.) - М., 2000. - С. 143; ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. - Л., 1982. - С. 30.

³ *Кривошеев Ю. В.* 1) О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). - СПб., 1995. - С. 43-44; 2) Русь и монголы. - С. 211.

⁴ Откупщики-мусульмане присоединили к взиманию дани ругательство над православными святынями (*Беляев И. Д.* Великий князь Александр Невский // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских.* Кн. 4. - М., 1849. - С. 38). Филарет (Гумилевский) указывал, что в злоупотреблениях бессермен участвовал «фанатизм исламизма» (*Филарет (Гумилевский).* История Русской Церкви. В пяти периодах. (988 – 1826.) - СПб., 1894. - С. 192).

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 476.

⁶ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 30, 70.

⁷ *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1200 – 1304. - М., 1989. - С. 161; *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая. (Избранное.) - СПб., 1997. - С. 118.

⁸ *Кирпичников А. Н.* Александр Невский: между Западом и Востоком // *Вопросы истории.* 1996. № 11-12. - С. 118.

⁹ *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1200 – 1304. - С. 161.

¹⁰ «...[люди Ростовской земли] изволиша вещь и выгнаша из городовъ [татар]» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 476).

Ярославич — могли лучше всего ее осуществить. Важно было так же сделать так, что бы восстания произошли в наиболее благоприятный период. И тут, видимо, помогла прекрасная осведомленность Ярославича относительно отношений властей Сарая и Каракорума, которая позволила выбрать особенно удачный момент для выступления против откупщиков, направленных Хубилаем¹.

Обратим внимание на одну любопытную деталь. В 1262 г., согласно летописным данным, против татарской власти поднялись Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль², Устюг³, то есть земли, входившие во Владимирскую и Ростовскую епархии⁴. Это дает нам право предположить, что архиереи так же не остались в стороне от всех этих событий, тем более, что религиозная составляющая в них, как мы видели чуть выше, была значительной. Могло ли случиться так, что духовенство не было в курсе относительно подготовки этих выступлений? На этот вопрос, скорее всего, нужно дать отрицательный ответ.

Как мы могли убедиться, имеется указание и на то, что за год до восстания в 1261 г. в Сарае побывал митрополит Кирилл. Во время этого визита первоиерарх мог также вникнуть в некоторые тонкости отношений Сарая и центральной власти монгольской империи. Кроме того, в 1261 г. и 1263 гг. летопись фиксирует пребывание митрополита на Северо-Востоке Руси (благословение Игнатия Ростовского, встреча и похороны умершего по пути из Орды Александра⁵). Скорее всего, Кирилл присутствовал здесь и в 1262 г., когда разгорелся мятеж против произвола «бесурмен».

Одним из главнейших центров восстания стал Ростов⁶, и, вероятно, местный архиерей — епископ Кирилл, несмотря на тяжелую болезнь, так же предпринял некоторые усилия для организации выступлений. Тем более, что он, вероятно, рассчитывал на их успех. Для этого у него были основания, ведь в нашем распоряжении имеются данные о том, что за время правления Берке-хана он, по крайней мере, дважды посещал Орду⁷, а потому, как Александр Невский и митрополит Кирилл, был в курсе противоречий, возникших между Сараем и Каракорумом. Дело Кирилла Ростовского мог продолжить и его приемник Игнатий, выбранный, кстати, не только с ведома митрополита и Ростовских князей (что вполне естественно), но и Александра Невского⁸.

Все эти факты позволяют нам выдвинуть предположение о том, что высшие иерархи, и, прежде всего, митрополит Кирилл вместе с князьями, во главе которых стоял Александр Невский, в какой-то мере способствовали организации выступлений 1262 г. Но одновременно они же могли быть и некоторым фактором сдерживания возмущения народа. Ведь, насколько можно судить по данным летописей, после

¹ На наш взгляд, наиболее обоснована точка зрения, согласно которой восстание 1262 г. было направлено именно против представителей центральной монгольской власти (см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. - С. 254-256). Впрочем, даже если А. Н. Насонов ошибался, и откупщики действовали в интересах Сарая, междоусобие улуса Джучи и Хулагу, в любом случае, должно было резко повысить шансы на успех восстаний. И это вовсе не противоречит тому, что выступления против произвола «бессермен» могли быть подготовлены княжеской властью (*Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. - С. 215, прим. 163, 213).

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 476.

³ ПСРЛ. Т. XXXVII. - С. 30, 70.

⁴ *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 2. История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988-1240). - М., 1995. - С. 298 (Карта епархий Русской православной Церкви XII - первой половины XIII в.).

⁵ См. ПСРЛ. Т. I. Стб. 476; ПСРЛ. Т. III. - С. 84, 312.

⁶ *Насонов А. Н.* Моголы и Русь. - С. 259.

⁷ См. Повесть о Петре, Царевиче Ордынском // *Древнерусские предания (XI-XVI вв.).* - М., 1982. - С. 142-143.

⁸ «Благоверный же князь Александр..., Борисъ и Глебъ Васильковича... благословеньемъ митрополита Кирила и епископа Кирилла изведоша архимандрита святого Богоявления Игнатъа и бысть причетник церкви святых Богородица в Ростове» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 476).

1262 г. возмездия за непокорность в виде карательного набега, подобного Неврюевой рати не последовало. Как было сказано чуть выше, на наш взгляд, главной причиной этого были противоречия между Сараем и Каракорумом. Однако в случае гибели кого-либо из монголов, приближенных к особе хана, ни внутренние междоусобия Чингизидов, ни дипломатические ухищрения русских князей не помогли бы избежать жестокой кары, как это произошло, например, с Тверью, после расправы в 1327 г. над Чол-ханом и его людьми¹. Александр Невский, как и архиереи городов, охваченных восстаниями, это прекрасно понимали. А потому, вероятно, именно они постарались сделать так, чтобы гнев восставших обрушился только лишь на «бесурмен» – непосредственных сборщиков дани, и не затронул ордынцев, напрямую с фискальными операциями не связанных. Во второй половине XIII в. Ростов, бывший в 1262 г. одним из главных центров восстания, становится привлекательным местом для татар-переселенцев, желавших перебраться на Русь. Здесь даже образовалась «своеобразная ордынская православная община»². Вероятно, этому должно было способствовать то, что вечевые выступления имели организованный характер и не превратились в повальную резню всех выходцев из Орды.

Итак, по нашему мнению, митрополит Кирилл, который, будучи главой Русской Церкви, во многом определял ее политику, изначально был врагом татарской власти и поддерживал Даниила Галицкого, рассчитывавшего на подготовку отпора Орде в союзе с католическим Западом. В Никее ему разъяснили ошибочность надежд на папу и опасность сближения с ним. Кирилл стал, таким образом, противником прокатолического курса. Невозможность же сопротивления Орде была показана ему Александром Ярославичем, который и смог реабилитировать митрополита в глазах ханов. Именно Невский герой доказал русским иерархам (как и Руси в целом) верность принципа «меч — Западу, мир — Востоку». Князь умело выстраивал отношения с митрополитом, учитывал значение Церкви, старался использовать ее влияние в собственных политических целях. В целом ему удалось добиться взаимопонимания с высшим духовенством. Митрополит Кирилл прекрасно понимал, что значило для Руси правление Александра. И конечно, неслучайно то, что похороны умершего в Городце на обратном пути из Орды князя превратились в настоящий епископский «снем»³. А обращение митрополита к людям, встречавшим тело Ярославича: «Чада моя, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суздальской»⁴ — было искренним криком души, в котором воплотилась горечь всего народа.

Сразу после похорон, сопровождавшихся чудом с разрешительной грамотой, которую почивший князь якобы сам взял из рук митрополита в присутствии эконома Севастьяна⁵, началось местное почитание Александра Невского как святого⁶. Уже в 1263-1265 гг. было составлено его житие⁷. Произошло это, вне всяких сомнений, с санкции митрополита Кирилла.

¹ См.: *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. - С. 215, 363-364.

² См.: *Кривошеев Ю. В.* Ордынский царевич Петр и его род: некоторые бытовые и религиозные черты пребывания монголо-татар на Руси // *Университетский историк. Альманах.* - СПб., 2002. - С. 121.

³ Для похорон Александра «...снемшеся епископи и игумени с митрополитомъ Кюриломъ» (ПСРЛ. Т. III. - С. 84, 312). Наличие этого сообщения в Новгородской Первой летописи дает нам некоторое право предположить, что среди прочих архиереев здесь присутствовал и Далмат Новгородский.

⁴ Житие Александра Невского // *Древнерусские княжеские жития / Подготовка текста, комментарии и перевод В. В. Кускова.* - М., 2001. - С. 200.

⁵ Там же.

⁶ *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. - М., 1998. - С. 65.

⁷ *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV вв.) // *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – начала XX вв. Сб. науч. трудов. Вып. I.* - М., 1990. - С. 37-39.

**А.Ю. Выборнов
Н.А. Богородицкая
Нижегородский государственный
университет им. Н.И.Лобачевского**

Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX – начале XX веков

Макарьевская-Нижегородская ярмарка просуществовала три столетия и имела исключительное значение в истории русской торговли. Являясь на протяжении XVII – начала XX в. одним из важнейших центров формирующегося всероссийского рынка, Нижегородская ярмарка играла немаловажную роль и во внешней торговле России.

По величине своих оборотов она занимала не только первое место среди российских ярмарок, но и относилась к числу крупнейших в мире.

Занимая выгодное географическое положение, Нижегородская ярмарка имела удобное сообщение по Волге и Каспийскому морю на Кавказ, в Иран и Среднюю Азию. Волга связывала Нижегородскую ярмарку через систему каналов с Петербургом и Западной Европой, через Дон - с Турцией, Египтом и Южной Европой, через Каму - с Уралом, Сибирью и Китаем. Осуществляя прямые экономические связи со всеми значительными торговыми центрами и ярмарками России, Нижегородская ярмарка была главным ежегодным регулятором между спросом и предложением, между производством и потреблением всех производимых и потребляемых в России товаров. Являясь последней в году среди других всероссийских ярмарок, Нижегородская ярмарка как бы подводила итоги за целый год работы всего народного хозяйства страны. На Нижегородской ярмарке определялась покупательная способность населения на последующий год, так как во время ее проведения становились известными виды на урожай хлеба, а от этого во многом зависела производительность российской промышленности.

Нижегородская ярмарка находилась в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и социально-политическими изменениями, происходящими в России. Рост товарно-денежных отношений, отмена крепостного права и начало промышленного переворота в первой половине XIX в. привели к бурному росту ярмарочного товарооборота (в 4 раза), который соответствовал темпам общего товарооборота страны в целом. В целом же товарооборот Нижегородской ярмарки увеличился с 1821 по 1912 гг. в 7,5 раза в кредитных рублях и в 18,6 раз в золотых рублях. Привоз на Нижегородскую ярмарку к сер. XIX в. составлял более половины, а в нач. XX в. 1/30 часть всего внутреннего товарооборота и значительную часть годовой производительности всей промышленности России: в сер. XIX в. – 1/2, в нач. XX в. – 1/7 часть.¹

Торговля на Нижегородской ярмарке распадалась на 3 разряда: 1) отечественные, 2) европейские и 3) азиатские товары. Ведущее положение в ярмарочных торговых оборотах занимала торговля отечественными товарами, которая составляла 73 – 75% всего привоза в конце XIX в., когда в результате строгого протекционистского тарифа 1891 г. иностранная торговля сократилась до 14%, а затем и до 5% от всего ярмарочного привоза товаров.²

Среди российских товаров главное место занимали ткани (почти 50% всего привоза), металл и металлические изделия, пушнина, кожа, хлеб.

Особенно большую роль Нижегородская ярмарка играла в торговле России с азиатскими странами. Не случайно, современники ее называли «меновым двором Европы с Азией».³

¹ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. – СПб., 1902. – Т. I; Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1890 г. – Н.Новгород, 1890. – С.228.

² Там же.

³ Государственное учреждение Центрального архива Нижегородской области (ГУЦАНО). Ф.489, оп.287, д.1286.

Торговля с европейскими странами на Нижегородской ярмарке имела, как и для России в целом, активный баланс (вывоз товаров превышал их ввоз в стоимостном выражении в среднем в 1,5 раза), а с азиатскими странами – пассивный баланс (вывоз товаров был меньше их ввоза в среднем в 2 – 3 раза).

Купцы – азиаты (персияне, армяне, бухарцы) в 1840 – 1850-е гг. составляли 11%, западноевропейские купцы – 5% от всех ярмарочных торговцев. Это соотношение было свойственно и другим крупным российским ярмаркам. Торговцы - иностранные подданные представляли почти все страны Европы: Англии, Германии, Франции, Австрии, Италии, Голландии, Швеции, Дании и др. Была представлена здесь и Америка. Через эти страны Нижегородская ярмарка осуществляла односторонние торговые связи с их колониями. На ярмарке постоянно присутствовали товары из Сенегала, Марокко, Бразилии, Австралии, Ливана, Египта, Индии. Особенность торговли западноевропейскими товарами заключалась в том, что ими торговали большей частью московские и петербургские купцы и комиссионеры, в то время как азиатскими товарами торговали сами восточные купцы. По обилию торговцев азиатского происхождения Нижегородскую ярмарку называли «караван – сараем».

Особенно большое значение в азиатской торговле на Нижегородской ярмарке в XIX в. имела торговля китайскими товарами, товарооборот с которыми увеличился за 1830 – 1850-гг. в 2 раза и составил в среднем до 80% от всей ценности ярмарочного привоза азиатских товаров и 65% (в 1860 г.) ценности всего кяхтинского торгового оборота России. Среди китайских товаров, бывающих в продаже на Нижегородской ярмарке, главное место занимал чай (до 90%). До 60-х годов XIX в. чай ввозился в Россию исключительно через Кяхту, и Нижегородская ярмарка была главным распределительным пунктом, из которого чай расходился по всей России для продажи населению. Чай являлся своеобразным рычагом, дававшим движение торговли. Среди покупателей Нижегородской ярмарки сложилось даже мнение, что «чай на все цену ставит». Чайная торговля на Нижегородской ярмарке находилась в тесной связи с торговлей многими товарами российского производства (хлопчатобумажные и шерстяные ткани, металлические изделия и др.), что ставило ярмарочную торговлю в большую зависимость от хода меновой торговли в Кяхте.

Второе место в азиатской торговле на Нижегородской ярмарке занимали товары из Закавказья и Персии. Главными товарами восточных купцов были: хлопок, хлопчатобумажная пряжа, марена, ковры, шелк, меха.

Третье место в торговле с азиатскими странами принадлежало среднеазиатским ханствам. Нижегородская ярмарка в это время являлась главным узловым пунктом торговли России со Средней Азией.¹

Объем российского экспорта в Китай, Персию, Закавказье и Среднюю Азию с каждым годом уменьшался из-за вытеснения русских товаров английскими товарами с этих рынков. Этому во многом способствовало заключение Нанкинского договора 1842 г., по которому были открыты 5 китайских портов для европейской торговли, и англо-иранского соглашения 1841 г., установившего минимальные торговые пошлины на английские товары.

Товарооборот Нижегородской ярмарки с европейскими странами имел те же тенденции, что и российско-европейская торговля в целом. Если с Нижегородской ярмарки в Европу шел сырьевой товар (пушнина, шерсть, лен, пенька, кожи), то из стран Европы – готовые изделия (ткани, хлопчатобумажная пряжа, красители, вина, галантерея, меха) и колониальный товар (кофе, пряности). Преобладающими товарами западноевропейской торговли были мануфактурные и москательные товары, вино (17%, 40% и 16% соответственно от всего привоза в Россию). Привоз европейских товаров на ярмарку был напрямую связан с таможенной политикой России и развитием отечественной промышленности.

Структура внешнеторгового оборота под влиянием развития отечественной промышленности в первой половине XIX в. меняется. Начиная с 1830-х гг. усиливается спрос на азиатских рынках на изделия российской текстильной промышленности и начинается вытеснение китайского чая российским текстилем как главного «двигателя»

¹ Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. – М., 1963. – С.235.

ярмарочной торговли. К середине XIX в. увеличивается привоз из Азии и Европы красителей, хлопчатобумажной пряжи и хлопка в связи с развитием российской текстильной промышленности (в 1850-е гг. русская пряжа вытесняет окончательно иностранную пряжу). Нижегородская ярмарка стала играть одну из ведущих ролей по обеспечению отечественной мануфактурной промышленности красителями азиатского и колониального происхождения, а с 1860 гг. азиатским хлопком.

Нижегородская ярмарка, в силу своего географического положения и гибкости в организации торговли (льготы иностранным купцам), сумела и во второй половине XIX в., в условиях бурного развития капитализма в России, сохранить за собой свое прежнее значение крупнейшего центра не только внутренней, но и внешней торговли. Это выразилось прежде всего в расширении ее торговых связей, как региональных, так и международных. В то же время происходят большие изменения. Главным «рычагом», дававшим движение торговли, становится отечественный текстиль вместо китайского чая. Внутренний рынок, благодаря росту покупательской способности населения, стал оттеснять азиатский рынок на второй план. Развитие товарно-денежных отношений, рост городов, разложение деревни приводят после отмены крепостного права к «демократизации» ярмарки, которая находила выражение в увеличении средних и мелких торговцев, а также в процессе вытеснения дорогих «панских» товаров «простонародными» крестьянскими товарами. Азиатская торговля преобладает в торговле иностранными товарами. Первое место среди азиатских стран по своим товарным оборотам остается за Китаем. Несмотря на сокращение экспортно-импортных операций на Нижегородской ярмарке с Китаем в 1860 – 1870 гг. в связи с конкуренцией русских товаров с английскими (экспорт сократился в 13,5 раз, а импорт увеличился лишь на 25%) в целом товарооборот русско-китайской торговли на Нижегородской ярмарке в 1860 – 1880-е гг. составлял 50% от всего российско-китайского товарооборота. Устойчивость кяхтинского чая на Нижегородской ярмарке была связана по традиции с главной операцией кяхтинских купцов – вывозом русских товаров в Китай.

Второе место в азиатской торговле на Нижегородской ярмарке во второй половине XIX в. стала занимать Средняя Азия, а третье – Иран. Перемещение Средней Азии с третьего места на второе связано с превращением Средней Азии в сырьевую базу для развития российской текстильной промышленности и увеличением привоза на Нижегородскую ярмарку среднеазиатского хлопка.¹

Российско-иранские торговые связи, как и со Средней Азией, во второй половине XIX в. также приобретают ярко выраженный сырьевой характер. По мере же развития капиталистического производства и повышения уровня конкурентоспособности русских промышленных изделий возрастает поток товаров, закупавшихся восточными купцами на Нижегородской ярмарке для дальнейшего распространения их в североиранских провинциях. Во второй половине XIX в. в среднем на Нижегородскую ярмарку поступало 27% всего азиатского хлопка, а в период хлопкового кризиса в 1861 – 1862 гг. – 40%.

В конце XIX – начале XX вв. в связи с развитием капитализма, вступившим в стадию монополистического капитализма, и бурным строительством железных дорог, усовершенствованием средств сообщения (телефон, телеграф) ярмарочная форма торговли окончательно уступает постоянной форме торговли. Под влиянием этих факторов происходят большие изменения на Нижегородской ярмарке. Привоз товаров на ярмарку в это время увеличивается только на 10%, в то время как внутренний товарооборот России возрастает в 1,5 раза, а внешний товарооборот России увеличивается почти в 2 раза. Привоз иностранных товаров на Нижегородскую ярмарку с конца XIX в. и до 1913 г. сокращается в 4 раза.² Тем не менее, значение Нижегородской ярмарки в экономике страны в этих условиях не падает, а даже усиливается, как крупного экспортера в западноевропейские страны сырьевых товаров. Усиливается значение ярмарки как всероссийской биржи, на которой устанавливаются

¹ Мельников П.И. Нижегородская ярмарка 1843, 1844, 1845 гг. – Н.Новгород, 1846. – С.286.

² ГУЦАНО. Ф.489, оп.289, д.д.1937, 2002.

цены на предметы народного потребления на целый год и как места расчета за торговые сделки, совершенные не только на Нижегородской ярмарке, но и в других торговых центрах.

Торговые связи Нижегородской ярмарки в это время продолжают развиваться, хотя это развитие и носило противоречивый характер. С одной стороны, сокращаются связи со Средней Азией, Персией, Китаем, «уходят» хлопок, чай, металлы, с другой – усиливаются связи с сибирскими ярмарками, являющимися сборными центрами сырьевого товара, поступающего не только из Восточной Сибири, но и Монголии и Северного Китая. Усиливаются торговые связи с Германией как главным торговым посредником в торговле Нижегородской ярмарки с европейскими странами, Америкой и Канадой.

Первое место в ярмарочном товарообороте продолжает оставаться, как и в XIX в., за отечественными товарами, в среди них – за текстилем (до 50% товарооборота), второе место стала занимать пушнина, товарооборот с которой увеличился в нач. XX в. в 3 с лишним раза, благодаря огромному спросу на нее за границы из – за установившейся там моды на меха. На третьем месте были кожи, четвертом – шерсть.¹

По привозу на Нижегородскую ярмарку среди иностранных товаров на первом месте, как и в XIX в. были азиатские товары., а среди них – персидские товары (вместо китайских товаров), китайские (хотя привоз китайского чая уменьшился с конца XIX по нач. XX в. сократился в 3 раза, его привоз на ярмарку продолжал быть значительным и составлял 1/10 часть всего импорта в Россию) и среднеазиатские. Место хлопка, который после 1907 г. на Нижегородскую ярмарку не завозился, занимает каракуль и каракульча, 50% привоза которых шло в Европу. Несмотря на общее сокращение привоза азиатских товаров на Нижегородскую ярмарку, тем не менее, ее роль в российско-азиатских торговых связях остается значительной, и в первую очередь, благодаря вывозу с ярмарки в азиатские страны российских промышленных товаров, который увеличивается в нач. XX в. в 2 раза. Благодаря во многом Нижегородской ярмарке, России удастся выдержать английскую конкуренцию в северо-восточных районах Ирана и сдерживать продвижение англичан в Средней Азии и Китае.

В торговле с европейскими странами на Нижегородской ярмарке Германия стала играть решающую роль в экспортно-импортных операциях, что было характерно для внешней торговли России в целом. Тесная двусторонняя связь Нижегородской ярмарки с Германией осуществлялась через Лейпцигскую ярмарку на протяжении всего XIX в., в конце XIX – нач. XX в.в. эта связь еще более усилилась, особенно в торговле сырьевым товаром. Как и в XIX в., в нач. XX в. первое место среди европейского привоза на Нижегородскую ярмарку составляли москательные товары и краски. Эти товары прибывали в Нижний Новгород из Санкт – Петербурга водной дорогой в значительных количествах (от ¼ до ½ всего привоза в Россию), благодаря дешевизне доставки по сравнению с доставкой по железной дороге. Москательные товары шли не только на российские предприятия, но и в Среднюю Азию и Персию, хотя к 1914 г. район сбыта стал сужаться из-за поставок этих товаров из Одесского порта. Второе место в среди европейских товаров, представленных на Нижегородской ярмарке занимали бакалейные товары: французский чернослив, швейцарский сыр, шотландские сельди, кофе и пряности колониального происхождения, третье место: инструменты, швейные машины и аппараты, часы, оружие, четвертое место – меха и пятое - иностранные вина.

Существовала прямая зависимость торговли России со странами Западной Европы от торговли целым рядом отечественных товаров на Нижегородской ярмарке. Так, от хода торговли хлопчатобумажными товарами на всероссийском торжище зависели закупки России за границей хлопка, красителей, машин и других приспособлений для отечественной текстильной промышленности.

Ход торговли на Нижегородской ярмарке как в целом, так и иностранными товарами в частности, зависел прежде всего от урожайности хлебов, которая

¹ Отчет о ходе торговли на Нижегородской ярмарке 1895...1917 гг. – М. – Н.Новгород, 1896-1918.

напрямую определяла покупательную способность российского населения, а она, в свою очередь, производительность российской промышленности. К числу других факторов, от которых зависел ход торговли, относились: уровень воды в Волге, от которого зависела стоимость доставки товаров на ярмарку; курс рубля на Лондонской бирже, от которой зависела цена доставляемых на Нижегородскую ярмарку заграничных товаров; уровень таможенных пошлин; экономических и политических событий (кризисы, войны, революции). Кроме того, большое влияние на вывоз товаров с Нижегородской ярмарки в страны Востока оказывала борьба за восточные рынки сбыта между Россией и Англией.

Первая мировая война стала проверкой на прочность международных торговых связей Нижегородской ярмарки. Россия прерывает в это время торговые отношения с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, на долю которых приходилось до 50% всего внешнего торгового оборота. Вывоз из России уменьшился в 25 раз, а ввоз - в 4 раза. Привоз товаров на Нижегородскую ярмарку уменьшился в 2 раза, число торговцев сократился также в 2 раза.¹ Наибольшие потери Нижегородская ярмарка потеряла в привозе из Европы москательных и химических товаров, а в сбыте туда - льна, шерсти, кожи, пушнины. Однако уже в 1915 г. связи с заграничным пушным рынком были налажены - был разрешен вывоз пушнины через Архангельск, Одессу и Владивосток в Англию, Швецию и Америку. Сырье же (кожи, шерсть, лен) же все оставалось на внутреннем рынке и шло на нужды армии. Война имела и некоторые положительные последствия для Нижегородской ярмарки и для экономики России в целом. В частности, вследствие загруженности железнодорожного транспорта, на Нижегородскую ярмарку стал поступать азиатский хлопок. Потеряв рынок высококачественных немецких изделий, Нижегородская ярмарка была вынуждена налаживать новые торговые связи. Был разрешен ввоз стальных изделий из Швеции, стали расширяться торговые связи с Англией, Францией, Японией, Америкой. Первая мировая война способствовала удалению России с мирового рынка как поставщика мехов и явилась фактором усиления экспорта пушнины в Европу из США и Канады.

Подводя итоги, следует сказать, что значение Нижегородской ярмарки для внешней торговли России определялось следующими факторами:

1. На Нижегородскую ярмарку привозилось более половины стоимости привоза на все ярмарки России и до 1/7 части всей производимой в России продукции,² что позволяло купцам, производящим экспортно-импортные операции, напрямую закупать российские товары в одном месте без дополнительных затрат, что, безусловно, способствовало ускорению оборота торгового капитала;
2. Нижегородская ярмарка представляла уникальную возможность для торговцев восточными товарами непосредственных контактов с крупными отечественными производителями, производившими продукцию, предназначенную для вывоза в азиатские страны;
3. Расположенная на середине великого волжского торгового пути, Нижегородская ярмарка имела прямые контакты не только со всеми крупными ярмарками России, но и европейскими ярмарками, составляя вместе с ними единую цепь, имеющую важное значение в мировой торговле. Это прежде всего цепь ярмарок: Лейпцигская - Нижегородская - Ирбитская - Тобольская - Иркутская - Тюменская - Кяхтинская, по которой шли всевозможные европейские, российские и азиатские товары. Нижегородская ярмарка в этой цепи осуществляла связующую роль между Европой и Азией в целом. Особенно тесная связь Нижегородской ярмарки была в меховой торговле с Лейпцигской и Ирбитской ярмарками;
4. На всем протяжении своего существования Макарьевско - Нижегородская ярмарка, благодаря своему географическому положению, играла важнейшую роль в торговых связях России с азиатскими странами. И не

¹ Отчет о ходе торговли на Нижегородской ярмарке 1914...1917 гг. - М. - Н.Новгород, 1915-1918.

² Хромов П.А. Экономическая история СССР. - М., 1982. - С.158

только по товарообороту (на нее привозилось вплоть до начала XX в. в среднем до 65% всего привоза азиатских товаров в Россию), но и по значимости этой торговли в целом. Во многом, благодаря этой торговле, России удастся довольно безболезненно присоединить Среднюю Азию и использовать ее в дальнейшем как сырьевую базу для отечественной промышленности. Не менее важную роль играла Нижегородская ярмарка и в торговых связях России с Китаем, благодаря ее ведущей роли в кяхтинской (сухопутной) торговле, а также в торговле с Ираном, благодаря во многом которой Россия смогла в начале XX в. утвердиться в северных ее провинциях и выдержать английскую конкуренцию а в Китае и Средней Азии удастся сдерживать продвижение англичан;

5. Торговые связи Нижегородской ярмарки с европейскими странами на протяжении XIX – начала XX вв. постоянно развивались, видоизменяясь под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Хотя по объемам общих товарооборотов они не были значительными, но по отдельным отраслям торговли играли немаловажную роль в экспортно-импортных операциях России в целом. Так, если в первой половине XIX в. в европейском привозе господствуют иностранные ткани, то во второй половине XIX в. их место занимают красители (иностранные хлопчатобумажные ткани и пряжа полностью вытеснены российскими товарами), необходимые для российской текстильной промышленности (до ½ всего российского импорта), в начале XX в. к ним присоединяются меха, которые в значительном количестве находятся как в привозе, так и в вывозе с Нижегородской ярмарки за границу (более половины всего российского экспорта);
6. Торговые связи Нижегородской ярмарки со странами Востока и Запада приводили к сближению народов России с народами, проживающими в соседних странах, что, безусловно, способствовало укреплению международного сотрудничества в целом;
7. Встроенность Нижегородской ярмарки в систему мирового рынка выражалась в зависимости хода ее торговли от важнейших, имеющих мировое значение, экономических и политических событий (кризисы, войны), от курса русского рубля и ярмарочных цен на важнейшие товары (хлеб, хлопок, красители, чай) от мировых цен, которые устанавливались на Лондонской и Ливерпульской биржах. В свою очередь, на Нижегородской ярмарке устанавливались мировые цены на выделанные недорогие меха, в то время как на Ирбитской ярмарке устанавливались цены на невыделанные меха, а на Лейпцигской ярмарке и Лондонских меховых аукционах – на дорогие выделанные меха. Любые колебания в таможенной политике России и стран, с которыми Нижегородская ярмарка была напрямую связана, сразу же сказывались на размерах привоза – вывоза товаров.
8. Ход торговли на Нижегородской ярмарке был тесно связан с развитием экономики России, от развития ее промышленности и транспортной сети, покупательной способности населения;
9. В конце XIX в. Нижегородская ярмарка начинает играть для российской буржуазии (главным образом мануфактуристов) роль своеобразной трибуны для выражения своих экономических интересов. Используя свое право обращаться через ярмарочный комитет к правительству, ярмарочное купечество получает возможность оказывать давление на него для решения своих экономических интересов в области международного торгового обмена. Так, благодаря неоднократным ходатайствам ярмарочного купечества, в 1891 г. был принят строго протекционистский таможенный тариф, а в 1892 г. был установлен возврат пошлин при продаже в азиатские страны хлопчатобумажных и суконных тканей, в 1894 г. Бухара была включена в таможенную границу России. Правительство, в свою очередь, при решении важнейших экономических

вопросов привлекает к их обсуждению торгово-промышленные круги России, и в том числе и ярмарочное купечество.¹

В настоящее время Нижегородская ярмарка, возрожденная в 1990 году, успешно развивается. Основная сфера деятельности ВЗАО «Нижегородская ярмарка» - выставочный бизнес. Являясь крупнейшим экономическим и маркетинговым центром России, Нижегородская ярмарка проводит более 70 специализированных выставок в год (из них 24 международных), принимает тысячи фирм и около полумиллиона посетителей. Благодаря таким проектам как: международный форум «Великие реки», Российский Архитектурно-строительный форум, Всероссийский «Автофорум», Международный научно-промышленный форум «Россия Единая», Нижегородская ярмарка получила не только всероссийское, но и мировое признание. В 2004 году Нижегородская ярмарка стала членом Всероссийской ассоциации выставочной продукции (UFI).

Благодаря возрождению Нижегородской ярмарки Нижний Новгород стал ориентиром для всего мира, а Нижегородская область стала вновь экономически привлекательным регионом.

¹ ГУЦАНО. Ф.472, оп.287, д.д.62, 181, 191, 251, 269, 731, 1414.

Э.Б. Акимов,
доцент Нижегородского государственного
лингвистического университета им.Н.А.Добролюбова

Несколько мыслей о поэтике православного канона

Канон (греч. κανών – прут, брус – линейка – правило, норма – образцовый текст) – это гимн или молитвенная песнь, посвященная памяти чтимого святого или праздника. В церкви он читается на всенощной службе «на кануне» дня поминовения. Выражение «накануне» или «в канун», ставшее сегодня наречным обозначением прошедшего (вчерашнего) времени, когда-то понималось буквально, т.е. «в то время, когда читается канон» (канун). Каноны в православной традиции имеются на каждый день и зафиксированы в служебных минеях (не путать с Четьими минеями, в которых содержатся пересказы житий святых), т.е. в помесячных сборниках служб. Канон обычно читается мирянами как в храме, так и дома¹ не только в память угодника или события, но и за здоровье, за упокой, за творящих милостыню, на прошение или делание. Это, может быть, наиболее демократичный, общеупотребительный жанр молитвословия², и отношение к нему складывается соответствующее – если не пренебрежительное, то дежурное. В церквях на всенощных каноны читаются избирательно и сокращенно. На канонах стало принято экономить служебное время, словно следуя сомнительной логике созвучия «канон (канун)» – «кануть».

Надо сказать, что «экономическая» тенденция не связана исключительно с современностью. Именно с этим жанром ассоциируется упразднение «катавасии» (греч. катаβασίς – «схождение вниз, спуск»), обязательного когда-то «схода» с солеи или хоров двух клиросов («крылосов») «в народ» после окончания каждой песни канона для совместного исполнения «катавасии» – «ирмосов, коими покрываются песни канона» (Даль В. И., II, 711). На катавасии стали лениться «сходить вниз» еще до раскола. Старообрядцы не случайно сделали «катавасию» показательно-обязательной, а современный русский язык – напротив превратил греческое слово в синоним «неразберихи, шума, беспорядка». Ирония культуры проявляется еще и в том, что сама «катавасия» (на словесно-музыкальном уровне) является напоминанием о начале только что пропетой песни (а иногда повторением), структурной рамкой, упорядочивающим, связующим механизмом. Сам канон, как мы попытаемся увидеть, есть не просто лирическое молитвословие (как, допустим, псалмы), а искусно и сложно построенный текст («полифонический», как сказал бы М. М. Бахтин), в каждом слове которого должен слышится и голос библейского экстатически вопиющего прашура (Моисея, Анны, Аввакума, Даниила и Богородицы), и византийского гимнографа, бережно переведенный или самими святыми солунскими братьями (Кириллом и Мефодием) или ученикам их школы³. Именно к этим голосам присоединяется реально звучащий голос чтеца, в идеале мыслимый как пение. В таком чтении-пении, которое интенсивно поддерживается всеми стоящими в храме, и осуществляется чудо истинной соборной коммуникации заветов, культур, эпох, языков, молитвопевцев. Сила любой соборной молитвы велика, но канон – это специальный жанр, созданный с установкой на диалог, умножение голосов, это новая невиданная дотоле стилистическая форма богослужения.

¹ Важное исключение – Великий канон Андрея Критского, читаемый священником на первой неделе Великого Поста.

² Здесь не рассматривается проблема соотношения канона и акафиста (букв. «гимна неседального»).

³ Здесь умышленно не ставится вопрос о качестве и количестве исправлений древних русских переводных текстов «справщиками» патриарха Никона в XVII веке.

Здесь не место заниматься историей жанра. Учредителем канона считаются Иоанн Дамаскин, великий дамаский богослов, музыкант и гимнограф, и Андрей Критский, автор грандиозного Великого Канона, жившие в VII-VIII вв. в Византии.

Канон состоит из 9 песен. Важнейшей структурообразующей частью его является ирмос (греч. *εἰρμός* – «сплетение, сцепление»), открывающий и заканчивающий каждую песнь. Ирмос первой песни поется как бы от лица Моисея, прошедшего израильтян через Красное море «яко посуху» и потопившего в этом же море гнавшихся за ним египтян, «коней и всадников». Ситуация изложена в Библии 14 главе Исхода, а в пятнадцатой – приводится ликующая песнь Моисея, которому аккомпанирует сестра Аарона Мариам «с лики и тимпаны». Исход евреев из Египта – это избавление народа от рабства, в символической перспективе, – прообраз спасения (через страдания), установления нового христианского завета с Богом, Крещения, сошествия во Ад и Воскресения и т.д. Например, в каноне Богоявления (Крещения) ирмос поется так: «Глубине открыл есть дно, и по суху своих изводит, в ней погружь сопротивныя крепкий во бранех Господь, яко прославися». Здесь явно совмещение голосов ликующего Моисея и голоса христианского гимнографа, который в самом крещении видит аналог Исходу. Потопление сопротивных это не только примерная казнь языческого фараона, но и освобождение ветхого человека от грехов. Тропарь первой песни, следующие за ирмосом, как за смысловой и ритмической моделью, будут варьировать тему: «Адама истлевшего обновляет водами и змием главы гнездящимся сокрушает Царь Веков Господь». В последних тропарях песни задача усложняется: к образам прохождения через бездну, крещение, погубление и спасение должно добавиться воспевание Богородицы. «В плоть вещественну одеаяся, иорданскою облагается водою, воплощется от девы Господь». Погружение во Иордан символически равно погружению во утробу девичью. Гимн ликующего Моисея в первой песне крещенского канона проходит через разные смысловые регистры и связывается в конце с воплощением от Девы Марии. После этого два клироса сходятся в центре и поют словно вместе со всеми упомянутыми святыми (ветхо- и новозаветными) «катавасию», подводющую итог «водной» теме. Таким образом в катавасии осуществляется символическое схождение всей памяти культуры к славословию праздника.

Вторая песнь, обычно пропускаемая (ирония жанра)? в своем ирмосе вспоминает Моисея, поющего перед смертью гимн-предупреждение израильтянам. «Вонми небо и возглаголю» (Второзаконие, 32). Песнь эта в самой Библии воспринимается не только как слава, но и заклятие, запрет петь эту песнь грешникам. Может быть, в этом причина отказа от песни в обычном праздничном богослужении. Сама тональность покаянно-предупредительной песни не соответствует жанру. Впрочем, в некоторых скорбных канонах Великого Поста (особенно Страстной седмицы) песнь озвучивается.

Ирмос третьей песни поется от лица Анны, когда-то бездетной жены Елкана (14 Царств, 1, 2) и вдруг получившей от Бога сына Самуила, которого она приносит по обету в храм. Анна поет-пророчествует о «вознесении своего рога» через сына, будущего пророка и судью Израилева, прообраз самого Христа. Крещенский канон сопрягает эти мотивы так: «Крепость давая царю нашему Господь и рог Христа своего вознося от девы рождается, грядет же ко крещению». Анна и Мария в этом ирмосе словно восклицают вместе, крещение Иисуса сопрягается с принесением Самуила во храм и его посвящением в назореи. В тропарях третьей песни ликующая Анна сравнивается с самой христовой церковью, в акте крещения родившей Христа-Сына – водой и духом.

Ирмос четвертой песни вспоминает возглас пророка Аввакума, противника неправды и идолослужения: «Услышах Господи слух твой и убояся». Бог гневается на жестоковых израильтян, наказует их, но Аввакум и в беде «веселится о Боге» и восклицает: «Бог – сила моя» (Авв,3). В Ирмосе голос Аввакума соединяется с гласом вопиющего в пустыне Иоанна Крестителя, который не только пророчествует о Христе, но и о необходимости покаяния и очищения. Тропарь четвертой песни после такого ирмоса поются от лица Иоанна Крестителя, как бы нового Аввакума, который не только

является непосредственным свидетелем славы господней, но и (вместе с Крестителем) слышит глас Божий: «се сын мой возлюбленный».

Не имея возможности подробно анализировать каждую песнь, ограничимся беглым перечислением тематики остальных песен. В ирмосе пятой песни гимнограф аккомпанирует «восставшему от сна» пророку Исае (Ис. 26, 9 – 20), восклицая о свете, который светит и в ночи, пробуждающем от тьмы неведения. Это песня пробуждения и просветления.

Шестая песнь видит воспеваемое праздничное событие в перспективе пророка Ионы во чреве кита. Перспектива отчасти напоминает первую песнь, но здесь подчеркивается погруженность в бездну грехов (во чрево кита, в ад неверия, в житейское море) каждого человека, желающего спастись и молящего Бога (как ослушник Иона) о прощении.

Седьмая и восьмая песни поются гласом ввергнутых в «вавилонскую пещь» верных израильтян («Азария с чадью»), не желавших поклониться золотому идолу Навуходоносора (Дан. 3). Тональность седьмой, восьмой песней иная чем в шестой. Ввергнутый во чрево кита Иона ужасается, а «ввергнутые в пещь» отроки поют и благословляют все создания Господа. В крещенском каноне «отроки в пещи» прообразуют Христа во Иордане, а «руки распростерший Даниил», свидетель вавилонского чуда – исступленного Иоанна Крестителя.

Девятая песнь посвящена Богородице, вопиющей в присутствии Архангела Гавриила: «Величит душа моя Господа». Воскликание Девы сливается с величанием гимнографа и молитвословием самой Девы Марии. Канон, как и каждая из девяти песен, ограничивается богородичной рамкой, как сама Богородица символически представляется замкнутым пространством (рамкой), породившей Христа.

Канон удивителен не только своей структурой. Вся память древнейшего гимна (связанная с ритуальной поэтикой окликания – призыва – просьбы – восхваления – мифологического описания предмета и с ритуально-словесной техникой гимноведения) присутствует в новой форме. В каком-то смысле (бахтинском) можно сказать, что христианский «канон канонизировал» древний гимн, превратив его из готовой, мертвой (уже в античности) формы в живую, открытую. Кроме того, каноны откровенно полифоничны (задолго до романа и музыкального канона); новое религиозное музыкально-словесное мышление сопрягает жанры и голоса, но не только в рамках авторского индивидуального выбора, а в рамках христианской онтологии. Канон связан с соборным, циклическим, мифологическим мышлением, но он оставляет мироздание христиански открытым для современного голоса, злободневной просьбы, нового истолкования старых мифологических моделей. Канон – это живая форма автокоммуникации культуры не только христианской, но и первобытной и сегодняшней. Так, в недавно написанном каноне новомученикам российским (т.е. советским), повторяется старый псаломский символический топос: «превратится Иерусалим в овощное хранилище». В новом каноне, уже на буквальном уровне, в «овощное хранилище» превращаются российские храмы Господни.

Каждая песнь решает гимнографическую тему не только в рамках жанра (хваления, предупреждения, ликования, просьбы), но и в рамках определенных прецедентных библейских ситуаций. Относиться к нему просто как к личному молитвенному возгласию неправильно. Столь же неправильно видеть в каноне простое иносказание, застывшую статичную форму. Прекрасный византолог С. С. Аверинцев (предпочитавший ранний кондак позднему канону) все-таки был не прав, когда писал, что в каноне «конкретность священной истории перестает быть символом и становится не более чем иносказанием. Событие превращается в модус для одного и того же смысла»¹. Еще более недопустимо смотреть на канон как на ряд тропарей – молитв, посвященных праздникам, ряд, который можно произвольно сокращать. Хочется верить, что канон, вопреки народной этимологии, не «канет в Лету». Он уже повлиял на европейскую полифоническую музыку, подсказав технику канонической имитации начинающего голоса (пропосты) – ведь точно так же тропари имитируют

¹ Аверинцев С. С. Поэтика древневизантийской литературы. - М., 1997. - С. 108 – 109.

ирмос; о его влиянии на литературу говорить пока не принято. Одно несомненно - он обязательно останется структурно-эмоционально-поэтическим центром всеобщего богослужения, если, конечно, будет вычитываться полностью и осмысленно усваиваться церковной аудиторией. И здесь возникают два вопроса, обозначением которых хотелось бы закончить эти заметки: вопрос адекватного чтения такого сложного текста и вопрос поэтики канона. Без разрешения этих вопросов канон не реализует свой богатейший потенциал.

Литература:

Филарет, архиеп. Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. - Чернигов, 1864.

Былинин В.К. К проблеме стиха славянской гимнографии // X Международный съезд славистов. Славянские литературы. - М., 1988. - С. 33 -51.

Верещагин Е.М. Язык статического мира: замирание движения в славяно-русской гимнографии // Логический анализ языка. Языки динамического мира. - Дубна, 1999.- С. 244 – 253.

Евстратиadis С. Предисловие к ирмологии //Щеголева Л.И. Путятин минея. Тексты, исследования, истолкования. Ирмосы. - М., 2001. - С. 472 – 478.

Мурьянов М.Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. - М., 1996.

Нечунаева Н.А. Минея как тип славяно-греческого средневекового текста. - Таллинн, 2000.

**Л.В. Софронова, доцент
Нижегородского государственного
педагогического университета,
кандидат исторических наук**

Методические рекомендации Эразма Роттердамского о приемах чтения и толкования классических авторов¹ (перевод и комментарий)

...Ты спрашиваешь у меня также о способе толкования авторов, вот этот кажется мне наилучшим. Прежде всего, с целью стяжать внимание слушателей, пусть учитель восхвалит немного достоинства того [автора], толкование которого он начинает. Далее ему следует показать привлекательность и полезность содержания. Затем нужно изложить общий смысл произведения; если паче чаяния оно допускает различные толкования (что для большинства свойственно), то обозначить различия [между ними]. Так, приведем в качестве примера комедию Теренция. Намереваясь толковать [ее], прежде следует вкратце рассказать о судьбе автора, о даровании, об изящности языка, затем – сколько удовольствия и пользы может доставить чтение комедий, потом – какое значение имеет этот жанр и откуда происходит, и сколько видов комедии существует, и каковы законы комедии, наконец, пусть объяснит как можно более доступно и кратко суть сюжета. Пусть учитель тщательно разъяснит тип стихотворного размера, потом просто перечислит [эти пункты], а затем – объяснит каждый в отдельности более подробно. Далее ему надлежит старательно указывать на отличающиеся изяществом выражения, или если что-то сказано архаически или по-новому, или греческое выражение, если что-либо изложено неясно или излишне длинно, если стиль тяжеловесный или путанный, если где-то [встретится] этимология, или деривация² или присоединение, достойное рассмотрения³, если какое-либо правило орфографии, если какая-либо фигура, если какие-либо риторические места⁴,

¹ Настоящее издание представляет собой перевод очередного отрывка педагогического трактата Эразма Роттердамского «О способе обучения, а также чтения и толкования авторов» (*De ratione studii ac legendi interpretandique auctores*). Прежде нами были переведены и опубликованы другие части этого сочинения, содержащие рекомендации руководителям грамматических школ по выбору и подготовке учителя (см.: Из истории античного общества. Межвуз. сб. Н.Новгород: ННГУ, 2003. С. 177-185); советы относительно программы и приемов обучения классическим языкам (см.: *Textum Historiae. Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории. Вып. 2.* - Н.Новгород, 2006). Перевод выполнен по изданию: Erasmus Roterodami *De ratione studii ac legendi interpretandique auctores* // *Opera Omnia. Desiderii Erasmi Roterodami. Recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata. Ordo I. T. II.* North – Holland Publishing company: Amsterdam, 1962. P. 125 etc; сверен с изданием: Erasmus of Rotterdam. *On the method of study* / Trans. and annot. by B. McGregor // *Collected Works of Erasmus*. Toronto /Buffalo/-London, 1974. V. 24. P. 675 etc).

² *Derivatio* – фигура речи, замена одного слова другим, близким по значению, но более мягким, например, «уйти из жизни» вместо «умереть».

³ *Compositio, adiunctio, эпидевксис* – фигура речи, где одно управляющее слово имеет при себе ряд управляемых, например: «Победило бесстыдство стыд, дерзновение – страх, безумие – разум». Ср.: «Присоединение должно быть достойным, приятным, разнообразным. Состоит из трех частей – порядка, логической связи, числа» (Quint. Inst. orator. IX. 147).

⁴ *Figurae, lumina* (блестки), *σχήματα* – выражения, отступавшие от нормы разговорной естественности, средство придания речи качества пышности. «Риторика к Гереннию» различает около 70 фигур. Различают фигуры мысли и фигуры слова. Если с изменением сочетания слов меняется и смысл выражения, то это фигура мысли; если изменения смысла не происходит – фигура слова. К фигурам мысли относятся риторический вопрос *interrogatio*, восклицание *exclamatio*, задержание *commoratio* etc; к фигурам слова – прибавление слов (повторение

украшение или искажение. Затем пусть сопоставит параллельные отрывки у разных авторов, выявляя, что есть различающегося и что есть сходного, а также не умалчивает о том, что было имитировано, что содержит аллюзию, что взято из другого источника, или заимствовано, поскольку большинство латинских сочинений берут начало от греческих. Наконец, можно приступить к философии¹, а для нравственного воспитания следует умело привлекать также произведения поэтов², хотя бы как образцы. Например, историю Пилада и Ореста – для показа выдающейся дружбы³, миф о Тантале⁴ – для проклятия алчности. Учителю здесь немало поможет Евстафий, комментатор Гомера⁵. И может статься (если только учитель будет человеком быстрого ума), что даже если встретится какой-либо отрывок, могущий развратить юношеский возраст, это отнюдь не повредит нравам, но фактически учитель может извлечь некую пользу, а именно: либо привлекая внимание к аннотированию, либо призывая к более возвышенным размышлениям. Например, если кто-либо намеревается читать вторую эклогу Вергилия⁶, пусть подготовит надлежащее предварительное замечание, а лучше предохранит души слушателей таким образом: пусть он скажет, что дружба существует не иначе, нежели между похожими людьми, ибо сходство есть виновник взаимной благосклонности, напротив, несходство – родитель ненависти и раздора⁷. Чем больше, истинней и прочнее станет сходство, тем крепче и теснее становится дружба. Разумеется, такой смысл имеется у многих пословиц в литературе. Например, «добрые на званные пиры добрых и незванные принимаются»; и «подобное радуется подобному»; и «равный веселит равного»; и «ищи жену – равную себе»; и что Бог всегда подобное приводит к подобному; и «галка всегда садится к галке»; и «похожие имеют одинаковые уста и одинаковый латук»; и «равные с равными легче всего соединяются»; и «пожилой пожилую берет в жены»; и «заика заику лучше понимает»; и «кузнечик кузнечнику дорог, муравей – муравью, а

geminatio, анафора, градация gradatio), убавление слов (эллипс), созвучие (anonomatio), равносложный параллелизм, противоположение (антитеза). Loci rhetorici,

¹ Ср.: «Из философов я бы предпочел, чтобы ты следовал платоникам, потому что они и многими своими предложениями, и самими особенностями речи стоят ближе всего к ... евангельскому стилю» (Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина. - С. 101).

² Ср.: «Непристойный поэтов я советовал бы вообще не трогать»; «Полезно прикоснуться ко всем языческим сочинениям... в соответствующие годы, умеренно, осторожно и с выбором, кроме того, бегло и попутно, не останавливаясь на них, и... если все это приводит ко Христу» (Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина. - С.101-102).

³ *Пилад* – в греческой мифологии племянник Агамемнона по матери. После смерти Агамемнона, родители Пилада воспитали его сына *Ореста*, которому Пилад стал верным другом, спутником и помощником. История П. и О. – классический пример дружбы, ссылки на который в античной и гуманистической литературе бесчисленны. Эразм издал диалог Лукиана (II в.) «Toxaris sive amititia» in: Opera omnia. I. i. 424-448.

⁴ *Тантал* (миф.) – сын Зевса, любимец богов, посещавший их пиры, царь г. Сипила. За оскорбление богов низвергнут в царство мертвых где был осужден на вечный неутолимый голод и жажду, т.к. вода и векта с плодом отступали когда он протягивал к ним руки. Отсюда выражение «Танталовы муки». Ср.: «Тантал, испытывая жажду, учит, что тот несчастнее всех, кто, накопив богатства, алчет их, не смея ими пользоваться» (Эразм. Оружие христианского воина. - С. 144). Ср. также «Похвала глупости». XXX.

⁵ *Евстафий* (? – 1194) – преподаватель риторики в Константинополе, затем – архиепископ Фессалоник. Автор полных комментариев к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, в которых собрал все доступные гомеровские схолии и комментарии ранних авторов. Ресексанское издание комментариев Евстафия вышло в Риме в 1542-50 гг.

⁶ *Эклога II Вергилия* – традиционная в жанре буколической песни-жалоба влюбленного пастуха описывает реальную историю из жизни поэта: влюбленный Коридон (сам Вергилий) добивается взаимности от мальчика Алексиса (Александр, слуга Азиния Поллиона, государственного деятеля, оратора, патрона поэта). В благодарность за эклогу Поллион подарил мальчика Вергилию.

⁷ Ср. рассуждения Эразма о симпатии и антипатии, о дружбе и вражде в природе в диалоге «Дружество», см.: Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. - С. 596-608.

критянин – эгинцу»¹. Со своей стороны, многочисленные пословицы о несходстве означают не что иное, кроме: между людьми, которые несхожи судьбой, образом жизни, людьми с разными увлечениями или совершенно не бывает дружбы, или, если возникает, то не бывает прочной и быстро прекращается; вследствие этого случается, что неуч не выносит знатока наук, мирянин² – священника, деревенщина – придворного³, юноша – старика. И по этой же причине эпикурец не [терпит] стоика, философ – правоведа, поэт – богослова, косноязычный – красноречивого. От этого же чуть не исчезла дружба братьев-близнецов Амфиона и Зета, так как один усердствовал в игре на лире, другой находил удовольствие в возделывании земли. И исчезла бы, если б Амфион, отбросив лиру, не перешел к занятию брата⁴. По той же причине дружба Кастора и Поллукса была порочной, что даже не обошлось без позорной попытки убийства; хотя родились оба из одного яйца, но скорее близнецами они быть не могли еще и потому, что один был кулачным бойцом, а другой увлекался лошадьми⁵. Оттого же плохо сочетались Рем с Ромулом, ибо один был более угрюмого и сурового нрава, другой – был более ласковым: поэтому и имя Ром на Ромул было изменено⁶. Хуже всего сочетались Каин и Авель, ибо их привлекал разный образ жизни⁷. Напротив, величайшему сходству сопутствует и высочайшая степень любви, как это и описано поэтами, к примеру Нарцисс, избегавший прежде всякой дружбы, лишь только увидел свое собственное отражение в чистейшем источнике, тотчас воспылал самой пылкой любовью⁸. Ибо что более похоже на нас, чем собственное отражение? Следовательно, когда ученый ученого любит, трезвый – трезвого, скромный – скромного, честный – честного, каждый любит не что иное, но свой собственный образ в другом человеке, то есть самого себя, но в ином обличье. Но если сходство к тому же основывается на добрых свойствах души, которые суть поистине добрые, а это – благочестие, справедливость, воздержанность, тогда рождается дружба, обладающая теми качествами, что скрепляют ее, а именно: (дружба) честная, верная, чистая, непреходящая, нерушимая. С другой стороны, [учитель] должен внушить, что если она основана на вещах материальных и преходящих, тем паче непристойных, то не будет ни приятной, ни продолжительной, ни просто дружбой. В связи с этим можно показать, как Платон изображал двух Венер,

¹ Подробные рассуждения Эразма на темы приведенных пословиц см.: *Adagia*. I.x.35; I. ii.21; I.ii.20; I.viii.1; I.ii.22; I.x.71; I.ii.62; I.ix.77; I.ii.24; I. ii.27. «критянин – эгинцу» – сходство либо как у жителей островов, людей с дурной репутацией (лжец со лжецом, вор с вором), либо основано на историческом факте колонизации Эгины Критом. (Strab. *Geographica*. VII. 6. 16).

² В оригинале – *prophanus* – непосвященный.

³ Понятия «столичный», «придворный» и «сельский», «деревенский» в латинском языке всегда имеют дополнительное значение «изящный» и «грубый».

⁴ *Амфион и Зет (миф.)* – братья-близнецы, сыновья Зевса и Антиопы. Зет, обладая большой физической силой, занимался охотой и земледелием, Амфион предпочитал музицировать. Они возвели г. Фивы, причем камни сами укладывались в стены под воздействием звуков волшебной кифары, подаренной Амфиону Гермесом.

⁵ *Кастор и Поллукс (Полидевк)* – братья-близнецы, сыновья Леды, супруги спартанского царя Тиндарея. Зевс явился к Леде в образе лебедя и от этого союза родились близнецы Диоскуры. По другой версии мифа, которую излагает Эразм, Полидевк был сыном Зевса, а Кастор – Тиндарея, т.е. был смертен. После убийства Кастора Зевс позволил братьям жить вместе попеременно то в подземном царстве, то на Олимпе.

⁶ Уменьшительная форма образована с помощью суффикса *-ul*: *Romus* – *Romulus*. Ср.: «А причиной того, что Рома стали называть Ромул, было желание сказать приятное, потому что уменьшительное слово радует» (Сервий. Комментарий к «Энеиде». Стих 273. Пер. Н.Федорова // Вергилий. Энеида. - М., 2001.- С.275).

⁷ Ср.: «И был Авель пастырь овец, а Каин – земледелец» (Быт. IV. 2). Жертвоприношения Каина и Авеля стали темой теологической дискуссии между Эразмом и Д.Колетом, описанной в письме Эразма к Дж.Сикстину, см.: *Opus epistolarum*. T. I. Ep. 116.

⁸ *Нарцисс* – в греческой мифологии прекрасный юноша, сын речного бога Кефисса. Будучи наказан нимфой Эхо за то, что отверг ее любовь, влюбился в собственное в воде отражение и умер от мук неутоленной страсти, см.: Ovid. *Met.* III. 407 sqq.

одну – небесную, другую – земную¹. А также двух Купидонов, каждого соответствующего своей матери². Небесная Венера порождает истинные образы, а её сын внушает истинные и благородные чувства. Среди добрых любовь всегда обоюдна, среди низких по большей части бывает, что один любит, другой ненавидит, один неотступно преследует [другого], а тот [его] отвергает. Это случается обычно вследствие несходства характеров и [образа] жизни. Оттого же у поэтов остроумно представлен Купидон, который подчас одного уколёт, золотым острием, а другого – свинцовым; первого – чтоб любил, второго – чтоб ненавидел. И ничто не может быть несчастнее ого рода дружбы. Как бы олицетворение такой дурно скрепленной дружбы представляет Вергилий в этой Эклоге. Коридон – селянин, Алексис – горожанин; Коридон – пастух, Алексис – придворный; Коридон – неуч (ибо Вергилий называет его песни грубыми), Алексис – образован; Коридон – преклонных лет, Алексис – в цветущем возрасте; Коридон – уродлив, а тот – прекрасен. Короче, всё несхожее. Поэтому мудрому человеку, если он хочет быть любимым взаимно, следует выбирать друга, соответствующего его характеру. Если, повторяю, это будет предварительно сказано, то уже можно прочесть указанные отрывки, изображающие превратно и буколически аффекты крестьянина и, я полагаю, ничто непристойное не войдет в сознание слушателям, если только кто-либо придет уже развращенным. То есть он эту заразу подхватил не здесь [в процессе занятий], но сюда с собой принес. Я изложил этот пример очень пространно, чтоб каждый в остальных случаях мог придумать таким же образом нечто подобное для себя.

Так вот, во вступлении к каждому сочинению, учителю следует показать, какова форма произведения по жанру и что в нем преимущественно стоит принять во внимание. Например, в эпиграммах похвальна остроумная краткость. Затем он объяснит теорию смешного, которую сообщают Фабий и Цицерон³. [Укажет], что эта литературная форма особенно приятна в умело брошенных в заключение восклицаниях⁴, которые оставляют в душе читателя своего рода побуждение к размышлению. В трагедии следует наблюдать главным образом аффекты, и притом наиболее глубокие из них. Пусть учитель вкратце покажет, каким образом они возбуждаются. Затем – рассмотрит доводы [героев], как если бы они были примером декламаций. Наконец, нужно разобрать описания мест, времен, различных событий, острых споров, которые могут быть выражены то дистихом, то одностишием, то полустихом. [Он объяснит], что в комедии прежде всего следует наблюдать изображение моделей поведения⁵ и повседневной жизни, и что аффекты здесь выступают более смягченными и скорее привлекательными, нежели страстными. [Он покажет], что в первую очередь должны быть рассмотрены модели поведения, причем не только общеизвестные: юным свойственно влюбляться, сводникам – нарушать

¹ См.: Платон. Пир. 180-187. Аллюзия на Венеру небесную и Венеру земную, любовь духовную и любовь телесную см. у Тициана (картина «Любовь земная и небесная»), у М.Фичино в «Комментарии на «Пир» Платона» (Эстетика Ренессанса. - М., 1981. Т.1).

² С.: «Сравни друг с другом те две Венеры и двух Купидонов Платоновых, т.е. благородную любовь и постыдную, святое удовольствие и позорное; сопоставь разные их свойства, природу, награды» (Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина. С.202).

³ Cf: Quint. Inst. orator. VI. iii. 1-112 (De risu); Cic. De oratoris. II. 217 sqq; De officiis. I. 103-104. Подробнее см.: Чернявский М.Н. Теория смешного в трактате Цицерона «Об ораторе» // Цицерон. 2000 лет со дня смерти: Сб. статей. - М., 1956. - С.105-144.

⁴ В тексте – *epiphonematis*, *acclamatio*, cf: “Ибо эпифонема есть яркое восклицание о рассказанном или защищаемом деле” (Quint. Inst. orator. VIII. v. 11).

⁵ *Decorum* – приличия, «подобное», «пристойное». Классическое изложение понятия *Decorum* как пристойности поведения см.: “...что подобает, то и достойно, и что достойно, то и подобает”. “Но о том, что каждому подобает, поэты будут судить применительно к образу того или иного действующего лица. Таким образом поэты, при большом разнообразии действующих лиц, увидят, что подходит и что подобает даже порочным людям”(Cic. De officiis. I. 94, 97-98). У Эразма развитие данной темы см. в диалогах “Внушение наставника”, “Мальчишеское благочестие”, “Пестрое застолье” (Разговоры запросто. - С. 44-46; 57-69; 442-448), в трактате “О приличии детских нравов” (Славянская филология. 1955. № 1).

клятву, проститутке – завлекать, старику – ворчать, рабу – обманывать, солдату – хвалиться и подобное в этом же роде¹, но и нечто иное, особое, что поэт по своему усмотрению приписывает другим героям. Например, в «Девушке с Андроса» Теренций выводит на сцену двух стариков, с весьма различающимися нравами: Симона – резкого и немного язвительного, далеко не глупого и совсем не бесчестного, и, с другой стороны, Хремета – учтивого, всегда миролюбивого и в любой ситуации управляющего собой, все [спору], как может, умиротворяющего, и хотя мягкого, однако, совсем не тупоумного. Также (автор выводит) двух юношей, различающихся характером: Памфила, рассудительного сообразно с его возрастом и изобретательного, но немного резкого, так что ты можешь узнать сына Симона; с другой стороны, Харина – ребячливого, глупого и лишенного проницательности. И опять же двух рабов с различными характерами: Дава – хитрого и преисполненного замыслами, и непоколебимейшего оптимиста² и прямо противоположного [ему] Биррия – человека без какой-либо инициативы, лишь постоянного виновника отчаяния для своего хозяина³. То же самое в «Братьях»: Микион – даже в ворчании кроток и приветлив, Демей же и в лести исполнен едкости. И опять же, [возьмем] Эсхина, ни на что не решающегося из-за привычки к городскому образу жизни и надежды на Микиона, но при этом ты можешь обнаружить честный характер, человека, предупредительного по отношению к брату, верного девушке; с другой стороны, Ктесифонта – по-деревенски простоватого и робкого из-за неопытности в любовных делах; Сира – лукавого и дерзкого, такого во всем притворщика и лицемера, что только хмель изобличает его фальшь; Дромона – тупого и ленивого⁴. Но здесь не стоит продолжать этот список, в данный момент достаточно определить метод. В «Эклогах» учителю следует указывать, каково описание «золотого века» и образа жизни «во время оно». Также, что бы мы ни упомянули из сентенций, уподоблений или сопоставлений – они взяты из пасторальной жизни: чувства просты, герои находят удовольствие в песнях, афоризмах и пословицах и находятся в плену у суеверий и предзнаменований. Также учитель позаботится напомнить, чем особенным отличаются героический эпос, история, диалог, притча, сатира, ода и остальные литературные жанры. Тогда ему не будет трудно показать, какие достоинства или даже промахи есть у отдельных авторов в отдельных текстах, чтобы в результате подростки уже в раннем возрасте приучались к рассуждению – что для них есть существеннейшего в любом произведении. В этом случае учителю помимо опыта и таланта также будут полезными книжица Цицерона «О знаменитых ораторах»⁵, а также рассуждения о писателях Квинтилиана, Сенеки,

¹ Эразм приводит сюжетные стереотипы и традиционные сценические маски и модели поведения, свойственные определенным социальным категориям, действующим в античной комедии.

² В тексте - *sperandi auctorem* – вдохновителя надежды.

³ В эпоху Возрождения известность Теренция неизмеримо возросла после появления в 1470 г. первого печатного издания его пьес. В 1476 г. «Девушка с Андроса» впервые в Новое время была поставлена на сцене театра Флоренции. В указанных строках Эразм характеризует характерный для Теренция прием «удвоения» интриги и характеров.

⁴ Эразм, вероятно, ошибся. Дромон в пьесе «Братья» упоминается один раз в речи Сира, приказавшему ему очистить рыбу (строка 376). Следовательно, характеристика «тупой и ленивый» не может относиться ни к Дромону, ни к Сиру.

⁵ Эразм имеет в виду трактат Цицерона «Брут, или о знаменитых ораторах» (46 г. до Р.Х.). См.: Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. И.П.Стрельниковой. - М., 1972. - С. 253-328. Трактат – диалог Цицерона, Брута и Аттика – представляет собой хронологический обзор римских (более 200 имен) в последовательности их консульских или преторских дат с краткими характеристиками каждого. Это единственное связанное и полное сочинение по истории литературы, сохранившееся от античности. Подробнее см.: И.П.Стрельникова. Риторическая теория и ораторская практика. Цицерон // Ораторское искусство в Древнем Риме. - М., 1976. - С. 92-135.

Антонио Кампано и, конечно, старейшие комментаторы; Донат особенно был занят этим¹.

Этому служит и прием обсуждения [замысла], например: почему Марк Туллий в речи в защиту Милона притворялся, что он боится²; или почему Вергилий столь превозносит Турна, врача Энея³; или отчего у Лукиана непризнанный врач не досаждал мачехе, но чаще восхваляет её и более строг в отношении отца, нежели мачехи⁴. Впрочем, здесь также можно до бесконечности распространяться. Кто-либо, пожалуй, сочтет, что все это требует слишком много труда. Действительно, я хочу, чтоб наставник был образован и подготовлен длительным опытом работы⁵. Если таковой найдется, мальчики даже без труда овладеют этими знаниями. Ибо, если вначале эта программа и покажется довольно тяжелой, но будет облегчена в результате занятий и [приобретения] навыков. Если я не ошибаюсь, это – доподлинно наилучшее и подходит, чтоб сразу обучать детей наилучшему⁶. Впрочем, не везде следует внедрять всё целиком, дабы ученики не испытали пресыщения, а усвоили самое важное. Но не меньшее старание, чем [было потрачено] на объяснение, учителю следует приложить, проверяя то, что он преподавал. Несомненно, такой труд для учителя является тяжелейшим, но для учеников – полезнейшим. И пусть учитель проверит не только урок в общих чертах, но, что бы ни было по сути важного, должно быть проверено, чтобы они привыкали это значительное верно воспроизводить. И, право же, пусть не отпугнет от этого дела трудность, ибо она преодолевается даже в месячный срок. Мне никогда не нравилось, что юноши записывают всё говоримое, ибо из-за этого случается, что остается без внимания развитие памяти. Разве только кто-то пожелает что-либо кратко пометочками записать, и это лишь до тех пор, пока память не будет укреплена опытом, и ученики не будут нуждаться в помощи письменного слова.

Наконец, я придаю столь большое значение надлежащему методу обучения, что, найдись старательный и образованный учитель, то я не сомневался бы поручиться своим опытом: он мог бы привести юношей к приемлемому знанию обоих языков и даже красноречию с меньшим трудом и за меньшее число лет (были бы только обнаружены не совсем удручающие способности), нежели те самые пресловутые грамматики уведут их к своему собственному заиканию, а лучше сказать – к немоте⁷. Итак, обученный этим первоосновам в начальной школе, мальчик потом

¹ Quint. Inst. orator. X. i. De copia verborum; Луций Анней Сенека Старший – см. выше примечание 121; Антонио Кампано (1429–1477 гг.) – итальянский гуманист, уроженец Капуи, ученик Лоренцо Валлы, поэт из окружения папы-гуманиста Пия II, который пожаловал ему сан епископа. Переводил Плутарха и Эзопа, автор лирических стихов, писем (9 книг), трактата «In varios auctores censurae» (1502). Эразм упоминал его как человека, «рожденного для шутки и остроумия» (Ep. 60); Элий Донат – см. выше примечание 24.

² Цицерон. За Милона. I. 1 // Цицерон. Избранные речи в 2-х тт. – М., 1962. Т. 2. Ср.: «Марк Туллий, отец римского красноречия, когда начинал говорить, трясся самым жалким образом, задыхаясь и всхлипывая, словно мальчишка» (Эразм. Похвала глупости. – М., 1991. – С.58. Перевод П.К.Губера).

³ Вергилий. Энеида. VII – XII, более всего XII.

⁴ Имеется в виду герой диалога Лукиана «Лишенный наследства», переведенного Эразмом в 1506 г. (Abdicatus Luciani, Desiderio Erasmo Roterodamo interprete // Opera omnia. I. i. 398-409). Сюжет диалога: лишенный наследства сын изучал медицину и, вылечив своего отца от безумия, был вновь принят в семью. Позже, когда его мачеха сошла с ума, он отказался ее лечить и был вновь изгнан, лишившись всего состояния.

⁵ Наиболее близок к этому идеалу учителя наставник из диалога «Внушения наставника», см.: Эразм Роттердамский. Разговоры за просто.- С. 44-46.

⁶ Cf. Quint. Inst. orator. XII.ii.

⁷ См. реакцию Д.Колета на эти строки: «Я не раз высказывал пожелание, чтобы мальчиков в моей школе... обучали именно такие люди, как ты нарисовал... Как страстно я хотел тогда иметь тебя, о Эразм, учителем в моей школе! Но я надеюсь, что ты окажешь мне помощь хотя бы в подготовке моих учителей...» (Ep. 230).

мог бы с уверенностью¹ сам обратиться к более высоким наукам и, куда бы он ни направился, он легко засвидетельствует, насколько важно, что он изначально обучался у наилучших наставников. Эти рекомендации, которые я, мой славнейший Петр, написал о способе обучения, я предлагаю тебе сейчас – пользуйся ими, если понравились, а если нет, по крайней мере, прими благосклонно наше усердие в ответ на твою искренность. Ты только продолжай так, как уже начал стремиться к добрым наукам, и просвещай твою во всех отношениях процветающую Галлию еще и благородными штудиями. Будь здоров, прощай.

¹ В оригинале – *bonis avibus* – при хороших предзнаменованиях, в добрый час.

Д.А. Боршняков
Нижегородский государственный
педагогический университет

Фрагмент спектакля
«Что такое хорошо или вечные вопросы о главном» (диалоги Сократа)

Сократ и Гиппий

Сократ: Гиппий, славный и мудрый, наконец-то ты прибыл к нам в Афины!

Гиппий: Приветствую тебя, Сократ. Клянусь Зевсом, ты хочешь у меня что-то спросить. Спрашивай! Так и быть, я отвечу тебе на твой вопрос. Хотя мудрец должен быть мудрым, прежде всего для себя самого!

Сократ: Клянусь Герой, хорошо сказано, Гиппий. Помоги мне одолеть одного человека, своими вопросами он ставит меня в тупик.

Гиппий: Ничего-то ты, Сократ, по-настоящему не знаешь. Спрашивай!

Сократ: Но можно, я буду возражать тебе, как тот человек?

Гиппий: Ну что ж, возражай!

Сократ: «Ответь мне чужеземец – скажет тот человек, - что такое прекрасное?».

Гиппий: Это же просто, Сократ. Ответь ему так, что он не сможет опровергнуть – прекрасное – это прекрасная девушка!

Сократ: Славный ответ, Гиппий, клянусь собакой. Но, я в этом уверен, тот человек скажет: «Ну а что такое прекрасная лира, разве это не прекрасное?»

Гиппий: Ты верно говоришь, Сократ! Придется с этим согласиться

Сократ: После тот человек скажет – я в этом почти уверен - «Дорогой мой, а прекрасный горшок – разве не прекрасное?».

Гиппий: Да что это за человек? Как невоспитанно и дерзко произносить столь низменные слова в таком серьезном деле!

Сократ: Но он спросит – «Если горшок вылеплен искусным мастером – разве он не прекрасен?».

Гиппий: Так оно, я думаю, и есть – прекрасен и этот сосуд! Но он недостойн считаться прекрасным по сравнению с девушкой.

Сократ: Пусть будет так. Но тот человек скажет «Из обезьян прекраснейшая безобразна, если сравнить ее с человеческим родом, а если сравнить девичий род с родом богов – не покажется ли прекраснейшая девушка обезьяной?».

Гиппий: Именно так - по сравнению с богами род людской не прекрасен. Скажи тому человеку, что прекрасное – это золото, и он попадет в тупик.

Сократ: Но тот человек будет смеяться и скажет: «Почему тогда Фидий – этот искуснейший мастер, сотворил богиню Афину из слоновой кости, тогда как она должна быть золотой!»

Гиппий: Мы признаем, что каждую вещь делает прекрасной то, что для каждой вещи подходит.

Сократ: Ну и Гиппий - как изумительно и величественно это сказано! «Ну а, если в том самом горшке сварить прекрасную кашу, - спросит тот человек - каким половником следует ее черпать: золотым или сделанным из слоновой кости?».

Гиппий: Клянусь Зевсом, какой он невежда! Сократ не стал бы беседовать с таким человеком! Прекрасное все время ускользает и ускользает как-то нелепо. Я должен уединиться и поразмыслить сам собой. *(уходит)*

Сократ: «Так что же такой прекрасное?» - спросит тот человек.

Я. В. Кауров

* * *

На склоне дня, уставший от работы,
Во сне мгновений – капель дождевых –
Благословляю повседневные заботы,
Что нас хранят от мыслей роковых!

Лучом зардевшимся портал колонн украшен,
Афины лик не омрачен ничем,
Из стройной амфоры вино струится в чашу...
Как сладок миг общения со всем!

Вот женщина склонилась на колени,
Играют дети, давят виноград,
Вот наша жизнь – и только размышленья
Крадут плоды естественных усад.

Мысль о конечности существования,
О краткости усилий на земле...
Как страшен миг такого осознания,
Как душит надвигающийся тлен!

Тот жил разгульно, этот – слишком строго,
Тот властвовал, а в старости забыт...
Какой бы в жизни ни пошел дорогой,
Раскаянье в конце тебя спалит.

Кто закопал талант, кто продал душу,
Кто славен был, но не имел детей,
Кто, испугавшись, сам любовь разрушил,
Кто разочаровался в доброте.

Лучом зардевшимся портал колонн украшен,
Афины лик не омрачен ничем,
Из стройной амфоры вино струится в чашу...
Как сладок миг общения со всем!

На склоне дня, уставший от работы,
Во сне мгновений – капель дождевых –
Благословляю повседневные заботы,
Что нас хранят от мыслей роковых!

Владимиру Михайловичу Строгецкому

Есть люди на земле – их мало,
Они в барачной толкотне
В своём стремлении к идеалу
С великими наедине.

Они не делают ошибок
И зла не сеют на земле,
От размышлений и улыбок
У них морщины на челе.

Так беззащитны, уязвимы
В исканьях призрачных своих,
Но богом, видимо, хранимы,
Они не колют ног босых.

И грязи мира не касаясь,
Хранят видения хрусталь,
И близоруко улыбаясь,
Они глядят куда-то вдаль.

Как будто атриум просторный,
Весенним солнцем освещён,
Их ждёт всегда нерукотворный
С прохладой мраморных колонн.

Потомки воспоют следы их.
Держа папирусы в перстах,
Сидят философы седые
С улыбкой детской на устах.

Закончилась Эллады вечной драма,
Но мысли не меняется природа,
И спорим мы всегда о тех же самых
Понятиях, воззрениях и подходах.

Но в мире всё понять не в нашей власти,
И истины правдивы лишь отчасти.

О греки, греки – колыбель сознания,
Впервые извлечённая порода!
Вы корни наших изначальных знаний
И истины в общении с природой.

Страшна за убеждения расплата,
 Когда-то да поставят вне закона
 И доброту беспечного Сократа,
 И даже идеальный мир Платона.

Как много мы прекрасного забыли,
 Сократа толпы черни покарали,
 И стоиков, что логикой открыли
 Добра необходимость и морали.

Пророчила безумная Кассандра:
 Прекрасные учения забыты
 Анаксимена и Анаксимандра,
 Сенеки, Эпикура, Демокрита.

О греки, греки – колыбель сознания
 И лживого понятия свободы!
 Сбываются все ваши предсказания,
 И гибнут от безумия народы.

Жаль, в мире всё понять не в нашей власти
 И истины правдивы лишь отчасти.

Не сосчитать безумные потери,
 Но сладостна для ищущего слуха
 Та мысль о восхождении материй
 К высотам пламенеющего духа.

* * *

Славен и счастлив живущий под небом великой Эллады!
 Если сметлив, то получит он статных рабынь и богатство,
 Если силён он и храбр, то получит почёт и награды.
 Славен, пока не попал он, закованный, в вечное рабство!

Сам для себя ты живой, а для всех считаешься мёртвым,
 Дорог себе ты, для всех же дешевле слепого барана,
 Жизнь твоя легче на вес жалкой лепты, менялою стёртой,
 И не заплачет никто над твоей кровоточащей раной,

Раб – это вещь, потерявшая силу над всякою вещью.
 Но и свободный, как раб, у богов воле высшей внимает.
 Боги – рабы у желаний своих – неотступных, зловещих,
 Старые мойры для всех жребий их роковой вынимают.

Рок не имеет желаний, бездушен – ни плоти, ни счастья,
 И как слепому – восход, как оглохшему – лира, ему ничего
 здесь не нужно.

Так для чего же и кто наделил его полною властью?
 Только затем, чтобы правили преданность, вера и дружба.

Только затем, чтобы смертных желанья пьянили от счастья,
Только затем, чтобы радовал ветер, вино и объятия,
Чтоб под лозой двое юных метались, друг к другу прикованы
страстью,
Только затем, чтобы шла красота в золотистом и пурпурном
платье.
Нет, кроме смертных оков, благородному эллину плена,
Сам для себя ты решай – быть хозяином иль попрошайкой.
Разум и мысли твои – вот достойная существу мена.
Часто бывает и так, что рабу достаётся хозяйка.

* * *

Прекрасна жизнь философа в Элладе,
Как в полдень моря блещущего гладь:
Жить, и не помышляя о награде
И с кроткою улыбкой умирать.

В обнимку с кубком в тишине беспечной
В тенистый сад спустившись на закате,
Следить, как возникает пояс млечный
И жизнь струится к вечности в объятья.

И с добрыми друзьями как прекрасно
Сидеть, забыв о череде веков,
И рассуждать о том, что неподвластно
Ни суе людех, ни промыслу богов.

* * *

Чудный мерцающий лес,
Полный незримых чудес,
Тени дриад и сатиров.
До появления вещей
Это родилось в душе
До сотворения мира.

Словно прекрасные сны,
В свежем дыханье весны
Кружатся легкие пары.
И в подтверждение снов
Из-за древесных стволов
Вздохи могучих кентавров.

Что это – страх или смех?
Что родилось раньше всех,
Словно в листе дуновение?
Кругом идет голова,
Не воплотятся в слова
Трепетные ощущения.

Что это – детства игра,
 Посланная из вчера,
 Или напутствие предков?
 Или предвестник иных
 Новых открытий земных
 В душах, лучах или ветках?

* * *

О несравненное дивное небо Эллады!
 Что же осталось навеки в тускнеющем взоре?
 Земли раскинулись благоухающим садом,
 После скитаний увидели эллины море.

Легкий Эол в море выстроил храмы волнами,
 Мечет на берег морской хризолита колонны,
 Их пронизал Аполлон золотыми струнами,
 Эхом по берегу медленный шаг Посейдона.

Солнцем облита твоя незабвенная память,
 Словно усилья гребцов на летучей триреме,
 Наше сознание твоими полно голосами,
 Шаг Посейдона твои отмеряет поэмы.

О несравненное дивное небо Эллады!
 Смежит философ к утру воспаленные веки.
 После раздумий прозренье познал он в награду:
 Боги в желаньях и скорбях равны человеку.

Поняли эллины: перед природою равны,
 В сонме иллюзий на этом мерцающем свете
 Кружатся в танце наяды, дриады и фавны,
 Души деревьев и трав – богоравные дети.

Кто может быть богаче Рима?
 Один великий Карфаген.
 Он в нас присутствует незримо,
 Всплывает мрачно из легенд.

Аскет и стоик - римский воин
 В него с мечем входил не раз,
 Но Карфаген, мечты достоин,
 Вновь поражал богатством глаз.

И поколенья Сципионов
 Идут на вечную войну,
 Давя купцов как скорпионов,
 Пуская корабли ко дну.

Пропитан золотом и болью,
Как проклятые города,
Распахан и засыпан солью
Пустыней станет навсегда.

От крови жертвоприношений
Торговцам руки не отмыть.
Он возрождающийся гений
И уничтожен должен быть.

Он обречен, он станет пашней.
Он Карфаген - обитель зла.
И пусть торговцев рухнут башни
На раздобревшие тела.

Андрей Тремасов

ЭХО ЭЛЛАДЫ

* * *

Вы слышите – эхо Эллады
Доносится издалека...
Ждут Боги Назначенной платы,
А плата Богам Велика...

Вы слышите мудрые речи,
Волны набегающей плеск...
Готовьтесь к обещанной встрече,
Смотрите, вы видите блеск?

То блеск вдохновенной культуры,
Восторженных чаш и мечей...
Величия архитектуры
И звезд темно-синих ночей...

О, Греция, тайны и мифы,
Свобода и рабство во всем...
Коней обезумевших гривы,
Ладонь с олимпийским огнем...

Вы слышите – эхо Эллады
И грома раскаты!

* * *

Спелая гроздь винограда,
 Жаркое солнце Афин...
 Снова мне снится Эллада –
 Край вдохновенья и вин...

Край состязаний и споров,
 Странствий и тайных надежд...
 Незабываемых взоров,
 Легких как ветер одежд...

Песни Гомер там слагает,
 Боги рождают Богов...
 Парус мечта напрягает,
 Храбрость карает врагов...
 Спелую гроздь винограда
 Дарит Эллада...

* * *

Фермопилы – вот место неравного боя
 Тех трехсот, чей девиз не забыт до сих пор...
 Тех трехсот, заслонивших Элладу собою,
 Обессмертивших имя свое среди гор...

Меч, копье и натянутый лук...
 Прочь позорные мысли о плене!
 Становились спартанцы в развернутый круг,
 Если падали, не на колени...

Эти камни от пролитой крови темны,
 Это небо от крови багрово...
 Греки памяти павших героев верны
 И верно их свободное слово...

Фермопилы – вот место неравного боя
 Тех трехсот, заслонивших Элладу собою!

* * *

Я иду по тропе мирозданья
 Со спартанским плащом на руке...
 Сочиняя стихи и преданья,
 Оставляя следы на песке...

Меч короткий на солнце сверкает,
 В нем элитная память веков...

Мне она побеждать помогает
Самых сильных и злобных врагов...

Я иду по тропе мироздания,
Сочиняя стихи и преданья...

* * *

Спартанцы, вперед!
Не видеть врагу нашей крови...
Пусть память живет
О мужестве в камне и слове...

Спартанцы, вперед!
Мы славная песня Эллады...
Нас вечность зовет,
Плеснув нам на плечи закаты...

Веди, Леонид,
Железную горстку героев...
Ты будешь убит
И ляжешь, свой гнев успокоив...

Под тучами стрел
К Богам мы отправимся следом...
Чтоб лжец не посмел
Тягаться с грядущим поэтом...

Спартанцы вперед!
Не видеть врагу нашей крови...
Пусть память живет
О мужестве в камне и слове,

Спартанцы, вперед!

* * *

Почему мы играем Спарту,
Завернувшись в спартанский цвет?
Потому, что верны азарту
И другого примера нет.

Почему на краю могилы
За стихи мы вступаем в бой?
Потому, что не равны силы
И нельзя дорожить собой.

Потому, что в последнем шаге
Наша - правда и наша кровь,
Проступившая на бумаге,
В виде строк победивших вновь.

Потому, что за нами право

Улыбаться врагам на зло,
Вызывающе и кроваво,
Как бы не было тяжело.

Мы сегодня сменили лиру
На короткий спартанский меч,
Чтоб вернуть благородство миру,
Или в землю красиво лечь.
Красота – это плащ поэта,
Им больная душа согрета!

* * *

Икара восславим,
Что к солнцу стремился,
Опасность презрев...
...И плечи расправим,
Икар не разбился,
Красиво сгорев...

Бесстрашным величием
Служители муз
Восторгались не раз –
Умением птичьим
Летели из уст
Их стихи на Парнас...

В наш век не осталось
Ни дерзких икаров,
Ни магов пера...
Как крылья распалась,
Во власти пожаров,
Их тайна... Пора!

Восславить Икара,
Что солнца достиг
И коснулся его...
Небесная кара
Оставила крик,
А мечта высоко...

Восславим Икара!
Восславим Икара!
Восславим Икара!

* * *

Посейдон растревожил море,
Волны, пенясь, грозят бедой...
Аргонавты, с судьбою споря,
Не спешат расстаться с мечтой...

Им руно золотое снится,
Ослепителен этот сон...
Вот корабль обгоняет птица,
Ей доверил мечту Ясон...

Слишком поздно столкнулись скалы,
Боги храбрым благоволят...
Даже если зарницы алы,
Новый день различает взгляд...

В новом дне берега Колхиды
И Медеи бесценный дар...
Хитроумный Эет, обиды,
Затаенных желаний жар...

В новом дне красота победы,
О которой поют поэты...

* * *

Я славлю гордую Элладу,
Ее неукротимый дух...
Девиз спартанца ловит слух,
В бою нашедшего усладу...

Я славлю гордую Элладу,
Словоохотливость Афин...
И состязания мужчин,
Вдохнувших жизнь в Олимпиаду...

Я славлю силу и движение,
Талант Гомера, красоту...
Икара дерзкую мечту,
Горгоны злое отраженье...
Я славлю миф о Прометее
И Галете...

ДРЕВНИЙ РИМ

* * *

Римская монета
На груди как тайна...
Найденная где-то,
Может быть случайно...

Что за тайна это?
Не поймать на слове...
Слишком мало света,
Слишком много крови...

* * *

Сегодня их пришло намного больше,
Я против друга выхожу с мечом...
Нам нужно умирать как можно дольше,
Пока один не станет палачом...

Судьба у гладиатора такая,
Что и с мечом в руках свободы нет...
Дымится кровь, по лезвию стекая,
Темнеет на песке кровавый след...

Рим жаждет зрелища, и Рим его получит!
Однажды цепи разорвут рабы...
Они всех римлян к ужасам приучат,
Патрициям, раскраивая лбы...

Сегодня их пришло намного больше,
Мы на арене начинаем бой...
Нам нужно умирать как можно дольше,
Играть пред равнодушной толпой...

Я буду умирать, как можно дольше
И ради брата жертвовать собой...

* * *

Цезарь ведет легионы,
Мир покоряет он!
Слышатся рабские стоны,
Римский царит закон!

Цезарь – избранник славы,
Консул – один из двух!
Жаждет, ради забавы,
Трона, все слаще слух!

Цезарь, лишенный свиты,
Как и своих побед...
В сенате лежит – убитый,
Цезаря больше нет!

Величье слепит порою,
Но гибель к лицу герою!

* * *

Попарно проносятся кони
 Семи боевых колесниц...
 Я снова во власти страниц,
 Во власти смертельной погони...

По линиям смуглой ладони
 И трепету длинных ресниц,
 Я ту, из склонившихся жриц,
 Узнаю, что будет на троне...

И с нею, еще не царицей,
 Пойду за седьмой колесницей
 Туда, где рождается страсть...

Где в столах египетской ночи
 И страшно, и сладко пропасть,
 Целуя прикрытые очи,
 Купившей недорого власть!

МАРК АНТОНИЙ

Любовь заставила тебя
 Мечом показывать на Рим...
 Однако воины, скорбя,
 В конце концов остались с ним...

Не в силах помешать врагу,
 Ты на предательство смотрел...
 И смерть хотелось на скаку
 Принять от выпущенных стрел...

У Клеопатры на руках
 Ты ждал последнего суда...
 Вручив Александрии крах,
 Ловя возлюбленной уста...

КЛЕОПАТРА

Клеопатра – царица пустыни!
 Клеопатра – царица ночей!
 В жилах кровь у любовников стынет
 Под укусами первых лучей...

Клеопатра – предсмертное право!
 Клеопатра – огонь и восторг!
 Для царицы – пустая забава,
 Для любовников – дьявольский торг...

Клеопатра – дарящие губы!
 Клеопатра – рассветная мгла!
 Ласки царственны, жадны и грубы,
 Обнаженные дерзки тела...

Клеопатра – холодные очи!
 В них разгадка египетской ночи...

* * *

Надменный римлянин безжалостен к рабам,
 Ведь над рабами господин имеет власть...
 Он бьет с усмешкою рабыню по губам,
 Чтоб заглушить в груди проснувшуюся страсть...

Рабыня юная отводит влажный взгляд,
 Она послушна в недоступности своей...
 Не потому ли губы жалят словно яд,
 И этот яд любой надменности сильнее...

Несчастный римлянин трагически влюблен,
 Ему помочь никто не в силах, только меч...
 И вот уж кровью плащ страдальца обагрён,
 И тело верные рабы готовы сжечь...

Надменный римлянин наказан и сожжен,
 Не досчитается солдата легион!

* * *

Орды варваров весело
 Опрокинули Рим...
 Все, чем прошлое грезило
 Опрокинулось с ним...

Легионы империи
 Отреклись от орлов...
 Больше нет кавалерии,
 Нет надменных послов...

Тех, что римские правила
Диктовали врагу...
Их история славилась,
Но осталась в долгу...

Перед Городом Мира,
В час кровавого пира!

* * *

Античные ветра
Нам выжигали лица.
Не ладилась игра,
И римская волчица

Ночами на луну
С тоскою смертной выла,
Тревожа тишину,
Вчера все это было!

А ныне – страх и пыль,
Разграблен Вечный город.
И это тоже былъ,
Рождает храбрость голод!

Чужие племена
Завоевали право
На наши имена
Серьезно и кроваво –

Античные ветра,
Античные ветра!

Юрий Анатольевич Шичалин (родился 30. 08. 1950) — филолог-классик, историк философии, переводчик; выпускник кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова (1974); аспирант (1974-1977) и преподаватель кафедры классической филологии (1977-1988); защитил кандидатскую диссертацию по классической филологии (1979); секретарь проф. А. Ф. Лосева (1994-1981); старший научный сотрудник Института философии (ИФ РАН, с 1988); директор основанного в 1990 г. Греко-латинского кабинета (ГЛК, частная издательская и образовательная структура), учредитель «Классической гимназии при Греко-латинском кабинете» (1993); защитил докторскую диссертацию по истории философии (2000); в настоящее время зав. кафедры и отделения древних языков и древнехристианской письменности Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), профессор ПСТГУ и кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник ИФ РАН.

Основная сфера интересов — история античной философии (специально — история античного платонизма), история европейских образовательных институтов, методика преподавания и практическое преподавание древнегреческого языка.

Автор цикла статей (свыше 50) по античному платонизму и понятиям античной философии для «Философского энциклопедического словаря» (М.: «Советская энциклопедия», 1983, 1989), «Новой философской энциклопедии» (М.: «Мысль», 2000-2001), «Энциклопедического словаря (Философия)» (М.: Гардарики, 2004), ряда статей для «Православной энциклопедии» (М.: Православная энциклопедия, 2000), разделов «Проблема изложения, хронологические рамки и периодизация античной философии» и «Три этапа исторического развития античной философии» в книге «История философии: Россия — Запад — Восток. Книга первая» (1995, 2000), книг «Феномен “возвращения” в первой европейской культуре» (1994), сборника работ «Античность. Европа. История» (1999), сборника статей «Пути российского образования и православие» (1999), монографии «История античного платонизма» (2000); «грамматического справочника» к начальному курсу греческого языка (2004, совместно с А. А. Глуховым); многочисленных научных статей, обзоров, рецензий.

Подготовил издания с греческим текстом, вступительными статьями и комментариями: диалоги Платона «Федр» (1989) и «Апология Сократа» (2000, совместно с А. А. Глуховым), «Комментарий к первой книге "Начал" Евклида (Введение)» Прокла (1994, первый перевод на русский язык), трактатов 1-11 Плотина (2007, новый перевод на русский язык); составил сборник переводов «Учебники платоновской философии» (1995, для которого впервые на русский язык переведены тексты Альбина, Алкиноя, Апулея, Саллюстия).

Подготовил для серии «Литературные памятники» первые переводы на русский язык (в стихах) драмы Гуго Гроция «Адам изгнанный» (1988) и поэмы Публия Папиния Стация «Фиваида» в 10 книгах (1991).

Читает лекции и ведет практические занятия со студентами и аспирантами в ПСТГУ и МГУ им. М. В. Ломоносова; преподавал в Московской Духовной Академии и Семинарии, Государственном университете гуманитарных наук (ГУГН); и др.

Член-основатель Международного платоновского общества; участвовал во многих международных конференциях; выступал с лекциями и докладами в Сорбонне (Париж), Тринити Колледж (Дублин), Томас-Институте (Кёльн), университетах Перуджи, Фрибура, Лувена; в качестве приглашенного профессора дважды читал лекции в Коллеж де Франс (1991, 1993), стажировался в École Normale Supérieure (Париж).

Издательством «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина» (ГЛК) выпущено в свет свыше 100 книг, среди которых оригинальные и переводные учебники древнегреческого и латинского языков, книги по истории античной литературы, философии и педагогики (с деятельностью ГЛК и Классической гимназии при ГЛК можно ознакомиться на сайте www.mgl.ru).

АЛЬМАНАХ

Славяно-греко-латинского кабинета
Приволжского федерального округа
«Thesaurus scientiarum et virtutum»
Сокровищница знаний и добродетелей

Выпуск I

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000.

Подписано к печати

Формат 60х90 1/16

Печ. л.

Тираж

Заказ

Цена договорная

Типография НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
603155, Н.Новгород, ул.Минана, д. 31^а